

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Московский педагогический государственный университет»

На правах рукописи

Усенок Дмитрий Дмитриевич

Андре Жид и Россия: проблема рецепции

Научная специальность 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Трыков Валерий Павлович

Москва – 2022

Оглавление

Введение.....	3-11
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.....	12-145
Глава 1. Рецепция Ф.М. Достоевского в творчестве Андре Жида.....	12-58
1.1 Книга Андре Жида «Достоевский» в контексте французской консервативной мысли начала XX века.....	10-31
1.2 Христианская и русская тема в книге А. Жида «Достоевский».....	31-42
1.3 Рецепция Достоевского в художественном мире А. Жида.....	42-58
Глава 2. «Возвращение из СССР» А. Жида: вера и отречение.....	59-94
2.1. Причины интереса Жида к Советской России и обстоятельства его визита в СССР.....	59-69
2.2. Советская действительность в книге Жида.....	69-79
2.3. Культурная жизнь в СССР и советский человек.....	79-89
2.4. СССР на страницах «Дневника» А. Жида во время Второй мировой войны.....	88-107
Глава 3. Рецепция А. Жида в отечественной критике и литературоведении.....	108-140
3.1 Творчество А. Жида в литературно-критическом сознании конца XIX–начала XX вв.....	108-121
3.2. Андре Жид в советской и российской критике и литературоведении.....	121-140
Заключение.....	141-146
Список литературы.....	147-159

Введение

Андре Жид (1869–1951) – один из самых значительных французских писателей XX века. Французский учёный А. Рувейр назвал его «главным представителем эпохи», человеком, «который при всей своей оригинальности, был неотделим от эпохи, и при этом, благодаря своему индивидуальному гению, всегда оставался в стороне от неё, так как он был в некотором роде её подавленным и непризнанным подсознанием»¹. Путь признания писателя литературной средой и широким читателем во Франции был трудным и имел много извилистых поворотов. Как отмечал Гарольд Блум в книге «Западный канон» (1994), «всякое произведение, одержавшее бесспорную победу в борьбе с традицией и вошедшее в Канон, непременно овеяно духом самобытности»². Эту самобытность Жида не сразу оценили его современники. Так, например, его книга «Яства земные» (1897) сначала не имела успеха у читателя, а затем в 1920-е гг. стала настольной книгой молодого поколения французских писателей, оказав влияние на А. Камю, Ж.-П. Сартра и др. Роман «Имморалист» (1902) получил весьма неоднозначную оценку критики³. Повесть «Тесные врата» (1909) была издана автором за свои деньги и стала его несомненным литературным успехом.

Жид стоял у истоков французского модернистского романа, был смелым экспериментатором, выступал против влиятельного на рубеже XIX–XX вв. натурализма и одновременно был писателем, чье творчество, по выражению французского литературоведа Леона Пьер-Кена, «имело глубоко классический характер» (“Gide est de caractère profondément classique”)⁴. Экспериментаторство в области романной формы Жид сочетал с классической ясностью стиля своих произведений. Показательно название раздела о Жиде в книге З.И. Кирнозе о

¹Цит. по: *Goulet A.* André Gide en question. Le contemporain capital // CAG 8. – P., Gallimard, 1987. – P. 15.

²Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времён. – М., Новое литературное обозрение, 2017. – С. 14.

³*Boisdeffre P.* De. Vie d'André Gide (1869–1951): essai de biographie critique. – P., Hachette. – T. 1. – P. 430.

⁴*Pierre-Quint L.* André Gide. Sa vie, son œuvre. – P., Stick, 1932. – P. 184.

судьбах французского романа XX века – «Последний среди классиков, первый среди модернистов»⁵.

Жид был не только человеком диалога, как он сам себя называл, но и, что важнее, человеком полемики. Отсюда его споры с литераторами прошлого. Жид, начиная борцом с «литературностью», стал прижизненным классиком, в 1947 году получил Нобелевскую премию, как отмечалось в решении Нобелевского комитета, «за глубокие и художественно значимые произведения, в которых человеческие проблемы представлены с бесстрашной любовью к истине и глубокой психологической проницательностью».

Иначе сложилась литературная судьба А. Жида в России. Французскому писателю, если не учитывать короткий период 1932–1936 гг., никогда не уделялось достаточно внимания со стороны отечественных литературоведов. Отчасти это объясняется статусом «антисоветского» автора, который ему присвоили после публикации «Возвращения из СССР» (1936). Предваряя приезд французского писателя в Советскую Россию, издательство «Художественная литература» подготовило четырёхтомное собрание его сочинений (1933–1936), в критике появилось множество благосклонных и даже восторженных отзывов на творчество Андре Жида, но ещё больше на его дневниковые записи в которых он выражал свою поддержку Советскому Союзу⁶. Однако после посещения СССР, Жид опубликовал свою знаменитую книгу, в которой выражал свое разочарование в Стране Советов, после чего был назван предателем и не издавался в России вплоть до перестройки. Критические статьи и даже упоминания о нём были немногочисленны, и только недавно ситуация начала меняться. В 1990-е годы были переизданы «Имморалист», «Подземелья Ватикана», «Пасторальная симфония», «Фальшивомонетчики», переведена книга «Достоевский». В 1994 году фигура Жида была «канонизирована» нашим литературоведением, о чем свидетельствовала статья о писателе в академической

⁵Кирнозе З.И. Последний среди классиков, первый среди модернистов (об Андре Жиде и его романе «Фальшивомонетчики») // Кирнозе З.И. Французский роман XX века (Годы 20–30-е. Проблемы жанра). – Горький. Волго-Вятское книжное издательство, 1977. – С. 110-126.

⁶ См. подробнее: Два взгляда из-за рубежа: Переводы. – М., Политиздат, 1990. – С. 3-60; Харитонова Н.Ю. Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации // <https://cyberleninka.ru/article/n/andre-zhid-drug-sssr-rozhdenie-reputatsii/viewer> (дата обращения: 23.03.2022); Литературная газета. 1932, 23 июля. №33. – С.1.

девяти томной «Истории всемирной литературы», написанная Н.Ф. Ржевской⁷. В 2002 году в издательстве «ТЕРРА» выходит семитомное собрание сочинений писателя с комментариями В. Никитина и С. Зенкина⁸, существенно расширявшее представление отечественного читателя о наследии Андре Жида. Собрание сочинений включало в себя многие неопубликованные ранее произведения Жида. Во вступительной статье В. Никитина акцент был смещён с разговора о политической позиции Жида на освещение его вклада во французскую литературу и художественного новаторства. Появилось несколько диссертаций, посвященных творчеству Андре Жида: кандидатские диссертации Е.Г. Барановой Е.Г. «Проблема автора в раннем творчестве Андре Жида (1891–1902)» (1999), М.В. Дубинской «Полифонический роман Достоевского и творчество французских писателей модернистов А. Жида и Алена-Фурнье» (2015), Т.А. Кашиной «Дневниковая и автобиографическая проза Поля Клоделя и Андре Жида» (2017). Затрагивали отечественные литературоведы и вопрос о рецепции Жидом творчества и фигуры Ф.М. Достоевского⁹. Однако, комплексного исследования проблемы взаимовосприятия Жида и России в литературоведении не предпринималось.

Между тем Жид бывал в СССР, немало сделал для развития русско-французских культурных и литературных связей, популяризации во Франции творчества Ф.М. Достоевского, поддерживал контакты с русскими белоэмигрантами, участвовал в дискуссиях об СССР, воспринял левые идеи, внес значительный вклад в создание образа Советской России в литературном сознании Запада.

⁷Ржевская Н.Ф. А. Жид // История всемирной литературы: В 9 Т. – М., Издательство «Наука», 1994. – Т. 8. – С. 229–231.

⁸Никитин В. Андре Жид: Вехи творческого пути // Жид А. Собрание сочинений в 7 т. Т.1, – М., Терра – Книжный клуб, 2002. – С. 5–26.

⁹ См.: Владимирова А.И. Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков (1890–1914). – Л., Издательство ленинградского университета, 1976; Владимирова А.И. Достоевский во французской литературе XX в. // Владимирова А.И. Достоевский в зарубежных литературах. – Л. «Наука», 1978. С. 37–61; Фокин С.Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб., РХГА, 2013. – С. 97–115.

Книга французского литературоведа Рудольфа Море «Андре Жид и СССР» (1983)¹⁰, казалось бы, посвящена теме близкой к материалу диссертации, однако в ней гораздо большее внимание уделяется политической стороне вопроса, и художественное наследие писателя, как и книга Жида о Достоевском остались на периферии исследования, что, конечно, не отменяет её важности в осмыслении этой темы.

Значимой для проведённого исследования стала монография французской исследовательницы Катарин Саваж «Андре Жид: эволюция религиозной мысли» (1962)¹¹. Это «духовная биография» Жида, главная цель которой, состояла в том, чтобы показать, как религиозное воспитание писателя влияло на его отношение к литературе, политике и формировало этику Жида на протяжении всей его жизни. Без понимания религиозного контекста, в котором формировался писатель, невозможно реконструировать его мировоззрение, и Саваж сделала больше других в прояснении этого вопроса.

Среди важнейших российских исследований, послуживших фундаментом для данной диссертации необходимо отметить статьи С.Л. Фокина «Советская Россия в «Дневнике» Андре Жида» (2003) и «Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида» (2013)¹². В этих статьях Фокин даёт подробный анализ не столько книгам Жида, связанным с Россией, сколько контексту, который поспособствовал их появлению. Статьи имеют фактологическую и литературоведческую ценность, поскольку представляют Жида во всей сложности его личности впервые для русскоязычного читателя.

Статья З.И. Кирнозе «Последний среди классиков, первый среди модернистов (Об Андре Жиде и его романе «Фальшивомонетчики»)» (1977) послужила для нашей работы важным подспорьем для анализа главного романа А. Жида, поскольку в ней впервые в русском литературоведении французский

¹⁰Maurer R. André Gide et l'URSS. – Berne, Editions Tillier. 1983. – 284 p.

¹¹Savage C. H. André Gide L'évolution de sa pensée religieuse. – P., V. Place de la Sorbonne. 1962. – 293 p.

¹²Фокин С. Л. Советская Россия в «Дневнике» Андре Жида // Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб., Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. С. 41-79; Фокин С.Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб., РХГА, 2013. – С. 97-115.

писатель представлен помимо своих социально-политических идей. Кирнозе восстанавливает многоуровневую конструкцию «Фальшивомонетчиков», отсылающую к творчеству Ф.М. Достоевскому и развивающую сам жанр романа.

Диссертация Т.А. Кашиной «Поля Клодель и Андре Жид: проблема культуры и творчества в переписке, автобиографической и дневниковой прозе (1899-1926)»¹³ (2017) – одна из первых серьёзных работ в России, посвящённых важнейшей теме, связанной с фигурой Андре Жида – его «Дневнику», тесно сплётённому с художественным творчеством писателя. В этой работе автор исследует, как важнейшие темы творчества Жида – религиозный поиск, самопознание, сексуальное раскрепощение – нашли отражение в его дневниковой и эпистолярной прозе. Однако Жид рассматривается в работе Кашиной в связи с творчеством большого французского поэта, Поля Клоделя, и это исследование, оказавшее важное влияние на нашу работу, не исчерпывает тем, связанных с рецепцией Жида в России и восприятия его творчества.

Существенную помощь в нашей работе оказала монография В.П. Трыкова и А.Р. Ощепкова «Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции» (2021), в которой исследователи проследили историю русско-французских отношений и рецепцию России в литературе Франции на протяжении многих столетий, вплоть до XX века¹⁴. Работа помогла нам в ознакомлении с длительной и богатой традицией рецепции России во Франции, воссоздании литературного контекста.

Статья Л.Е. Муравьёвой «Mise en abyme: Вариации значения» (2023)¹⁵, в которой намечается принципиально иной взгляд на творчество Андре Жида, тоже представляется крайне важной для процесса рецепции писателя в России. Муравьёва останавливается на термине, появившемся в «Дневнике» Жида ещё на

¹³ Кашина Т.А. Поля Клодель и Андре Жид: проблема культуры и творчества в переписке, автобиографической и дневниковой прозе (1899-1926): дис. ... к. филол. н. – М., МГУ, 2016. – 180 с.

¹⁴ Трыков В.П., Ощепков А.Р. Русская незнакомка во французской "республике словесности": Образ России в литературном сознании Франции: монография. – Москва; Берлин. Директ-Медиа, 2021. – 528 с.

¹⁵ Муравьёва Л.Е. Mise en abyme: Вариация значений // <https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/dd2/133-149%20muravieva179.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

раннем этапе его творческого пути и повлиявшем на дальнейшее поколение писателей «Нового романа». Эта тема мало исследовалась в России, и само обращение к ней существенно расширяет пространство для интерпретаций художественного наследия писателя.

Важнейшим материалом, мало исследуемым в России прежде, стал сам «Дневник»¹⁶ Андре Жида, который помог уточнить и дополнить отношение писателя к Советскому Союзу. В годы Второй мировой войны взгляды писателя претерпели серьёзные изменения – Жид критикует современную ему Францию и вместе с ней всю Европу. Критики не избегли ни Америка, ни Англия. Единственной силой, способной противостоять установившемуся у него на родине миропорядку, он находит сталинскую Россию, о чём подробно пишет на страницах «Дневника», хотя этот материал никогда не переводился на русский язык и не становился предметом исследования в России. Жид не отказывается от выводов, которые он делает в своём «Возвращении из СССР», но его позиция сильно усложняется и уточняется по отношению к тому, что он писал раньше.

Проблема рецепции «Другого» является одной из актуальных проблем современного литературоведения. На Западе в середине XX века возникла область гуманитарного знания – имагология, которая занимается этой проблематикой¹⁷. В отечественном литературоведении исследования образа «Другого», и России в частности, также привлекли внимание ученых в последние тридцать лет и принесли свои результаты¹⁸.

16 Gide A. Journal 1939-1949. Souvenirs. – P., NRF, Gallimard, 1979. – 1280 p.

¹⁷ См.: Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253; Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013; Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 120–129.

¹⁸ См.: Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. – М., 1995; Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб. Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 211 с.; Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М. НЛЮ, 2004. – 336 с.; Луков Вл. А. Загадочная русская душа // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 124–131. Хабибуллина Л.Ф. Миф о России в современной английской литературе. – Казань. Казанский ун-т, 2010. – 206 с.; На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX–начало XXI вв.) / Отв. ред. В.Б. Земсков. – М. Новый хронограф, 2011. – 696 с.; Шатинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. – М. URSS, 2012. – 216 с.; Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов): монография. – Н. Новгород. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2012. – 461 с.; Калинина О.В. Образ России в романах В. Макина («Французское завещание», «Реквием по Востоку», «Земля и небо Жака Дорма»). Дисс.насоиск. уч. степени канд. филол. н. – М. МПГУ, 2016. – 194 с.; Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В.П. Трыков. – М. МПГУ, 2017. – 252

Рецепция «Другого», чужой культуры, народа или страны, является одной из форм интернационального взаимодействия культур. Как отмечал В.А. Пронин, «понятие рецепции восходит к важнейшей особенности литературного процесса, заключающейся в постоянном взаимодействии художественного опыта одного писателя с практикой современников и предшественников, а в более широком смысле и во взаимопроникновении национальных традиций разных литератур, либо литератур разных эпох в пределах одной национальной литературы. С рецепцией связана литературная традиция как установка на “диалог” с писателем прошлого либо современником или даже последователем, что порождает такое свойство рецепции, как возможности взаимного притяжения и отталкивания»¹⁹.

А.Н. Веселовский сформулировал закон рецепции «Другого»: «заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогичные образы, фантазии»²⁰. Руководствуясь этими принципами, представляется важным в настоящей работе исследовать опосредующие факторы восприятия России Жидом и рецепции творчества французского писателя в СССР.

Цель работы – выявить и описать основные закономерности, опосредующие факторы и этапы рецепции Андре Жида России и, с другой стороны, восприятие творчества французского писателя русской критикой и литературоведением.

Задачи исследования:

- выявить причины интереса французского писателя к русской культуре и Советскому Союзу, источники его сведений о России и русских;
- описать обстоятельства визита французского писателя в СССР;
- проследить динамику восприятия России А. Жидом: описать образ России в его творчестве до визита в СССР и после посещения нашей страны;
- выявить специфику образа России у Жида;

с.; Монделло Э. Россия в путевых заметках Итало Кальвино и Альберто Моравиа // Имагология и компаративистика. – 2018. – № 10, С. 172-182; Алексеев М.П. Русская тема в европейской литературе: Сб. статей и материалов. – МПБ. Нестор-История, 2019. – 528 с.

¹⁹Пронин В.А. Поэзия Генриха Гейне: генезис и рецепция: дис. ... к. филол. н. – М., МПГУ, 1994. – С. 5.

²⁰Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. № XI-XII. – СПб., Тип. Им., 1889, Вып. 5. № XI-XII. – С. 115.

- показать роль русской литературы в формировании образа России в творчестве Жида;
- описать основные тенденции, опосредующие факторы и эволюцию восприятия творчества А. Жида в отечественном литературоведении и критике;
- выявить и описать темы в творчестве А. Жида, не получившие внимание в отечественном литературоведении и нуждающиеся в дополнительном исследовании.

Актуальность данного исследования обусловлена как внутринаучными, так и социокультурными факторами. Сохраняет научную актуальность проблема межкультурного диалога, компаративистская проблематика литературных контактов, связей и влияний между представителями разных национальных культур, их взаимовосприятия.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении предпринято комплексное исследование перекрестной рецепции России Андре Жидом и Жида советским и российским литературоведением и критикой.

Предмет исследования – образ России в творчестве А. Жида (на материале его книг «Достоевский» и «Возвращение из СССР») и «образ» французского писателя и его творчества в российском литературно-критическом сознании.

Объектом исследования являются книги Андре Жида «Достоевский», «Возвращение из СССР», «Дневник», «Фальшивомонетки», «Имморалист», «Подземелья Ватикана».

Методология. Методологическую основу диссертации составляют историко-литературный и сравнительно-исторический подходы. В исследовании образа России в творчестве Жида опираемся на традицию исторической поэтики А.Н. Веселовского. Важным методологическим подспорьем в работе стали труды советских и российских литературоведов, посвященные проблемам рецепции и поэтики образа «Другого» М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, Вл.А. Лукова, Н.П. Михальской, М.И. Николы, В.А. Пронина, В.П. Трыкова, С.Л. Фокина, Л.Ф. Хабибуллиной, С.Б. Королевой и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней ставятся вопросы ключевые для изучения истории литературы, связанные с взаимодействием литературы, политики, религии и национального фактора, окрасившего анализируемые произведения.

Практическая значимость работы. Диссертация может использоваться для изучения русско-французских культурных связей, французского модернизма, восприятия России на Западе. Исследование может быть полезным для исследователей как французской, так и русской литератур, культурологии, религиоведения и имагологии.

Структура работы состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. Рецепция Ф.М Достоевского в творчестве Андре Жида²¹**1.1 Книга Андре Жида «Достоевский» в контексте французской консервативной мысли начала XX века**

В пору молодости А. Жида, на рубеже XIX–XX веков, Россия привлекала все большее внимание Франции: растет интерес к русскому языку и литературе, именно в это время началась специализация и институционализация знаний о России. В начале 1880-х гг. в Коллеж де Франс была открыта кафедра русского языка и литературы. В 1886 г. ее возглавил известный литературовед, специалист по русской литературе, автор «Истории русской литературы» (1893), большой антологии русской литературы Луи Леже. Появляются серьезные научные исследования по истории России: в 1878 г. в крупном парижском издательстве «Ашетт» увидела свет «История России от истоков до 1877 года» Альфреда Рамбо (1842–1905). В 1882–83 гг. там же вышла трехтомная история Анатоля Леруа-Больё (1842–1912) «Империя царей и русские». Затем последовала серия его книг о России: «Русский государственный деятель Николай Милютин. Этюд о России и Польше в царствование Александра II» (1884), «Франция, Россия и Европа» (1888). В 1886 г. увидела свет пятисотстраничная книга другого французского ученого, профессора истории Безансонского университета Леонса Пенго «Французы в России и русские во Франции». «В моду» входит русская литература. Книга Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886) имела

²¹ Часть материалов, рассмотренных в первой главе, изложена в ранее опубликованных статьях автора диссертационной работы: Усенок, Д.Д. «Дневник “фальшивомонетчиков”» А. Жида как продолжение романа / Д.Д. Усенок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 13 (842) – С. 193-205; Усенок, Д.Д. Полемика А. Жида в книге «Достоевский» с французской консервативной мыслью начала века / Д.Д. Усенок // Наука и Школа. – 2021. – № 5. – С. 28-38; Усенок, Д.Д. Традиция Эжена-Мельхиора де Вогюэ в книге Андре Жида «Достоевский» / Д.Д. Усенок, В.П. Трыков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 5. – С. 122-128; Усенок, Д.Д. Ф. М. Достоевский как архетип писателя в концепции А. Жида / Д.Д. Усенок // Швейцарские тетради № 11. Выпуск 11. – Н. Новгород. НГЛУ, 2021. – С. 297-304.

широкий резонанс не только во Франции, но и во всей Европе. Вогюэ стоял у истоков «католического возрождения» во Франции, придерживался консервативных взглядов и выступал с критикой Просвещения. Холодный анализ, в котором Вогюэ обвинял современный ему французский роман, был, по его мнению, связан с общим кризисом европейской культуры. В эпоху господствующего на Западе сциентизма, который распространялся на все области жизни и культуры, включая литературу, сформировалось направление французской консервативной мысли, утверждавшее необходимость преодоления духовного кризиса во французской культуре. Христианское мировоззрение, присущее русским писателям, заставило французскую публику обратить свой взор на возникший литературный материк на севере Европы. В своей работе Вогюэ рассуждает о «мистицизме» русского человека на примерах произведений русских писателей, отказываясь от привычных западных штампов о варварстве и нецивилизованности русских. Вогюэ противопоставляет «мистицизм» русской души, нашедший отражение в русской литературе, рационализму французского натурализма Э. Золя и братьев Гонкуров. Под «мистицизмом» Вогюэ понимал особую восприимчивость русских к нематериальному и нерациональному, то, что он называл «вкусом к абсолютому» (“le gout de l’absolu”)²². Книга Вогюэ стала поворотной в восприятии России и русской литературы французским читателем. «Прежде, в 30-40-х гг. XIX столетия, в монархических кругах Франции Россия воспринималась как **политическая модель**, обеспечивающая стабильность и порядок в стране. У Вогюэ впервые в западном дискурсе о России ее литература рассматривалась в определенном отношении как **нравственный и эстетический образец**, на который было бы полезно ориентироваться Западу, а русский народ как носитель подлинных христианских ценностей милосердия и любви к ближнему»²³.

Книга Вогюэ привлекла внимание французского читателя к фигуре Ф.М. Достоевского, чье творчество еще было мало известно во Франции. Мимо идей и

²² *Vogüé E.M.de. Le roman russe.* – P., Librairie Plon, 1886. – P. 19.

²³ *Трыков В.П. «Русская душа» в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» // Россия в литературе Запада: Коллективная монография.* – М., МПГУ, 2017. – С. 147.

оценок, высказанных Вогюэ, не прошли те французские писатели, которые будут писать о Достоевском: А. Сюарес, Ж. Ривьер, П. Клодель и, конечно, А. Жид (1869–1951), на которого книга Вогюэ произвела сильное и неоднозначное впечатление. Жид, впечатлённый прочитанным в юности, впоследствии дискутировал с автором «Русского романа».

Писательская биография Андре Жида была во многом определена его постоянным стремлением выйти за рамки собственной стилистики, общественной морали и других освоенных им пределов, которые он желал преодолеть. События, происходившие в мире на протяжении долгой жизни писателя, заставляли его менять собственные взгляды и искать новые ориентиры. Жид начинал как аполитичный эстет в литературе, затем стал симпатизировать левым идеям и впоследствии неоднократно менял свои убеждения, соотносясь не с конъюнктурой, но с внутренним самоощущением. Французский модернист пережил две мировые войны, разные этапы в истории своей родины, Октябрьскую революцию, которой интересовался, распад колониальных империй и многие другие события XX века. Непрекращающийся творческий поиск стал главной писательской установкой, что наглядно выражено в изданном «Дневнике» (1887–1950) Жида. «Дневник», страницы которого вобрали все основные этапы творческой деятельности писателя, стал одним из главных памятников автобиографической литературы XX века. По этому «Дневнику» можно проследить, какое важное место в жизни Жида занимали размышления о Ф.М. Достоевском, русской литературе и России. Во многом Достоевский стал для Жида тем автором, с которым он сверял свою жизнь, свои взгляды и поступки.

Первая запись в «Дневнике», говорящая об интересе Жида к русскому классическому, относится к 1890 году, а последний развёрнутый комментарий датирован 28 августа 1941 года. Одним из первых поводов обратиться к России стал интерес юного писателя к русскому балету²⁴. Позднее А. Жид увлёкся русской литературой и выбрал в качестве своего кумира Достоевского. Жид пишет о своей встрече с И.А. Буниным, с которым они спорили о месте Ф.М.

²⁴Maurer R. André Gide et l'URSS. – Berne, Editions Tillier, 1983. – P. 9.

Достоевского и Л.Н. Толстого в литературе. Жид, говоря о своей глубокой приязни к Достоевскому, не понимает, почему Толстой занимает такое важное место в иерархии Бунина. «Его культ Толстого малопривлекателен мне, равно как его презрение к Достоевскому, Щедрину, Сологубу. Определенно у нас разные святые, разные боги»²⁵. На рубеже веков Достоевский остаётся во Франции не очень популярным автором, в то время, как для Жида и его окружения фамилия русского писателя означает нечто вроде пароля. «Во Франции (и в Бельгии) все люди для меня делятся на два класса: те, кто прочёл «Идиота» и те, кто его не читал. Тех, кто прочёл, по пальцам перечесть. [...] Что до меня, то я страстно люблю эту книгу, во всяком случае, так, что готов полюбить всякого, кто её так же любит»²⁶. Влияние Достоевского на Жида сказалось на главных произведениях писателя: «Имморалист» (1902), «Подземелья Ватикана» (1914) и «Фальшивомонетчики» (1925).

Результатом этого пристального интереса Жида к фигуре и творчеству великого русского писателя станет книга «Достоевский» (1923), составленная из статей Жида и его лекций, написанных и прочитанных с 1908 по 1922 гг. Книга стала одной из значительных французских работ о русском писателе, свидетельствовала об эрудиции Жида, открывала дотоле неизвестные страницы творчества русского писателя. Так, в разделе «Переписка Достоевского» Жид обратился к анализу писем русского писателя, которые не были предметом рассмотрения в книге Вогюэ. Жид демонстрирует хорошую осведомленность в вопросе о переводах Достоевского во Франции: он перечисляет все переводы романов русского писателя, которые существовали во Франции ко времени написания этого раздела (т.е. к 1908 г.). Первый перевод «Братьев Карамазовых», появившийся во Франции в 1888 г. и осуществленный Кальпериным-Каминским в сотрудничестве с Шарлем Морисом, вызвал у Жида некоторые вопросы, но настоящее неодобрение он выказал по отношению к изданию 1906 г. в переводе

²⁵Gide A. Journal. II. 1926-1950. – P., Gallimard, 1997. – P. 780.

²⁶Цит. по: Фокин С.Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб., РХГА, 2013. – С. 102.

Ж.-В. Бинштока. Жид отмечал, что книгу преподнесли в «безжалостно искаленном виде»²⁷.

Книга А. Жида «Достоевский» включает в себя четыре главы русском классике. Первая глава «Переписка Достоевского» (1908) состоит из двух частей: в первой Жид пишет о личной переписке Достоевского с братом и близкими людьми, обращая внимание на стиль текстов и эволюцию взглядов писателя; во второй части Жид представляет вниманию читателя анализ публицистики Достоевского и отрывков из «Дневника Писателя», демонстрируя сложность мировоззрения русского классика и требовательность в работе по отношению к самому себе. Вторая глава «Братья Карамазовы» (1911) представляет собой небольшую заметку о переводах романа на французский язык. Жид отмечает недостатки переводов, которые, по его мнению, затрудняли восприятие романа во Франции. В третьей главе – «Речь, произнесённая в зале VieuxColombier на празднование столетия со дня рождения Достоевского» (1921) Жид оспаривает западных литературоведов и читателей, обвиняющих русского классика в иррационализме его персонажей. Он говорит о непрочитанности Достоевского на Западе и его всемирном значении. В четвёртой главе (1922) представлены лекции, которые Жид читал в зале VieuxColombier. Эта часть существенно превышает предыдущие три главы книги и состоит из шести лекций. В лекциях творчество Достоевского интерпретируется исходя из особенностей его биографии, воззрений, анализируется поэтика романов и типы его персонажей. Четвёртая глава является расширенным дополнением к тому, что Жид писал в первых частях книги, однако новым важным аспектом рецепции становится анализ произведений писателя через призму его христианского мировоззрения. Выделенные Жидом типажи Достоевского рассматриваются в лекциях в категориях смирения и гордыни.

«Достоевский» стал своего рода эстетическим «манифестом» Жида: творчество русского гения зачастую становится для него лишь поводом для

²⁷Жид А. Достоевский // Жид. А. Собрание сочинений: В 7т. Т.6. – М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 207. Далее в тексте диссертации цитаты из настоящего издания будут приводиться с указанием страниц в круглых скобках.

выражения собственных взглядов. Жид актуализирует те аспекты творческого наследия Достоевского, которые оказались ему особенно близки и созвучны. Это очень точно подметил С.Л. Фокин, писавший о «культе избирательного сродства» в «Достоевском» Жида, о том, что книга «заключает в себе элементы творческой автобиографии Жида»²⁸. Полемичность Жида (как в художественном, так и эссеистическом творчестве) М.М. Бахтин объясняет его эстетической установкой, свойственной писателю ещё в раннем творчестве: «Когда эстет берётся за роман, то его эстетизм проявляется вовсе не в формальном построении романа, - а в том, что в романе изображается говорящий человек – идеолог эстетизма, раскрывающий своё исповедание, подвергаемое в романе испытанию. Таков «Портрет Дориана Грея» Уайльда; таковы ранний Т. Манн, Анри де Ренье, ранний Гюисманс, ранний Баррес, ранний Андре Жид. Таким образом, даже и эстет, работающий над романом, становится в этом жанре идеологом, защищающим и испытывающим свои идеологические позиции, становится апологетом и полемистом»²⁹. Этот полемизм Жид перенёс из ранних сочинений в свои аналитические работы и эссе, где он проявился особенно ярко. Тексты, опубликованные в книге «Достоевский» написаны в виде полемики с современным французским литературным миром.

Жида интересуют не только художественные открытия Достоевского, но и причины, по которым восприятие его творчества оказалось столь непростым для западного читателя. Как можно увидеть далее, разговор о трудностях восприятия Достоевского на Западе будет вестись в контексте более широкой проблемы – различия между русской и западной ментальностью. Жид хотел «переоткрыть» французам Достоевского, оспаривая почти всех своих предшественников, писавших об авторе «Братьев Карамазовых». Отсюда полемичность написанного им текста. Констатируя, что и в начале XX века фигура Л.Н. Толстого, с его точки зрения, неправомерно заслоняет для западного читателя масштаб Достоевского, Жид ответственность за это возлагал на Вогюэ. Не отрицая заслуг своего

²⁸ Фокин С.Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб., РХГА, 2013. – С. 114.

²⁹ Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин. М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., «Худож. лит.», 1975. – С. 146.

предшественника в ознакомлении французской публики с русским романом, Жид тем не менее упрекал его в том, что он дал обедненный портрет русского писателя, акцентировал внимание на не самых значительных его произведениях. Жид полагал, что книга Вогюэ повлияла на появление в конце 1880-х годов во Франции изданий «Бедных людей», а позже «Двойника», «Чужой жены» и других повестей писателя, но заслонила такие важные романы, как «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». «И в результате не знаешь, какое собственно чувство должно возобладать в тебе: благодарность ли, ибо в конце концов он ведь первый указал нам на Достоевского, или же раздражение, так как по-видимому против своего желания Вогюэ, при всех своих явно добрых намерениях, даёт нам плачевно обеднённый, неполный и тем самым искажённый образ этого необыкновенного гения» (Достоевский, С. 206).

Жид видит в Достоевском «необыкновенного гения», Вогюэ, признавая огромный и оригинальный талант русского писателя, тем не менее отказывал ему в гениальности, в частности на том основании, что Достоевский не обладает чувством меры (*“la mesure”*)³⁰. Показательно, как, отмечая одну и ту же особенность нехудожественной прозы Достоевского («Дневника писателя» у Вогюэ и переписки Достоевского у Жида), французские литераторы расходятся в оценках: Вогюэ в «Дневнике писателя» усматривал лишь «непонятные гимны, не поддающиеся ни анализу, ни логическому обсуждению»³¹; Жид характеризует том переписки Достоевского как «толстую утомительную книгу», в которой каждое письмо бесформенно, литературно не отделано, ненарочито. Однако в этом «путаном изобилии» переписки Достоевского Жид открывает «мощную сложность его романов» (Достоевский, С. 210). Эти «путаное изобилие» и «мощная сложность» поэтики Достоевского, по мысли Жида, есть отражение сложности русского характера. Местами Жид выводит разговор о творчестве Достоевского за пределы обсуждения чисто литературно-эстетических проблем. Как и Вогюэ, он пытается увидеть в романах писателя «русскую душу». Однако

³⁰ *Vogüé E.M. de. Le roman russe. – P., Librairie Plon, 1886. – P. 267.*

³¹ *Ibid. – P. 265.*

если Вогюэ акцентировал в Достоевском и русских культ страдания (глава о Достоевском в книге Вогюэ так и называлась «*La Religion de la souffrance. – Dostoievsky*»), то Жид – смирение и «искренность» в том особом смысле, который он вкладывал в это понятие. В отличие от ортодоксального католика Вогюэ исповедовавшего христианскую любовь к ближнему, сочувствие, сострадание, милосердие, то самое “*charité*”, которое он столь высоко ценил в русских писателях, Жид, рано порвавший связи с религией, невысоко ценил сочувствие и симпатию. В «Яствах земных», о которых Жид в предисловии писал: «Я вложил в нее себя – не раздумывая, не стыдясь» (Достоевский, С. 177). Его герой, alterego автора, признается: «Мне пришлось истребить в себе симпатию, видя в ней одно лишь признание общих с кем-то чувств» (С. 180). Жид превозносит пылкость. Лейтмотивом в «Яствах земных» становятся: «Натанаэль, я научу тебя пылкости». Пылкость – страсть, жажда жизни, любовь к жизни, которую Жид находит в Достоевском, в его «кошачьей живучести», жизнестойкости и которой он не обнаруживает у Флобера, презиравшего жизнь и бегущего от нее в «башню из слоновой кости», в литературное творчество. «Достоевский ничего в себе не истребил; у него есть жена и дети, он любит их; он не презирает жизнь <,...> Его самоотречение во имя своего искусства, не столь заносчивое, не столь сознательное и не столь преднамеренное, тем самым только более трагично и более прекрасно» (С. 217).

В сущности, фигура Достоевского предстает в книге Жида воплощением идеала «искренности», который вдохновлял французского писателя. «Искренность» для Жида – это умение жить настоящим мгновением, сиюминутными ощущениями, вбирать в себя все, ничего не отвергая, принимая и переживая полноту и богатство жизни, культивировать в себе самые разные чувства и ощущения, не бояться противоречить самому себе, не подчиняться унифицирующей власти слов и моральных предписаний. Это, по Жиду, и значит быть «искренним», быть самим собой.

Жид видел связь между смирением, «искренностью» и сложностью русских. Смирение, понимаемое Жидом как готовность добровольно преклониться перед

чем-то, что выше твоей личности, подобно тому как Достоевский преклонился перед Христом, делает русскую душу более открытой, обуславливает не только страстность, импульсивность, непредсказуемость русских, но и «мощную сложность» их характера. Проявление всех этих качеств «русскости» Жид видит в персонажах Достоевского, в самой структуре его романов, столь трудных для понимания западного читателя. «И если мне позволительно искать оправдание беспорядочности этих бесед, – писал Жид о своих лекциях, положенных в основу книги, – то я нашел бы его в неясности самих мыслей Достоевского, в их крайней запутанности и в той специфической трудности, на которую мы наталкиваемся, пытаюсь подчинить их плану, удовлетворительному с точки зрения нашей западной логики» (С. 269). Жиду претит эта одномерность западной рациональности, ее сковывающая и ограничивающая сила. Для западного человека чрезвычайно важно быть последовательным, не противоречить самому себе. Он готов принести в жертву этой непротиворечивости богатство своих ощущений. Давая характеристику французского психотипа, Жид писал: «Встречаясь со сложностью, которую представляет почти всякое человеческое существо, взгляд наш невольно и почти бессознательно стремится к упрощению... У нас во Франции есть досадная склонность придерживаться формулы, быстро превращающейся в метод работы, – успокаиваться на ней, не пытаюсь идти дальше» (С. 302-303).

Для Жида, культивирующего многообразие сиюминутных ощущений, «искренность», ежеминутную готовность меняться, испытывать многочисленные влияния, «протеизм», подобная верность самому себе, оборачивающаяся подчинением «формуле», отказом от углубления в противоречивую сущность явления, сродни добровольной ограниченности. По этой причине Жида пленяет русская «многомерность», спонтанность, сложность. Потому он так высоко ценил «путанность» и сложность романов Достоевского, в которых он увидел нечто близкое собственным исканиям свободы и глубины духа, противостоящих западному рационализму и верности форме и «формуле». То, за что Вогию неоднократно упрекал русских писателей (отсутствие формы, чувства меры,

многословность, «иррациональность» поступков персонажей), у Жида напротив вызывает интерес и одобрение.

Этот поиск Жидом глубины сродни «поиску утраченного времени» Прустом. Жиду близки прустовские недоверие к интеллекту, его интуитивизм и «инстинктивизм»: в иерархии добродетелей Пруст отдает интеллекту второе место, оставляя первое за инстинктом³². Кроме того, с Прустом Жида сближает и то, как он отвечает на вопрос о соотношении автора и его произведения. С точки зрения Жида, настоящий Достоевский явлен не в письмах писателя, а в его художественных произведениях. Письма отражают лишь, так сказать, биографическую ипостась русского писателя, а его романы – глубинную, творческую. Поэтому, как утверждает Жид, Достоевский не любил писать письма, а «язык этих писем часто запутан, неловок, неправилен» (Достоевский, С. 209). Для Пруста «Книга – порождение иного “я”, нежели то, которое проявляется в наших повседневных привычках, общении, пороках. Чтобы попытаться понять это «я», нужно погрузиться в глубины самого себя, попробовать воссоздать его в себе. Ничто не заменит нам этого усилия нашего сердца»³³. Подобное усилие самоуглубления и самопостижения предпринимает Жид в книге о Достоевском.

Если Вогюэ в «Русском романе» использует биографический метод Сент-Бёва, то Жид, вслед за Прустом, вступает в полемику с таким подходом. Не случайно героем многих произведений Жида становится писатель, который стремится к самопознанию и к постижению законов литературного творчества, а иногда бросает вызов общепринятым моральным нормам, стремясь к преодолению «формул». Таков Мишель в «Имморалисте» и Эдуард в «Фальшивомонетчиках». Это последовательное и настойчивое стремление Жида провести различие между писателем-человеком и писателем-творцом, развести их, оторвать одного от другого, возможно, было следствием подсознательного желания Жида реабилитировать самого себя, убедить себя в том, что его, Андре Жида, человеческие слабости и пороки никоим образом не мешают ему быть

³²Пруст М. Против Сент Бёва. – М., ЧеРо, 1999. – С. 31.

³³Там же. – С. 36-37.

значительным писателем. Вместе с тем за этим противопоставлением писателя-человека и писателя-творца в структуре творческой личности можно увидеть и проявление свойственного модернистской эстетике культа искусства, мысль об автореференциальности литературы, её самоценности, самодостаточности, независимости от реальности.

В последней части своей книги «Лекции в зале VieuxColombier» Жид основа обращается к переписке Достоевского и вновь он объясняет неряшливый стиль писем Достоевского тем, что ему как истинному художнику неинтересно выражать себя в переписке, и ему удаётся раскрыть себя только в героях своих художественных произведений: «Сейчас мы увидим его крайнюю неловкость в тех случаях, когда ему приходится говорить от своего имени, и, напротив, его красноречие, когда его собственные мысли бывают выражены теми, кого он призвал к жизни. Давая своим героям жизнь, он находит себя» (Достоевский, С. 249). Это «смирение» Достоевского, как бы растворяющего свою личность в персонажах, но именно таким способом обретающего свое подлинное «я», отражало глубокое убеждение Жида, что идеал самопожертвования, воплощенный в фигуре Христа, ведет человека к высшей форме «индивидуализма», к той ступени саморазвития личности, когда, достигнув предела индивидуальной жизни, человеку ничего другого не остается как пожертвовать собой ради других. Эта мысль повторяется у Жида во многих его произведениях, в лаконичной форме она выражена и в названии его автобиографической книги «Если зерно не умрет» (1926), представляющем собой отсылку к евангельской цитате «...Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Интересно, что в «Дневнике Фальшивомонетчиков» (1926), который Жид писал, работая над своим главным романом, он почти дословно воспроизведёт собственные слова о Достоевском: «Конечно, мне гораздо легче заставить говорить кого-нибудь из персонажей, чем высказываться от своего собственного имени»³⁴. Это то, что

³⁴ Жид А. Фальшивомонетчики. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1936. – С. 379.

впоследствии С.Л. Фокин назовёт «культом избирательного сродства», говоря о том, что текст о Достоевского содержит элементы личной самопрезентации: «Фигура Достоевского – мыслителя и романиста – предстаёт своего рода неотступным двойником, которому французский писатель поверяет самые смелые свои философские идеи и эстетические начинания³⁵.

Жид укоряет Вогюэ в том, что тот не разглядел в русском писателе того счастья и той радости, которая подспудно проникает во всё его творчество, и которые, по наблюдению Жида, разглядел в романах Достоевского Ф. Ницше. Жид подчёркивает, что в то время как Вогюэ оценил «Дневник писателя» как непонятные гимны, не поддающиеся ни анализу, ни логическому обсуждению, «русский народ увидел, к счастью, нечто другое, и Достоевский мог почувствовать, как вокруг его творчества осуществляется мечта о единстве, достигнутом без всякого насилия» (Достоевский, С. 234). Иррационализм, который усматривал де Вогюэ во многих художественных и публицистических текстах Достоевского, Жид считал поиском того общего знаменателя, благодаря которому русский народ мог бы осознать свою русскость и свою особенность среди других европейских народов (С. 234).

Таким образом, Жид явился последователем Э.М. де Вогюэ, на новом этапе общественного и литературного развития Франции обратившимся к фигуре Ф.М. Достоевского. Соглашаясь с высокой оценкой творчества Достоевского, данной автором «Русского романа», наследуя его попытке через призму творчества русского гения понять «русскую душу», Жид предложил свою версию Достоевского. Эта новая версия испытала на себе влияние модернистской эстетики с ее антирационализмом, интуитивизмом, стремлением утвердить новый тип сложной, дисгармоничной красоты, основанной на диссонансах и противоречиях, литературоцентричной, утверждающей самодостаточность и самооценку литературы, эстетики, отвергающей биографизм Сент-Бёва и культивирующей прустовское интуитивное постижение глубин своего «я» как

³⁵ Фокин С.Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб., РХГА, 2013. – С. 114.

важнейшую задачу и назначение писателя. Жид, отвергавший любые формулы как нечто обедняющее рассматриваемое явление, не приемлет и формулы творчества Достоевского как «религии страдания», предложенной Вогюз. Для Жида Достоевский – человек и художник, пребывающий в вечном поиске и становлении, не боящийся противоречить самому себе, не замыкающий себя в рамках какой-либо эстетики или идеологии. Такой образ Достоевского отражал нравственные и эстетические искания самого Жида, писателя, которого всегда больше интересовал процесс, нежели результат, поиск, а не обретение, становление, а не *status quo*.

Книга «Достоевский» была полемикой не только с «Русским романом» Вогюз, но и с очерком о Достоевском, принадлежавшим перу Андре Сюареса (1868–1948) и вошедшем в его книгу «Три человека. Паскаль, Ибсен, Достоевский» (1913). На полемический характер книги Жида о Достоевском по отношению к очерку Сюареса указывала А.В. Владимирова³⁶. Позиции Сюареса и Жида не были во всём противоположны по отношению друг к другу. Оба писали о том, что Достоевский впустил в свои произведения всю сложность русской души, открыв её Западу, оба считали, что христианская тема русского писателя – самая важная для понимания его творчества. Однако Жида смущала «молитвенная интонация» Сюареса³⁷. Под «молитвенной интонацией» Жид понимал настойчивое желание своего оппонента пробудить в читателе сострадание к писателю, смешанное с преклонением, которое испытывал сам Сюарес. «В Достоевском нет беспечной радости. Он не более свободен, чем его мать, Россия. Достоевский – это русские слёзы, тюрьмы, цепи. <...> Но он решается бросить вызов злу, которое предлагают нашей душе»³⁸. Говоря о письмах Достоевского, Сюарес восклицает: «Переписка Достоевского – это памятник страданию гения, долгий крик отчаяния. Эти письма действительно

³⁶Цит. По Фокин С.Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб., РХГА, 2013. – С. 109. Владимирова А.И. Андре Сюарес о Достоевском // Взаимосвязи и взаимовлияния русской и европейской литератур: Материалы международной научной конференции. – СПб., СПбГУ, 1999. С. 129.

³⁶Gide A. Journal. I. – P., 1877-1925. – P. 1145.

³⁷Ibid. – P. 1145.

³⁸Suarès A. Trois hommes. Pascal. Ibsen. Dostoïevski. – P., Edition de la nouvelle revue française, 1913. – P. 273.

скорбят. В них можно услышать бесконечное рыдание вечного скитальца»³⁹. Скитальцем он называет русского писателя из-за того, что Достоевский побывал на каторге и в ссылке, затем путешествовал в Европе, зачастую жил в долг, проигрывал деньги, испытывал нужду. Сюарес представляет Достоевского жертвой обстоятельств, которые на протяжении всей жизни отвлекали его от литературы. Он сравнивает биографию Достоевского с жизнями Толстого и Тургенева и другими русскими классиками, утверждая, что никто из них не знал той бедности и тех болезней, которые мучили автора «Преступления и наказания»⁴⁰.

В своём разделе о переписке, Жид, касаясь личной жизни писателя, расставляет совсем другие акценты. Жид усматривает в стилистической неряшливости его писем и в его концентрации на бытовых проблемах намеренность писателя не растрачивать свои идеи в эпистолярном жанре. «Свои лучшие, свои самые счастливые часы Достоевский отдаёт работе. Удовольствия ради он не написал ни одного письма. Он постоянно говорит о странном, непобедимом, невозможном отвращении писать письма» (Достоевский, С. 211). Для Жида представляет наибольший интерес то, что Достоевский признаётся в неумении говорить от своего лица и в нелюбви к перепискам, поскольку в них он не может высказать своей духовной, сердечной жизни (С. 211). Там, где Сюарес видит трагическую необходимость писателя отвлекаться от литературы и вынужденно думать о деньгах («В его переписке нет других вопросов, кроме как переживаний о рублях, кредитах, авансах и залогах»⁴¹), Жид видит нечто иное. Жид утверждает, что Достоевский игнорирует философские, художественные и этические вопросы в переписке, чтобы полностью посвятить себя их решению в прозе и наделить персонажей теми идеями, от которых он отказывался и к которым он впоследствии приходил.

Эти идеи были нередко противоречивыми, что импонировало А. Жиду: «Я не знаю писателя, у которого было бы столько противоречий и

³⁹*Ibid.* – Р. 268.

⁴⁰*Ibid.* – Р. 272.

⁴¹*Ibid.* – Р. 270.

непоследовательностей, как у Достоевского; Ницше сказал бы: «столько антагонизмов. Если бы он был не романистом, а философом, он наверное постарался бы обуздать свои мысли, и мы лишились бы лучшего, что в них есть» (Достоевский, С. 249). Отсюда известная полифоничность романов русского классика: он наделял персонажей противоречивыми идеями и сталкивал их друг с другом. Поэтому Жид так настойчиво разделял Достоевского-человека и Достоевского-творца, противопоставляя переписку художественным произведениям писателя.

Критику Жида в сочинении Сюареса вызывает затушевывание тех сторон мировоззрения русского писателя, которые могли быть неоднозначно восприняты западным читателем. Сюарес представлял Достоевского гуманистом в западной трактовке этого понятия, избегая его национализма и консервативных взглядов, изложенных в «Дневнике». Кроме того, Жид расходился с Сюаресом в оценке роли страдания в жизни и творчестве писателя. Для Сюареса страдание убивает творческий гений: «Говорят, что страдание благотворно для великих душ. Кажется, что оно укрепляет их. Это мысль тех, кто никогда не знал этого проклятия и этого тяжкого груза. Они не знают, что такое страдание убивает в человеке»⁴². В представлении Жида тяготы жизни, будучи только ее внешним фоном, способствовали перевороту в сознании Достоевского и глубокому осмыслению христианства, а сам русский писатель воспринимал их как необходимое испытание, никогда не теряя оптимизма (Достоевский, С. 260).

Жид увидел в книге Сюареса иллюстрацию особенности западного мышления: его склонности свести сложность того или иного явления к лаконичным формулировкам. Характеризуя западную ментальность, Жид писал: «Встречаясь со сложностью, которую представляет почти всякое человеческое существо, взгляд наш невольно и почти бессознательно стремится к упрощению» (С. 302). Примером подобной редукции могут служить формулы Сюареса:

⁴²*Ibid.* – P. 268.

«Страдание – главная черта в творчестве этого человека»⁴³. «Искусство Достоевского – это строгая живопись интуиции» и т.д.⁴⁴.

Сюарес, как это делает и А. Жид, соотносит собственные цели в литературе с идеями Достоевского, он пишет: «Достоевский, если только я не заблуждаюсь, и я сам на своём уровне, мы образуем противоядие против тирании разума, тирании философии, против всей этой бесчеловечной тирании»⁴⁵. Дилемма, о которой пишет Сюарес, противопоставляя западный рационализм и христианское мировоззрение Достоевского, видится Жиду натянутой. Он предполагает, что иррациональное можно найти и у французских писателей: «Я не в такой степени убеждён в том, что, например, у Бальзака мы не найдём ничего неожиданного, необъяснимого» (Достоевский, С. 296). Задача Жида состояла именно в том, чтобы познакомить французскую публику с новым для неё писателем, помочь ей воспринять то, что во Франции называли его «иррационализмом», не выводя из нового знания очередную «формулу». Если Сюарес считает, что «русскость» Достоевского, выраженная в страсти и религиозном поиске, способна сгладить западный рационализм, то для Жида принципиально то, что Достоевского нельзя ставить в один ряд с французскими консервативными критиками и писателями, которые ведут борьбу с рационализмом Запада. С точки зрения Жида, Достоевский своим творчеством снимает эту дихотомию (рационализм/мистицизм), углубляя и дополняя современное европейское знание о человеке. Он настаивает на том, что русский писатель не является органичной частью западного литературного мира, это фигура, нуждающаяся в осмыслении, лишённом привычных стереотипов о Европе и России. Жид писал о том, что западный роман, как правило, занимается отношениями между людьми (семейными, классовыми или общественными), тогда как романы русского писателя говорят об отношениях личности с собой и с Богом (Достоевский, С. 242). Для Жида принципиально то, что персонажи Достоевского не являются символами общественной жизни или типажам в духе классицистической

⁴³*Ibid.* – Р. 277.

⁴⁴*Ibid.* – Р. 280.

⁴⁵*Ibid.* – Р. 272.

комедии. Они интересны в своей сложности и полноте, отношения каждого из них с Богом проявляют их постоянное становление, их незавершённость, которую Жид противопоставляет цельности персонажей Бальзака. Даже если персонаж Достоевского не верит в Бога, его отношения с людьми определяются общей религиозностью русской жизни и русского самосознания. То, что Сюарес называл «иррационализмом», Жид считал новой писательской оптикой, благодаря которой читатель обрёл новый взгляд на человека и его отношения с Богом.

Жида возмущало и то панибратство, с которым Сюарес сопоставляет себя с Достоевским. Русский классик становится для него зеркалом, в которое он смотрится. Жид тоже склонен отбирать для анализа те аспекты мировоззрения и художественных поисков Достоевского, с которыми он сопоставляет своё творчество, о чём открыто пишет в финале своей книги: «Достоевский часто является здесь для меня только предлогом высказать собственные мысли. Я стал бы больше оправдываться, если бы считал, что, поступая таким образом я исказил мысль Достоевского... Однако, нет. Самое большее, я, как пчёлы, о которых говорит Монтень, искал в его произведениях преимущественно то, что подходило для моего мёда» (Достоевский, С. 341). Жид высказывает собственные мысли, говоря о Достоевском, но не переиначивает смысл его текстов. Найдя возможность не упрощать его мировоззрение для восприятия публики, он создаёт свой портрет русского писателя, сочетая анализ произведений с утверждением собственной эстетической позиции.

Почти одновременно с А. Жидом к фигуре Достоевского и к русской теме обращается в своих работах французский литератор Жак Ривьер (1886–1925). Ривьер с молодости был увлечён русской культурой, опубликовал несколько статей о Достоевском в журнале «Нувель ревю Франсез», одним из основателей которого был А. Жид, однако наиболее значительным его сочинением на русскую тему стало эссе «Россия» (1925).

Ривьер имел опыт личного общения с русскими: в 1914 году он попал в плен к немцам, где смог познакомиться с русскими пленными, наблюдать их привычки, начал учить русский язык. В текстах Ривьера представлено гораздо

больше сведений не столько о русских людях, сколько о культуре и литературе. В записных книжках многократно возникает тема «наивности», «детскости» и «естественности» русских людей. С другой стороны, он отмечает неопределённость русского характера, его незавершённость. Неопределённость в чертах лиц русских лиц, мимики и даже в языке. Так же он пишет о «беспредельности» русской мысли применительно к «Мёртвым душам» Гоголя. Ривьер утверждает, что, даже имея возможность наблюдать за русскими людьми в разных ситуациях, можно не разгадать загадочной «бесконечности» русского человека. Его взгляд был во многом определён чтением Достоевского в молодости. В своих публицистике и художественных текстах Достоевский много писал о всемирной отзывчивости русских, их умении вбирать в себя черты других наций, оставаясь собой. Эта мысль в иной форме присутствует и у Ривьера, но не в таком однозначно позитивном ключе. Ривьера пленяла психологическая глубина, «неопределённость» и неупорядоченность книг русского писателя, он противопоставлял их французскому роману. Ривьер противопоставляет русский и французский характеры, говоря о последнем как о «сформировавшемся и очень определённом». Но из этой текучести и естественности следуют и недостатки русских, которых он наблюдал в плену: им недостаёт гордости и умения бросить вызов. В лагере он отмечает их манию продавать всё, которая заканчивалась воровством и коррупцией. Личный жизненный опыт и чтение русской литературы были проанализированы Ривьером и трансформированы в единый психологический портрет русских, который во многом коррелирует с тем, что пишет в своей работе Андре Жид. В своих публичных лекциях Жид будет рассуждать о русском характере в связи с фигурой Достоевского и говорить об отсутствии социальных перегородок в русской жизни, что во многом совпадает с мыслью Ривьера об «общинности» русских, которую он противопоставляет французскому индивидуализму. Эссе «Россия» было опубликовано спустя два года после смерти Ривьера. В своей статье «Эссе Жака Ривьера “Россия” как психологический портрет русских» В.П. Трыков пишет: «Ривьер же не просто соединяет в образе русских противоположные черты, но показывает диалектику

русского национального характера, т.е. взаимообусловленность достоинств и недостатков русских, как из недостатков проистекают достоинства, а из достоинств – недостатки»⁴⁶. Это во многом корреспондирует с той задачей, которую Жид поставил перед собой, работая над лекциями о Достоевском. Выводя такие оппозиции, как смирение/гордыня и честь/унижение, Жид показывает дуалистичность русского характера, которая по его наблюдению в полной мере проявилась в наследии русского писателя. Противопоставляя Достоевского западным писателям и говоря о его новаторстве, заключающемся в том, что русский классик заглядывает глубоко в душу человека и прослеживает его отношения с Богом, обходя стороной социальные противоречия героев, Жид ссылается на Жака Ривьера (Достоевский, С. 295). Он приводит его высказывание о том, что Достоевский стремится изобразить непостижимость человеческой души, неведомые для него самого глубины и пучины, которые она скрывает. По мысли Ривьера, с которой соглашается Жид, западный писатель, изображая человеческую душу, инстинктивно пытается внести в неё порядок (С. 295). Автор «Фальшивомонетчиков» подчёркивает, что не спешит полностью разделять идею Ривьера, говоря о психологизме Бальзака. Однако он добавляет, что для Бальзака было первостепенно создать внутренне последовательных персонажей, из-за этого писатель сглаживал некоторые труднообъяснимые метаморфозы собственных героев, что решительно отличает его от глубины русского классика.

Для прояснения позиции Жида важна его полемика с таким представителем французской консервативной мысли, как Поль Клодель (1868–1955). Важно отметить, что в молодости Жида и Клоделя связывала дружба, они оба принадлежали к символистскому кругу поэтов, их сближала любовь к творчеству С. Малларме. Позднее оба они стали чувствовать недостаток приёмов символизма для выражения своих идей. В 1909 году Жид пригласил Клоделя работать в журнале «NouvelleRevueFrançaise», но вскоре они прекратили общение после

⁴⁶Трыков В.П. Эссе Жака Ривьера «Россия» как психологический портрет русских // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 1. – С. 223–232.

публикации «Подземелий Ватикана» (1914), содержащем неприемлемую для Клоделя критику католической церкви⁴⁷.

Письма Клоделя стали важным свидетельством того, как консервативная французская критика воспринимала работы Жида о Достоевском. В письмах Клодель полемизировал с Жидом об образе Христа в творчестве русского классика. Первое письмо было написано после публикации «Переписки Достоевского» (1908), второе в 1923 г., после того, как был полностью опубликован сборник статей и лекций о русском писателе (1923). Как и Жид, Клодель критиковал Вогюэ за то, что он не смог разглядеть в Достоевском фигуру равновеликую Эсхилу, Шекспиру и Данте. Однако Клодель считал взгляды А. Жида близкими к протестантизму и не принимал его критику католичества и церкви. За отсутствие приверженности религиозному догмату Клодель критиковал и Достоевского. Клодель, по наблюдению Софи Олливье, не отдавал себе отчёта, чем, в сущности, является православие и сближал его с протестантизмом Жида⁴⁸. Симпатия Клоделя направлена на Великого Инквизитора, в нём он видит эстетическую и идеологическую силу. Он считал, что Достоевский в «Братьях Карамазовых» хорошо почувствовал величие церкви, но впал в мелочность при описании Великого Инквизитора. Клодель, выступающий на стороне церковного догмата, не понял, что в тексте Достоевского есть атака на церковь как на воплощение неоспоримой власти. Клодель одобряет вмешательство церкви в жизнь человека, даже если оно направлено против самого Христа. Клодель писал Жиду, что без догмата нельзя построить церковь.

Разумеется, подобная «догматическая» позиция Клоделя и вытекающая из нее трактовка фигуры Великого Инквизитора у Достоевского, не могли встретить одобрения Жида, искавшего сложности, диалектики, становления и «искренности».

⁴⁷Подробнее См. Кашина Т.А. Поль Клодель и Андре Жид: проблема культуры и творчества в переписке, автобиографической и дневниковой прозе (1899-1926): дисс. ... к. филол. н. – М., МГУ, 2016. – С. 50-52.

⁴⁸Олливье С. Полемика между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского <https://cyberleninka.ru/article/n/polemika-mezhdu-polem-klodelem-i-andre-zhidom-po-povodu-obraza-iisusa-hrista-v-tvorchestve-dostoevskogo/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

1.2 Христианская и русская тема в книге А. Жида «Достоевский»

А. Жид, родившийся в семье истовых протестантов, много лет находился в борьбе с собственным воспитанием и религиозным догматом. Критика католичества и церкви – сквозная тема его творчества. Наибольшей остроты она достигает в романе «Подземелья Ватикана» (1914) и «Пасторальной симфонии» (1919). Вместе с тем Жид считал себя христианином. Дело в том, что писатель проводил различие между Евангелием с его проповедью радости и любви и учением апостолов (прежде всего апостола Павла) и церкви⁴⁹. Жид полагал, что официальное христианство и церковь лишают человека способности быть «искренним», которая для Жида неотделима от свободного следования своим ощущениям. Это одна из тем «Пасторальной симфонии» Жида.

Это различие истинного, первоначального христианства, нашедшего выражение в Евангелии, и его апостольско-церковной версии многое объясняет в трактовке Жидом фигуры Достоевского и шире – характера русского народа. Для Жида «тайное средоточие мысли Достоевского, а также и христианской морали, блаженная тайна счастья» выражается в формуле: «Индивидуум торжествует благодаря отказу от индивидуальности» (Достоевский, С. 325-326), и далее Жид развивает свою мысль: «Тот, кто любит свою жизнь, кто оберегает свою личность, утратит ее; но тот, кто откажется от нее, сделает ее воистину живой...» (С. 326). Речь здесь не только о любви к ближнему и самопожертвовании, культивируемых христианством. Жид интерпретировал истинное христианство как религию открытости «ощущению». «Личность», «индивидуальность», в понимании Жида, есть нечто закрытое, оформленное, застывшее, пекущееся об этой своей связности. Отказ от индивидуальности есть отказ от этой ограниченности и шаг навстречу сложности, которую Жид так высоко ценил в личности и творчестве Достоевского, в русском народе. Отречение от этой открытости, замыкание в догму официальной церкви имеет своим следствием утрату перспективы свободного саморазвития индивидуума и неприятие жизни. С этих позиций Жид

⁴⁹Beigbeder M. André Gide L'homme et l'oeuvre. – P., Ed. Univ., 1961. – P. 68.

оценивал не только Достоевского, но и французских писателей: «Общая черта, которая роднит Бодлера, Барбе д'Оревиля, Блуа, Гюисманса – их неприятие жизни и даже ненависть к жизни. Презрение, стыд, страх – все это различные оттенки, разновидности религиозной злобы против жизни»⁵⁰.

Жид полагает, что в своем духовном становлении Достоевский поднялся на эту высшую ступеньку духовного развития. Автор «Фальшивомонетчиков» высоко ценил в Достоевском сложность его личности и трактовал эту сложность как следствие переворота, который произошел в мировоззрении писателя в ссылке под влиянием Священного писания: «Он низко склонился перед Христом; и первое и самое важное последствие этого подчинения, этого самоотречения, как я уже сказал, было сохранение всей природной его сложности» (Достоевский, С. 268). «Это смирение, это самоотречение и сделало возможным существование самых противоречивых чувств в душе Достоевского, сохранило и спасло необычайное обилие антагонизмов, боровшихся в нем» (С. 268). Воплощением западного восприятия христианства, в трактовке Жида, становится фигура Ницше, который, в отличие от Достоевского, не преклонился перед Христом, но вступил с ним в соперничество. «Ницше завидовал Христу, завидовал до безумия. Ницше, пишущий своего «Заратустру», всё время мучится желанием стать соперником Евангелия. Он часто пользуется самой формой заповедей блаженства и создаёт полную их противоположность» (С. 267).

С открытостью навстречу «ощущениям», необходимой для достижения «искренности» Жид связывал настороженное отношение Достоевского к интеллекту, близкое и самому Жиду. «Во всех книгах Достоевского, – писал Жид, – <...> мы можем констатировать не систематическое, правда, но почти произвольное обесценивание рассудка, обесценивание *евангельское*. Достоевский никогда не утверждает, но дает понять, что любви противостоит не столько ненависть, сколько суемудрие. Ум для него – как раз то, что индивидуализирует себя, что противопоставляет себя царству Божьему, вечной жизни, тому вневременному блаженству, которое приобретается лишь ценой

⁵⁰Gide A. Prétextes. – P., Mercure de France, 1903. – P. 159.

отказа от индивидуальности, чтобы погрузить нас в чувство некоторого смутного содружества» (С. 322).

Очевидно, что православие представлялось Жиду, возможно, не без влияния Достоевского религией, сохранившей более тесную связь с истинным, первоначальным, евангельским христианством, нежели католицизм или протестантизм. Показательно, что в вышеприведенной цитате, Жид выделяет курсивом слово «евангельское».

С влиянием православия Жид связывает некоторые особенности личности Достоевского. Следствием религиозной мысли Достоевского становится его сфокусированность на событиях внутренней, духовной жизни. Жид неоднократно подчеркивает, что внешние события собственной жизни Достоевский считает чем-то побочным по отношению к тем потрясениям, которые происходят в его душе. Описывая тяготы своего заключения в Сибири, Достоевский в письме к брату говорит о своих страданиях как о чём-то вторичном по отношению к тому, что совершилось с его мировоззрением и с его верой.

Влияние христианства сказывается и в некоторых особенностях таланта Достоевского: его тонком психологизме, способности к перевоплощению в своих персонажей. Жид несколько раз в книге о Достоевском возвращается к оппозиции Достоевский-публицист // Достоевский-романист. Жид противопоставляет удовольствие и работоспособность, с которыми Достоевский создавал свои художественные произведения, отвращению, с которым Достоевский писал письма. Он объясняет это тем, что «Достоевский, так прекрасно умеющий говорить от чужого лица, затрудняется, когда ему надо говорить от своего лица» (С. 210). Жид подчёркивает, что для Достоевского определяющим фактором было то, что в письме невозможно передать ту глубину чувства и мысли, которая составляет духовную жизнь человека. Для Жида важнейшим аспектом в оценке наследия Достоевского является признание русского классика в том, что он не любит писать о себе и не любит «в меру писать». Очевидно, столь высоко ценимая Жидом христианская культура, трактуемая им как культура

самоотречения, преодоления ограниченного эгоизма, расширения человеческой личности, сказала в творчестве Достоевского.

В письмах русского писателя нашло отражение его христианское смирение перед жизненными невзгодами. Жид отмечает, что Достоевский не пытается скрыть своё бедственное положение в разные этапы своей жизни. Он не только не стесняется просить в долг или жаловаться на неблагополучие, но делает лейтмотивом своих писем вопль отчаяния, не заботясь о том, как это может отразиться на его репутации в глазах читателей.

Андре Жид отмечал «намеренную неряшливость» стиля Достоевского, которая делает чтение его книг столь затруднительным для французского читателя. Жид выражает сожаление, что французские переводчики пытались сгладить эту «неряшливость», что делало их переводы неудачными. Эта черта стиля Достоевского была отражением той «сложности», которая так импонировала Жиду в русском писателе, результатом его неустанного религиозного поиска, следствием его нежелания сглаживать противоречия своей живой мысли.

Таким образом, Жид на основе анализа стилистики и некоторых важных тем переписки Достоевского делает выводы о личности писателя, его системе ценностей. Жид в книге о Достоевском выступил продолжателем прустовской традиции. На первый взгляд может показаться, что Жид, как и родоначальник биографического метода Сент-Бёв, хочет «увидеть в поэте человека». Он приводит факты биографии писателя, обращает внимание читателя на то, что Достоевский, посвящая всё своё время работе над романами, вёл полноценный образ жизни и наслаждался ей. Он был женат, имел детей и, даже будучи на каторге, писал о том, что и там он жил, несмотря на перенесённые страдания. Предвосхищая упреки тех, кого Жид называет «щепетильными любителями литературы», он соглашается, что важны только произведения, но пишет: «Изумительно и для меня бесконечно поучительно то, что *он* их создал, *несмотря на свои слабости*» (С. 220). Ведь Жид, как и Пруст, подчеркивает различие между человеческой слабостью Достоевского и его творческой мощью, т.е.

иллюстрирует, по сути, мысль Пруста, что «книга – порождение иного «я», нежели то, которое проявляется в наших повседневных привычках, общении, пороках»⁵¹.

В своей небольшой заметке о Достоевском Пруст, как и Жид, обращает внимание именно на переписку писателя, противопоставляя её художественным текстам. Он считает, что опыт каторги научил Достоевского концентрироваться на собственном внутреннем мире, расширил возможности его воображения, позволявшего писателю отвлекаться от тяжёлых лет, проведённых в ссылке. Пруст подчёркивает, что жизненный опыт обогатил Достоевского, но писатель предпочёл разделить его описание на «преступление», воссоздав процесс прихода человека к последней черте, и на «наказание», опыт перерождения.

Воззрения Жида были близки прустовскому тезису: он разводил две стороны писательского дарования и подчёркивал, что гений Достоевского состоит в обновлённой романной форме, как об этом писал Марсель Пруст. Будучи эстетам и новаторами в литературе, писатели обращали своё внимание в первую очередь на структуру и стиль художественного произведения.

Однако разговор о, казалось бы, частных вопросах литературной техники Достоевского приобретает более широкую перспективу: Жид указывает на одно из существенных отличий русской культуры от западной, по-разному понимающих человеческое достоинство. Если для западной культуры, его важнейшая составляющая гордость и нежелание демонстрировать свою слабость, то для русской – смирение. Жид определяет стремление к отречению как типичную русскую черту. Описывая русский характер, в значительной степени сформировавшийся под влиянием православия, Жид отступает от стереотипов о России. В его работе нет места рассуждениям о варварстве русского человека, его рабской сущности, ставших общим местом западного дискурса о России со времен С. фон Герберштейна, А. Олеария и получивших продолжение и развитие в сочинениях о России А. де Кюстина, Ж.-Б. Мея, Ж де Ланьи и др.⁵². Напротив,

⁵¹Пруст М. Против Сент Бёва. – М., ЧеРо, 1999. – С. 36.

⁵²См. подробнее: Corbet Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe. 1799-1894. – P., Didier, 1967. – 491 p.

Жид акцентирует положительные качества русских: живое чувство сострадания, смирение, готовность покаяться, признать свою неправоту, их вера в свою особую миссию в сочетании с открытостью европейской культуре. Православие, по мнению Жида, сформировала у русских иное, принципиально отличное от западного, представление о чести: «Нежелание простить, забыть, уступить европеец склонен считать признаком сильного характера. Русский, напротив, всегда готов сознаться в своей неправоте, – даже перед врагом, – всегда готов на самоуничтожение, самообвинение» (С. 274). Эта культура смирения и покаяния находит отражение и в романах Достоевского, герои которого испытывают потребность покаяться и попросить прощение не только перед священником или близким человеком, но даже перед первым встречным. Французского читателя такая откровенность шокирует, кажется ему почти неприличной.

Эти существенные различия западной и русской культуры затрудняли, по мнению Жида, восприятие Достоевского на Западе. Даже такой искушенный знаток и ценитель русской литературы как Вогюэ, как отмечал Жид, извинялся перед французским читателем «за этого невоспитанного автора, и, не отрицая, в нём правда, известного таланта, не без умолчаний, продиктованных правилами хорошего тона, смущённый столь огромными масштабами, просил читателя о снисхождении» (С. 205).

Жид признается, что хотя близко знал некоторых русских, проживающих во Франции, но в России не бывал (С. 269). Он прямо указывает источники своих сведений о русских, важнейшим из которых становится книга немецкой писательницы, некоей госпожи Гофман, написавшей биографию Достоевского. Жид высоко оценивает этот труд и доверяется суждениям немецкого автора о русских, которым свойственна «круговая порука за всех и каждого, те братские чувства, которые во всех слоях русского общества приводят к упразднению социальных перегородок и совершенно естественно влекут за собой простоту общения, постоянно встречающуюся в романах Достоевского», а также «неспособность к точному методу и нередко даже к точности вообще; русский как

будто не очень страдает от беспорядка и не делает особенных усилий, чтобы его преодолеть» (С. 269).

Очевидно, что представления Жида о русских на этом этапе его творчества еще в значительной степени литературны, опираются не на непосредственные впечатления и опыт живого общения с ними, а на сведения и представления, почерпнутые из романов Достоевского и других литературных источников.

Потребность в самообвинении и смирении Жид находил в самом Достоевском и привёл в пример их разговор с И.С. Тургеневым. Автор «Преступления и наказания» пришёл к русскому европейцу с исповедью и разговором на очень личные темы, чего собеседник никак не ожидал. Тургенев, по Жиду, был слишком европейцем, чтобы понять выходку Достоевского, неожиданно пришедшего к нему с покаянием. Достоевский почувствовал себя униженным из-за того, что был не понят писателем, и это унижение заставило его «встать на дыбы», сказать, что он презирает Тургенева (С. 276). Исповедь зачастую сближает героев русского классика, делает их общение возможным и доверительным. Но если сближения не происходит, и собеседник не принимает исповеди, то это превращается в колоссальное унижение для исповедующегося. Оскорблённая гордость толкает его на конфликт. На этом контрасте по Жиду рождается один из важнейших контрапунктов для понимания творчества Достоевского. Близость смирения и унижения, происходящая из особенностей русского характера. Открытость и готовность к смирению приводят человека в рай, а унижение в ад, так это понимает Андре Жид. Поэтому многие персонажи русского гения получают удовольствие от унижения, они, будучи однажды униженными, замкнуты в собственной травме. Их жизнь остановилась на этом моменте, и они умеют получать удовольствие только в отведённом для них жизненном пространстве. Так, например, подпольный человек из «Записок из подполья» (1864) не может забыть обидчика, который нечаянно толкнул его, проходя по Невскому проспекту. Вся его жизнь посвящена мечте о мести, он становится пленником собственного пережитого унижения.

Совершенно другим полюсом творчества русского классика Жид выделяет смирение, и если она послужила поводом для исповеди, то это освобождение и возможность для продолжения жизни, как это произошло с Раскольниковым в «Преступлении и наказании». Формула Жида: *«если смирение есть отказ от гордости, то унижение, напротив, усиливает гордость»*(С. 278). Только отрекаясь от индивидуальной воли и жертвуя ограниченностью человеческой логики, герои Достоевского имеют возможность спастись. «“Униженные и оскорблённые” – таково заглавие одной из первых книг Достоевского, и всё его творчество вечно во власти томящейся мысли, что в унижении – проклятие, а смирении ведёт к святости. Рай в том виде, как о нём мечтает и как его рисует Алёша Карамазов, – это мир, в котором больше не будет ни униженных, ни оскорблённых» – заключает Жид.

Эта идея была настолько важной для Андре Жида, что похожие мотивы читатель обнаруживает и в знаменитых романах французского писателя. Работая над «Фальшивомонетчиками» Жид напишет в дневнике о своём герое Эдуарде (в котором угадывается автопортрет писателя), что ему не удастся осуществить работу над романом, поскольку «истинное самопожертвование для него почти невозможно»⁵³. Эдуард замкнут в собственном желании написать роман, но он не способен самоотречённо работать. По этой и многим другим цитатам можно проследить, как одновременная работа над «Достоевским» и «Фальшивомонетчиками» обусловила их взаимовлияние. Об этом подробно пишет в своей работе С.Л. Фокин⁵⁴. Лекции Жида о Достоевском проявляют его собственную эволюцию как писателя, который поверяет свои идеи кумиру и, учась у него, углубляет собственное мировоззрение.

В каждой из своих лекций Жид выводит оппозиции, составляющие суть русского характера, при понимании которых становится проще трактовать русского гения и поступки его персонажей. Двойственность русского характера, в

⁵³ Жид А. Фальшивомонетчики. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1936. – С. 393.

⁵⁴ Фокин С. Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб., РХГА, 2013. – С. 115.

котором достоинства являются продолжением недостатков, – это главная тема его лекций. Жид демонстрирует, что персонажи русского классика раскрываются не в отношениях между собой, но в своих отношениях с Богом и божественным замыслом, который они ощущают вследствие своего христианского чувства. Для Жида было важно подчеркнуть, что «другость» и «инаковость» русского человека, нашедшие отражение в романах Достоевского, могут повлиять на французскую литературу и уже непосредственно повлияли на самого Жида, на его поэтику, на его мировоззрение. Жид воссоздаёт этапы эволюции творчества Достоевского, на каждом из которых писатель открывал всё новые черты своих героев, углублял и дополнял своё понимание их психологии.

Жид уделяет значительное внимание не только личности Достоевского, но и его творчеству, художественным открытиям. Он анализирует новаторскую структуру романов Достоевского, описывает типологию его персонажей. В свете интересовавшей самого Жида проблемы интеллигентизма и его негативного влияния на индивидуума, писатель особенно внимателен к героям-идеологам в романах Достоевского, к фигурам Раскольникова, Ставрогина, Кириллова, Ивана Карамазова, которые трактуются как воплощение «дьявольского интеллекта», ведущего к гордыне и преступлению.

«Дьявольский интеллект» с его условными схемами, не соответствующими истинным чувствам индивидуума, искажающими его искренние реакции на внешний мир, эта тема, затронутая в повести Достоевского «Вечный муж», находит отклик у Жида, который дает обстоятельный анализ повести в четвёртой лекции. Рассуждения Жида о русском характере логично перетекают к анализу этой повести, поскольку в ней, по убеждению Жида, Достоевский показывает борьбу индивидуальности с тем, что навязывает ему массовая психология. Массовое сознание русского человека, как Жид его воспринимал на основе художественных и научных текстов, он описал в первых трёх лекциях, а затем обратился к следующей теме. Как взаимодействует индивидуальность с массовым сознанием русского народа: с его представлениями о смирении, чести и долге. Достоевского, по убеждению Жида, интересует борьба правдивого и искреннего

чувства с чувством условным, с общепринятой психологией. Павел Павлович Труссоцкий узнаёт после смерти своей супруги о её измене с Вельчаниновым, человеком, которым некогда он восхищался и уважал его больше других. В Труссоцком есть тяга к страданию. Он оберегает собственную ревность и любит её как подпольный человек любит свою зубную боль. Жид прослеживает, как привычная психология берёт верх над искренним чувством: Труссоцкий считает, что должен отомстить Вельчанинову и мучает всех и себя. Но на самом деле, Труссоцкий не может отделаться от своей приязни к Вельчанинову, он борется с собственным чувством и той необходимостью ненавидеть и мстить, которую ему навязывает общественное мнение. Тем самым пытается уйти от отчаяния. Жид высказывает мнение, ссылаясь на цитату из Ларошфуко: «Сколько людей никогда бы не были ревнивыми, если б они не слышали о ревности, если бы они не убеждали себя в том, что надо ревновать?» (Достоевский, С. 316). Вельчанинов находится в неведении касательно той борьбы, которая одолевает Труссоцкого. После совершённого покушения, на которое всё-таки решается Труссоцкий, Вельчанинов силится постигнуть то, что происходило незаметно для его взгляда: «Он уважал меня девять лет, чтил память мою и мои “изречения” запомнил, - господи, а я-то и не ведал ни о чём»⁵⁵. Об измене Труссоцкий узнал только спустя девять лет и не мог уложить противоречия своих эмоций внутри себя. Жид подробно останавливается на «Вечном муже», говоря о важной составляющей творчества Достоевского – желанию его персонажей соответствовать принятым в обществе конвенциям. Накладывать свой опыт на предложенные другими эмоции, а не пытаться понять собственное даже незначительное, но индивидуальное чувство. Конфликт между тем, как человек хочет вести себя в обществе и тем, какие модели ему навязываются извне, очень интересовал французского писателя, рассуждавшего о подобных коллизиях и в собственном художественном творчестве. Вследствие этого конфликта персонажи Достоевского живут не собственными эмоциями, а следуют предложенным моделям в принятии решений.

⁵⁵Достоевский Ф.М. Вечный муж // Достоевский Ф.М. Том девятый. Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Ленинград, Издательство «НАУКА», 1974. – С. 102.

В этой ситуации формируются одиночки (Раскольников, Ставрогин, Кириллов), желающие противопоставить себя большинству, бунтующие против устройства мира. Однако гордыня и интеллектуализм, неразрывно с ней связанный, приводят этих героев к нравственному краху.

Жид полагал, что Достоевский может сыграть определенную роль в обогащении французского, и шире европейского, художественного сознания. Жиду претит слепая и бездумная приверженность традиции, эстетический консерватизм многих современников: «Во имя традиции были отвергаемы и гонимы многие, кому вскоре суждено было стать краеугольным камнем этой традиции» (Достоевский, С. 359). Этот эстетический консерватизм воспринимается Жидом как одной из проявлений столь ненавистного ему догматизма.

1.3 Рецепция Достоевского в художественном мире А. Жида

Во время работы над лекциями и статьями о русском писателе, в период между 1908 и 1923 годами, Жид продолжал работу над собственными художественными произведениями: романами «Тесные врата» (1909), «Подземелья Ватикана» (1914), повестью «Пасторальная симфония» (1919) и лучшим своим романом «Фальшивомонетчики» (1925). Именно в этих произведениях влияние Достоевского сказалось наиболее значительно. Чем бы, по убеждению Жида, ни занимался настоящий художник, он всегда использует накопленный материал для работы над будущим романом. Эту мысль Жид подробно доказывает в одной из лекций о русском писателе (С. 285-301). Анализируя творчество Достоевского, Жид невольно (а иногда сознательно) транспонирует проблематику его книг на своё творчество.

О природе этого влияния на Андре Жида можно понять больше, если обратиться к эссе писателя «О влиянии в литературе» (1900), в котором автор утверждает, что настоящий писатель не только не боится влияний, но и стремится

их испытать. Жид обнаруживает последовательность в своих воззрениях: важнейшие постулаты своей этики он переносит в сферу эстетики. Подобно тому, как обрести себя человек может, только отказавшись от своей личности, писатель обретает себя, испытав литературные влияния. Жид иронизирует над теми, кто боится утратить свою творческую оригинальность под влиянием чужих произведений. «В богоспасаемой области нашей литературы можно встретить и указать немало страхов: страх новизны, страх отсталости – в последнее время страх иностранных языков и т.п., но самым мерзким, смешным и самым глупым из всех этих страхов несомненно является страх утратить свою личность»⁵⁶. С точки зрения Жида, влияние лишь расширяет творческий горизонт подлинно талантливой личности, обогащает ее, делает сильнее в творческом отношении. «Люди, боящиеся влияний и уклоняющиеся от них, молчаливо сознаются в бедности своей души. Ничего подлинно нового в них не открыть, потому что они не желают пойти навстречу ничему, что может указать путь к раскрытию их внутреннего содержания»⁵⁷.

Жид охотно шел навстречу влияниям, среди которых одни из сильнейших – влияние Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского. Жид зачастую упоминает имена Ницше и Достоевского рядом. К моменту публикации «Имморалиста» немецкий философ уже становился популярным во Франции, о чём пишет А.И. Владимирова в своей статье «Достоевский во французской литературе»: «Влияние Ницше стало особенно значительным в 1900-е годы. Многие деятели искусства отмечали, впрочем, что он не столько высказал неожиданные и новые идеи, сколько выразил в ясных формулировках то, что французы до этого момента лишь смутно ощущали»⁵⁸. Позднее Жид напишет следующее: «Я ведь уже говорил, что мы ждали Ницше ещё до того, как его узнали: ведь ницшеанство возникло гораздо раньше появления самого Ницше»⁵⁹.

⁵⁶ Жид А. О влиянии в литературе // Жид А. Достоевский; Эссе. – Томск, Водолей, 1994. – С. 177.

⁵⁷ Там же. – С. 179.

⁵⁸ Владимирова А.И. Достоевский во французской литературе // Владимирова А.И. Достоевский в зарубежных литературах. – Ленинград, «Наука», 1978. – С. 40.

⁵⁹ Gide A. Prétextes. Réflexions sur quelques points de littérature et de morale. – P., 1926. – P.177.

Достоевский был еще не столь известен и усвоен во Франции. Однако Жид был в числе тех относительно немногих представителей французского культурного слоя, кто сумел по достоинству оценить масштаб фигуры великого русского писателя.

В дальнейшем автор «Фальшивомонетчиков» зачастую будет прибегать к такому приёму: он будет сталкивать абстрактную идею с конкретными и бытовыми обстоятельствами жизни его героев. Этот приём становится для Жида ключевым в «Имморалисте», «Подземельях Ватикана», «Фальшивомонетчиках» и других произведениях: он рассматривает умозрительную идею и анализирует, как её можно соотнести с логикой развития своего персонажа. То есть, в задачу писателя входит как можно более правдоподобно представить читателю, что может произойти с героем в контексте того художественного мира, который создаёт автор. Герои Жида и Достоевского выстраивают теорию, в соответствии с которой происходит их развитие. И в каждом из произведений герой проверяется на способность следовать придуманной абстрактной идее. Могут ли Бернар и Оливье уйти из семей и жить самостоятельно, отринув воспитание родителей, как они этого хотят? Может ли Раскольников воплотить идею в реальность и стать «Наполеоном», или это останется только его фантазией, которая противоречит логике персонажа, которую воссоздаёт Достоевский. Жид утверждает, что тот психологизм и та художественная достоверность, которые он так ценит в Достоевском, возникают из столкновения идеи и факта, из слияния того и другого (Достоевский, С. 292). Самый известный пример такой стычки идеи и факта – это логическая правота Раскольникова в его размышлениях о необходимости убить старуху, но невозможность перенести убийство из-за причин метафизических и нравственных. Впервые подобный конфликт возникает у Жида в повести «Имморалист».

Мишель, главный герой и повествователь «Имморалиста», - это человек, желающий преодолеть собственные нравственные и психологические границы. Личный внутренний мир представляется ему искусственным. Мишель – историк, он занимается анализом и отбором чужих знаний. Он обращён к прошлому,

актуальность и будущее его не интересует. Он «берёт напрокат» чужие идеи, живёт в соответствии с ними и не связывает собственную жизнь с повседневностью. Его жизнью управляет отчуждённая логика чужих истин, но не собственный личный опыт. Во время путешествия в Африку на корабле в нём просыпаются черты ницшеанского сверхчеловека. Мишель в этот момент ощущает противоречие между внутренним сконструированным миром и теми чувствами, которые у него возникают от столкновения со стихией. У него появляется интерес к реальности, он наконец влюбляется в собственную жену, к которой прежде был равнодушен. У Мишеля возникает чувство, что он попал в мир подлинной жизни, а не интеллектуальных конструктов. Героя начинают привлекать чувственные формы жизни, возникает эротизм, проявляющийся во всём, что окружает его существование. Молодым французским писателям рубежа веков (М. Барресу, П. Клоделю, А. де Ренье и др.), было свойственно утверждать, что материалистическому познанию, необходимо противопоставить интуицию, подсознание, ощущение⁶⁰. Жид не только не стал исключением, но его повесть «Имморалист» была одним из самых ярких проявлений нового взгляда на литературу. Натуралистическому роману с его рационализмом новое поколение литераторов противопоставило прозу, в которой ощущалось влияние Ф.М. Достоевского, Ф. Ницше, А. Бергсона. Один из представителей этого поколения, А. Сюарес, называл Достоевского провозвестником философии жизни⁶¹. Они считали, что искусство не должно ничего доказывать и не должно быть вульгарной иллюстрацией общепринятой морали. Принцип независимости искусства, который провозглашал А. Жид, стал ключевым для всего поколения, например, писатель Поль Леото заявлял: «У художников должно быть достаточно вкуса, чтобы не защищать никаких моральных и гуманистических ценностей»⁶². Именно за аморализм обвинили критики А. Жида после публикации «Имморалиста».

⁶⁰Владимирова А.И. Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков (1890-1914) – Ленинград, Издательство ленинградского университета, 1976. – С. 14.

⁶¹Владимирова А.И. Достоевский во французской литературе XX в. // Владимирова А.И. Достоевский в зарубежных литературах. – Ленинград, «Наука» Ленинградское отделение, 1978. – С. 48.

⁶²Léautaud P. Henri de Régnier. – P., «Mercure de France», 1905. – P. 695.

В одном из главных эпизодов повести арабский мальчик, Мактир, крадёт у Мишеля ножницы. Мишель замечает воровство и даёт понять это Мактиру. Но он не хочет угрожать Мактиру или ругать его за воровство. Ему интересно, вернёт ли мальчик украденные ножницы. Мишель рад нестандартной ситуации, им движет любопытство. В игре, по убеждению А. Жида, нет корыстного интереса, есть полёт воображения, есть беззаботность, но в игре всегда есть и манипуляция. Жид даёт понять, что творчество начинается там, где есть игровое начало. Игра способствует развитию воображения. Воображать – это значит представлять новые возможности жизни. Здесь сказывается влияние «философии жизни», стремившейся прорваться сквозь условные, навязанные индивиду культурой схемы и модели поведения к некоей «подлинности», «жизни».

Этот мотив, присутствующий в произведениях французского писателя, перекликается с тем, как ведёт себя Ставрогин в романе «Бесы» (1871), чьи манипуляции вызваны любопытством и желанием играть с собеседником по своим правилам. Он берёт ни в чём неповинного человека за нос или кусает ухо незнакомца в людном месте. Игра воображения не коррелирует с логикой корыстного интереса. Человек, находящийся в состоянии игры, становится непредсказуем, его мотивировки неочевидны. Поэтому он интересен Достоевскому и Жиду.

В своей работе «К генеалогии морали» Ницше называет нечистую совесть болезнью⁶³. По убеждению Ницше, личность отрицает идеалы, а не сверяет с ними свои поступки. Совесть – это болезнь, свидетельство разрыва между личным желанием и тем, что навязало общество и мораль. Сильный человек, по мысли Ницше, – нонконформист, он доверяет себя и свою внутреннюю жизнь общей волне бытия (стихии, которую ощущает на корабле Мишель) и в соответствии с ней он творит себя сам силой своего воображения и исходя из своих инстинктов. Он сам создаёт свои ценности. Это человек целостный, и потому он не испытывает угрызений совести. Сильный человек не мыслит

⁶³Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Собрание сочинений: Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм; Человеческое, слишком человеческое; Весёлая наука; Злая мудрость; Так говорил Заратустра; По ту сторону добра и зла; К генеалогии морали; Сумерки идолов, или Как философствуют молотом; Эссеотом. Как становятся самими собой. – М., Престиж Бук, 2012. – С. 895.

диалектически, ему не знакомы сомнения. Воля сильного человека – это действие, это акция, а не реакция. Мораль, по Ницше, нужна, чтобы обуздать сильных людей. Она придумана слабыми.

Мишель осознаёт собственную нереализованность и чувствует, как над ним довлеют заимствованные познания и, что важнее, чужие *идеалы*. Само понятие «идеалы» можно трактовать достаточно широко: это одновременно и система ценностей, и мораль. Однако, самое важное для и Жида – это понимание идеалов как привнесённого в жизнь человека представления о жизни «со стороны». А значит, идеал не связан напрямую с жизнью человека и даже может быть ему враждебен. Мораль – это тоже отчуждённая система ценностей, поэтому слабый человек определяет себя общественной договорённостью о том, что такое нравственность. Герой Жида – человек, который самостоятельно формулирует для себя эти идеи. Мишель отрицает привнесённые идеи и начинает создавать для себя свою систему ценностей, которая, как показывает Жид, так же умозрительна, как и привнесённая со стороны. Он создаёт новые формулы, свою концепцию, которая, как и любая другая, может быть нежизнеспособна при столкновении с действительностью. Мишель становится пленником собственной логической конструкции, которую выстраивает в соответствии с изменившейся жизнью. Жид всегда отрицал устоявшиеся истины и предложенные со стороны знания. В своей книге о Достоевском он выскажет такое суждение: «У нас во Франции есть досадная склонность придерживаться формулы, – быстро превращающейся в метод работы, – успокаиваться на ней, не пытаясь идти дальше» (Достоевский, С. 303). Это убеждение писатель повторяет в своей работе неоднократно, критикуя мышление французских читателей. Андре Жиду важно проследить, как формируется мысль, он наблюдает её становление, её неожиданную эволюцию в процессе формирования. Отсутствие схематичного мышления привлекало Жида в русском писателе. Такое же отношение к знанию, как к чему-то не абсолютному и подвижному Жид находил в романах русского классика: «Идеи Достоевского почти никогда не являются абсолютными; [...] они, так сказать, *достигаются* своеобразным и преходящим состоянием того или иного персонажа; они всегда

относительны; всегда находятся в прямой зависимости от факта или какого-нибудь поступка, который они обуславливают или который обуславливает их» (С. 287).

Жид показывает человека, неспособного к постижению собственного «Я», но желающего это сделать. Необходимость выйти за пределы собственных возможностей сближает Мишеля одновременно как с ницшеанским сверхчеловеком, так и героями Достоевского. После путешествия на корабле меняется и интерес Мишеля к науке. Теперь его волнует не прошлое, а связь между временами, которые подготовили современность. Он хочет понять, как история подготовила настоящее и проецируется в будущее. Для него больше нет истории с точки зрения работы с архивами и чужим знанием, есть жизненный процесс. Он утверждает, что нужно отбросить знания, которые сдерживают человека, и подчиниться инстинкту и эмоциям.

Жена спасает Мишеля, когда он болеет в Африке. Но когда они меняются местами, и во Франции заболевает жена, Мишель заботится о ней только потому, что должен, но это не беспокоит его. Он мало думает об её здоровье всерьёз. Ему неинтересны слабые люди. Воля к жизни, свойственная теперь Мишелю, не принимает чужую болезнь. Мишель говорит, что любить надо сильных, жена отвечает ему, что такая теория унижает слабых. В какой-то момент Жид подмечает ещё одну метаморфозу, которая происходит с Мишелем. Его идеи становятся формулами, он часто повторяет их в разговоре. И они перестают приносить ему радость, становятся застывшими и обезличенными. Однажды изменившись, Мишель снова останавливается на достигнутом и не может помочь ни своей жене выздороветь, ни заново обрести вкус к жизни, который он испытывал во время путешествия.

Герои Достоевского зачастую ставят над собой эксперимент, желая понять, способны ли преодолеть самих себя. Задаваясь теоретическим вопросом, они осуществляют его разрешение на практике, но реальность, не поддающаяся сведению к формуле, всегда оказывается сложнее их представлений. С точки зрения логики, Раскольников, убив старуху, должен стать сверхчеловеком,

Наполеоном, поскольку его план осуществлён. Отсылая читателя к Ницше, Жид проводит параллель между его философией и творчеством Ф.М. Достоевского, показавшего человека на пределе своих возможностей. Различие между Ницше и Достоевским Жид обозначает, говоря о разнице их восприятия Евангелия. Отрицание совести, о котором писал Ницше, не свойственно ни мироощущению Достоевского, ни его последователю Андре Жида. Герои Достоевского в попытке состояться идут на преступление, но тем самым они саморазоблачаются, расписываясь в собственном банкротстве. Жид утверждает: «Банкротство каждого из интеллектуальных героев Достоевского зависит также от того, что человека интеллектуального Достоевский считает более или менее неспособным к действию» (С. 333). В «Имморалисте» Жид изображает точно такого же героя. С одной стороны, это герой, проверяющий своей жизнью ницшеанскую идею и опровергающий её собственными поступками, а с другой – желание этого героя уместить широту своей мысли в удобные формулировки. Критики упрекали Жида в том, что он оправдывает имморализм своего героя, хотя его авторская позиция сложнее. Он наблюдает за метаморфозами Мишеля, ему интересен сам процесс его перехода из одного состояния в другое. И описывает Жид это безоценочно. После появления «Имморалиста» Жид продолжал интересоваться героями такого типа в своих художественных произведениях, трактатах и публицистике. Когда Жид пишет статьи о Достоевском, он размышляет над интересующим его персонажем, который возник под влиянием прозы великого русского писателя.

Жид писал о том, что Достоевский предлагает европейскому читателю новую форму романа, в котором отношения между героями отличаются от тех, которые существовали в прозе Бальзака. Впоследствии М.М. Бахтин назовёт эту форму «полифоническим романом» и сформулирует одну из его основополагающих черт: «Та позиция, с которой ведётся рассказ, строится изображение или даётся осведомление, должна быть по-новому миру – миру полноправных субъектов, а не объектов»⁶⁴. В отличие от романа монологического типа, в полифоническом романе нет одного центра, вокруг которого строится

⁶⁴Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., «Советский писатель», 1963. – С. 8.

повествование. Так устроены и романы Андре Жида, особенно его главная книга «Фальшивомонетчики», где автор никогда не останавливается на одном персонаже, предлагая читателю несколько версий происходящего. Каждый герой «Фальшивомонетчиков» высказывает собственное суждение, но Жид не убеждает читателя согласиться только с одним персонажем, даже с писателем Эдуардом, который во многом напоминает автора книги.

Есть и ещё одна важная черта, сближающая прозу французского писателя с произведениями Достоевского. Начиная с «Имморалиста», Жид пишет произведения, разрушающие конвенции традиционного романа. В его книгах нет интриги, построенной на этапах биографии героя. Даже когда события его жизни излагаются последовательно, они остаются фоном к тому, что происходит в его внутреннем мире. Главное в романе Жида – это саморефлексия его рассказчика. Мишель, главный герой «Имморалиста», думает и сразу анализирует собственную мысль и постепенно добирается до истоков своих инстинктов. Модернизм пытается добраться до глубинного «я», добраться до основания личности. В этом смысле роман Жида протомодернистский. Французский исследователь Андре Жида Пьер Массон в своей работе «Чтение фальшивомонетчиков» утверждает, что начиная с «Имморалиста» Жид в каждом из своих произведений доказывал, что «лучший способ стать рабом собственных детерминизмов – это пытаться отрицать их в себе»⁶⁵. Возможно эта идея излишне категорична, но она точно описывает метод Жида: сделать мучительную рефлексию персонажа главным событием каждого из произведений. Поэтому такое важное место в прозе Жида занимает дневник, как способ познания себя. И эта саморефлексия берёт начало у героев Ф.М. Достоевского, например у рассказчика «Записок из подполья» (1864), к которому Жид часто отсылает читателей и слушателей своих лекций о русском писателе.

Главные герои произведений Жида ставят эксперимент над собой и над окружающими людьми, не соотнося поступки с нормами морали. Лафкадио, главный герой «Подземелий Ватикана», имеет что-то и от Раскольникова, и от

⁶⁵Masson P. Lire Les Faux-Monnayeurs. – Lyon, Presses Universitaire de Lyon, 1990. – P. 97.

Ставрогина. Лафкадио убивает человека не из личной выгоды и не из желания помочь ближнему, как пытается себя в этом убедить Раскольников, убивая старуху. Лафкадио чувствует себя и непонятым окружающими людьми и, что важнее, нереализованным из-за их узкого мышления, укладывающегося в рамки буржуазной морали, поэтому хочет любой ценой упразднить барьеры, сковывающие его волю. Его провокации по отношению к людям напоминают поведение Ставрогина, центрального героя романа «Бесы» (1871). В одном из эпизодов романа Ставрогин, устав от скучной компании, кусает одного из собеседников за нос. Когда люди живут по установленным правилам, в их жизни нет места спонтанности, проявляющей их глубинную природу. Страсть Лафкадио к игре, к сиюминутным и необдуманным решениям исходит из желания противостоять механистичности окружающего мира и состояться как личность. А для него это возможно, только проверив себя, познав собственную природу. Лафкадио не имеет никаких правил, кроме одного – жить в соответствии с внезапным порывом. Для него поступки важнее рассуждений об их пользе или их моральной стороне. Только после принятого решения пойти на убийство, Лафкидио начинает мучиться. Но поначалу в нём говорит не совесть, а страх быть разоблачённым. Он рассматривал преступление как игру, как способ доказать себе, что он стоит выше категорий добра и зла. От возникших нравственных мук Лафкадио ненадолго спасает юная девушка, Женевьева, увидевшая в нём незаурядного человека, полюбившая его вопреки совершённому преступлению: «Я ведь к вам пришла, Лафкадио, а не к кому иному. К преступнику, Лафкадио! Как часто я шептала ваше имя с того самого дня, когда вы предстали мне как герой, даже чересчур смелый... Теперь вы должны знать: я втайне обрекла себя вам уже в ту минуту, когда вы проявили на моих глазах такое самоотвержение. Что же произошло с тех пор? Неужели вы убили? Что вы с собой сделали?»⁶⁶.

Спасение ребёнка из горящего дома, которое предпринял Лафкадио, и убийство для него вещи одного порядка: преодоление себя. Вопрос Женевьевы

⁶⁶Жид А. Подземелья Ватикана // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 203.

«Что вы над собой сделали» почти дословная цитата из «Преступления и наказания», ведь Соня Мармеладова говорит Раскольникову в ключевом эпизоде романа то же самое. Но спасаясь от мук совести, Лафкадио утягивает Женевьеву в бездну собственного падения вместе с собой. Жид не даёт точного ответа – что ожидает героев, но намекает на невозможность Лафкадио измениться и любить. Хочет ли Лафкадио, заполучивший чистую душу юной девушки, признаться в собственном преступлении – этим открытым вопросом Жид завершает роман, утверждая таким финалом имплицитную полемику с Достоевским, верящим в человека. В своей статье «Достоевский во французской литературе XX века» А.И. Владимирова также находит параллели между «Преступлением и наказанием» и Подземельями Ватикана», но считает, что «парафраз» Жида сильно проигрывает оригиналу⁶⁷. По убеждению исследователя «И Лафкадио, и Раскольников хотят через убийство понять свою истинную ценность. Но Лафкадио всей своей личностью отрицает нравственный закон как нечто внешнее, мешающее его свободе. Раскольников пытается найти и установить закон»⁶⁸. Это справедливо, однако важно отметить, что Лафкадио так же меняется после убийства, как и Раскольников. Отрицание нравственного закона приводит Лафкадио в тупик, из которого он пытается выбраться. Герой отнюдь не статичен, именно поэтому Женевьева влюбляется в него и даёт ему шанс измениться. В момент нравственного надлома рядом с Лафкадио оказывается любящий и чистый человек. Автор фиксирует само состояние неопределённости в душе героя, что уже говорит о том, что свобода от нравственного не даётся ему легко. Жид не оптимистичен по отношению к судьбе Лафкадио, поскольку его признание вызвано страхом, но не раскаянием. Но выводов он не делает, это предстоит сделать читателю.

Ещё два важных для Андре Жида мотива, которые можно обнаружить и в наследии Достоевского: мотив неподлинной исповеди (нашедший наиболее полное воплощение в «Фальшивомонетчиках») и мотив гордыни. В творчестве

⁶⁷Владимирова А.И. Достоевский во французской литературе XX в. // Владимирова А.И. Достоевский в зарубежных литературах. – Ленинград, «Наука» Ленинградское отделение, 1978. – С. 58.

⁶⁸Там же. – С. 60.

Жида эти мотивы тесно связаны между собой и впервые возникают в повестях «Тесные врата» и «Пасторальная симфония». В двух схожих между собой повестях французский писатель показывает, как, прикрываясь христианской добродетелью, главные герои обманывают себя и близких для себя людей. Главные герои повести «Тесные врата» Жером и Алиса, влюбившиеся друг в друга ещё в детстве, но не могущие быть вместе. Алиса, чей дневник открывает читателю в финале произведения все метаморфозы её души, говорит, что стремится к святости, а не к счастью. Поэтому она отказывается принять предложение, сделанное ей Жеромом, и после своей смерти она завещает дневник возлюбленному, от которого она отказывается, принося, по собственному убеждению, жертву. Она говорит о жертве и как будто сама верит в свои слова. Но, как и в случае со Ставрогиным, её выдаёт стиль написанных страниц: «Как-то, недели две назад, перечтя несколько страниц, обнаружила в том, что написано, бессмысленную, даже преступную заботу о хорошем слоге...»⁶⁹. Сначала Алиса как будто ведёт дневник исключительно для себя. Но позднее читатель убеждается, что она пишет его для единственного читателя, Жерома, который любил её всю жизнь и был обречён на страдания из-за её гордыни. И сам Жером в начале произведения ведёт себя с Алисой схожим образом. Он считает, что его любовь способна оскорбить Алису, и намерено ограждает себя от общения с ней вопреки собственным желаниям, и гордится принесённой жертвой. Вскоре Жером понимает, что в этом поступке нет ничего кроме гордыни, и спешит сделать предложение возлюбленной. Но Алиса отказывается признать свой страх перед физической близостью и продолжает отстраняться от Жерома. В дневнике Алиса использует христианскую мораль для оправдания своих страхов и своей гордыни.

Свой дневник ведёт и главный герой «Пасторальной симфонии», протестантский священник. Он занимается воспитанием слепой девушки и невольно доводит её до самоубийства. Жид создаёт образ священника-лицемера, которому присущи материалистический взгляд на религию и вольное истолкование Евангелия в своих целях. Девушка прозревает, но оказывается в

⁶⁹Жид А. Тесные врата // Жид А. Собрание сочинений: В 7т. Т.3. – М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 117.

«тумане» проповедей священника. Слова, внушаемые ей, не делают героиню счастливой. Она начинает считать свои чувства и желания греховными, а саму себя недостойной жизни, из-за чего кончает с собой. Оба персонажа повестей Андре Жида используют христианскую мораль, чтобы оправдать собственные грехи и, ведя дневники, обманывают самих себя и своих близких. Позднее эта тема получила ещё более полное выражение в самом экспериментальном и значительном романе Андре Жида «Фальшивомонетки».

Большое количество схожих мотивов можно обнаружить между «Фальшивомонетчиками» и «Бесами». Многие в романе и в опубликованном дневнике к «Фальшивомонетчикам» указывает на то, что «Фальшивомонетки» – роман полемический по отношению к современникам и писателям прошлого. Дневник открывает причины, по которым роман посвящен Роже Мартен дю Гару – во время работы над книгой, Жид показывал писателю отрывки, имел в виду его эстетический опыт, отталкиваясь от него. Но когда Андре Жид только начинал работу над будущей книгой, он в наибольшей степени учитывал опыт Ф.М. Достоевского, о чём свидетельствуют некоторые записи из его дневника. Например, в дневнике, приложенном к роману, он пишет, что хочет оттолкнуться в работе над книгой от газетных вырезок 1906-1909 годов, рассказывающих о делах фальшивомонетчиков-анархистов и об истории самоубийств школьников в Клермон-Ферране⁷⁰. Эта запись отсылает читателя к истории создания романа Ф.М. Достоевского «Бесы», отправной точкой для которого послужила реальная история убийства студента. Приведённые исторические события возникают в романе лишь в нескольких эпизодах и не играют для «Фальшивомонетчиков» существенной роли.

Название «Фальшивомонетки» Жид выбрал задолго до того, как приступил к написанию романа. Находясь в поиске подходящего рассказчика, Жид подбирал материал, который станет фоном для основного действия. Когда роман находился в стадии зарождения, Жид писал в дневнике: «Общество

⁷⁰ Жид А. Фальшивомонетки. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1936. – С. 354.

фальшивомонетчиков («кружок») принимает только людей скомпрометированных. Каждый из его членов должен принести в залог что-нибудь такое, при помощи чего его можно было бы шантажировать»⁷¹. Запись, сделанная Жидом, напрямую коррелирует с задумкой Достоевского в «Бесах». Пятёрка Верховенского держалась на шантаже: основанием для сплочённости такой группы было убийство человека и неразглашение о совершённом преступлении. Человек проверялся на способность пойти до конца в любом деле. Молчание о готовящемся преступлении было условием пребывания в так называемой пятёрке. Именно это практикуют подростки, герои «Фальшивомонетчиков», шантажируя и провоцируя мальчика Бориса, и принуждают его к самоубийству. Фальшивые принципы кружка, которые навязываются Борису, преподносятся как игра, неудачная острота, превращающаяся в подлинную трагедию.

Однако, главное сходство между произведениями проявляется не столько в замысле, сколько в том, что стоит за мотивировкой персонажей. Один из главных мотивов романа Достоевского – мотив неподлинной исповеди. Наиболее наглядно это открывается читателю в главе «У Тихона» романа «Бесы», в которой Ставрогин приходит на исповедь, но он не рассказывает священнику о совершённом преступлении, а приносит ему написанный текст. Написав о том, что он совратил девочку, Ставрогин как будто бы раскаивается, но Тихон говорит ему, что этот «документ» не выглядит покаянием. Ставрогин, как может показаться, казнит себя за содеянное, но слог выдаёт его самолюбование и желание шокировать читателя. Через Ставрогина говорят его бесы. Все герои «Бесов» красноречивы и убедительны, но они одержимы, и поэтому их действия приводят невинных людей к гибели и порождают хаос. Ставрогин не участвует в политическом кружке, но его преступление самое страшное – он не имеет возможности раскаяться в собственном грехе. Он не только надругался над ребёнком, но и любит свой собственный поступок. Он ставит над собой

⁷¹ Там же. – С.354.

эксперимент, переступая через законы нравственности, и это для Достоевского самое страшное, что может произойти с человеком.

Мотив неподлинной исповеди присутствует и в романе Андре Жида. Дневник Эдуарда организует структуру романа и дополняет нелинейное повествование комментариями. Но автор всячески подчёркивает субъективность своего героя, которому, казалось бы, нечего скрывать от своего дневника. Иногда рассказчик даже вступает в полемику, комментируя дневник Эдуарда: «Эдуард не раз раздражал меня (хотя бы своими словами о Дувье), даже приводил в негодование; надеюсь, что я не слишком обнаруживал свои чувства; но теперь я могу откровенно в этом признаться. Его поведение по отношению к Лауре, подчас столь благородное, не раз казалось мне возмутительным [...] Мне совсем не нравятся доводы, которыми Эдуард оправдывает свои поступки. Зачем он пытается убедить себя, что заботится о благе Бориса?»⁷².

В своём дневнике Жид пишет: «В “Идиоте”, которого я сейчас перечитываю, сказано про молодых людей, что у них было очень неотчётливое представление границ своей власти. Прекрасный эпиграф для одной из глав»⁷³. Герои Жида, общаясь друг с другом, никогда не достигают искренности в собственных словах. Бернар и Оливье, бунтуют против своих родителей, но впоследствии становятся заложниками своего бунта. Они должны соответствовать тому статусу, на который претендуют. В этом смысле, очень показательна их переписка во второй части романа. Бернар уезжает в Швейцарию с кумиром Оливье, Эдуардом, чем вызывает в своём друге сильную ревность. Автор сталкивает своих персонажей, заставляя показать, что они не властны над своими эмоциями и поступками. Их письма выглядят подлинно дружескими и откровенными, но, как и в случае, со Ставрогиным, их выдаёт стиль письма. Зачёркнутые три строчки постскриптума рассказчик называет единственно

⁷²Жид А. Фальшивомонетчики // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 378-379.

⁷³Жид А. Фальшивомонетчики. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1936. – С. 372.

искренними во всём хвостовском письме⁷⁴. Жид показывает, что его герои хотели бунтовать против окружающего мира, но ими завладевают такие же человеческие эмоции, в которых они обвиняли своих родных. Оливье легко поддаётся льстивым речам Пассавана и ревнует своих друзей – Эдуарда и Бернара. Бернар не знает, что делать после своего бунта против родителей. Он живёт по наитию, но наталкивается на разность во взглядах с Эдуардом, на которого он возлагал надежды, сталкивается с неприятием своих чувств со стороны Лауры и неспособностью позаботиться о мальчике Борисе, в котором он видит родственную душу, поскольку мальчик такой же незаконнорождённый, как и сам Бернар. Персонажи Жида не совершают преступления, но они говорят теми словами, которые хотели бы выдать за свои. В этом смысле все персонажи книги фальшивы. Бернар, говоря Лауре о своих чувствах, признаётся, что говорит словами из прочитанных книг. Его чувства навязаны литературой. Но их настоящие (фальшивые?) ценности не имеют ничего общего с их поступками. Н.П. Михальская пишет об этом так: «Разменными монетами становятся фальшивые слова и чувства, искренность подменяется лицемерием. В такой среде ощущает себя изгоем герой романа – молодой человек Бернар Профитандье»⁷⁵. В финале Бернар действительно возвращается в дом, где он вырос, не сумев построить литературную карьеру, о которой мечтал. Бернар пытается играть по правилам мира, в котором желает реализоваться, но первый же его поступок оборачивается подлостью – он прочитывает дневник Эдуарда. Неудача, которую терпит Бернар, толкает его к тому, чтобы вернуться в дом Профитандье, но, по наблюдению Михальской, он возвращается, «но уже иным, чем прежде. Нельзя утверждать, что приобретённый им опыт велик, но этот опыт приобрёл он сам»⁷⁶. Жид не выносит приговора своему герою. Он не состоялся, как персонаж, которого можно противопоставить буржуазному обществу, но, благодаря своему порыву, Бернар сделал важный шаг на пути идентификации собственной личности и обретения своего мнения.

⁷⁴Жид А. Фальшивомонетчики // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 375.

⁷⁵Михальская Н.П. Андре Жид // Зарубежная литература XX век. – М., Дрофа, 2003. – С. 39.

⁷⁶Там же. – С. 39.

Андре Жид, комментируя в дневнике работу над романом, признаётся, что за поступками его персонажей стоит сатана, который, по выражению автора утверждается в нашем отрицании⁷⁷. Даже если поступками Оливье или издателя, Пассавана, движут как будто благородные мотивы, они всегда оборачиваются вредом ближнему, которому они хотели помочь и пользой для самого себя. Своими письмами Оливье и Бернар стремятся уколоть друг друга, хвастаясь воображаемыми достижениями, в которые не верят сами. Про Винцента, брата Оливье, Жид пишет следующее: «Он кончает тем, что верит в существование сатаны, как в своё *собственное*, то есть кончает верой в то, что он и есть сатана»⁷⁸. Жид поместил фигуру дьявола за кулисы своего романа. Формально он не появляется, как персонаж, но неявно присутствует в ключевых эпизодах произведения.

Незримое присутствие дьявола в романе «Бесы» определило основной конфликт произведения. Через каждого из героев говорят бесы, которые приводят героев книги к неминуемой гибели. В этом смысле Достоевский неслучайно выбрал эпиграфом к своему роману цитату из Евангелия, в которой говорится о бесах, вселившихся в свиней и заставивших их прыгнуть с крутизны в озеро. Единственный невиновный герой романа, с которым автор связывал надежду на будущее, Шатов, гибнет от рук участников пятёрки Верховенского. Так же гибнет и мальчик Борис, поддавшись провокации участников кружка фальшивомонетчиков. Герои Жиды и Достоевского не только гибнут сами, но и утягивают за собой невинных жертв. Лафкадио губит Женевьеву и случайного встречного в поезде. Кружок фальшивомонетчиков обрекает на гибель Бориса. Жид развивает идеи русского классика, экстраполируя их на проблематику собственных текстов. Можно сказать, что романы Жиды Дополняют портрет Достоевского, созданный им в одноименной книге. Жид не только воспринял его мировоззрение, но сделал его частью французской литературы, наполнил собственным содержанием и модернистским методом в литературе.

⁷⁷ Жид А. Фальшивомонетчики. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1936. – С. 359.

⁷⁸ Там же. – С. 376.

«Фальшивомонетки» не только полифонический роман, в котором повествователь сталкивает многочисленные идеи, но это книга, которая рассуждает о том, как создаётся роман.

Глава 2. «Возвращение из СССР» А. Жида: вера и отречение⁷⁹

2.1. Причины интереса Жида к Советской России и обстоятельства его визита в СССР

После событий Октябрьской революции Россия привлекла особое внимание западных интеллектуалов. Своими впечатлениями от пребывания в постреволюционной России с западными читателями поделились Дж. Рид в «10 днях, которые потрясли мир» (1919), Г. Уэллс в «России во мгле» (1920), В. Беньямин в «Московском дневнике» (напис. 1926–1927). В 1931 г. Россию посетил Б. Шоу, оставивший позитивный отзыв о своем визите. В 1930-е гг. выходят книги Памелы Трэверс «Московская экскурсия» (1934), Клауса Манна «Московские заметки» (1934) и Леона Фейхтвангера «Москва 1937» (1937). Многочисленные отзывы и упоминания России находим в произведениях французских писателей, современников А. Жида: – А. Мальро, А. Барбюса, Ж. Ривьера, Р. Роллана, Л. Арагона и др.

Несмотря на возникший на Западе в конце XIX века всплеск интереса к русской культуре, Российскую империю зачастую воспринимали как консервативное государство из-за архаичной формы правления. В целом, за незначительными исключениями, западный дискурс о России на протяжении многих столетий имел доминантный характер, акцентировал мотивы «варварства», «рабства», цивилизационной отсталости России и русских⁸⁰. В 1917 году ситуация изменилась, и Россия стала одной из первых стран, которая начала реализовывать социалистические идеи, популярные в то время среди части западной интеллигенции. Авангард в русском искусстве совпал с обновлением политического режима. Будущее Европы стали часто связывать с происходящим в

⁷⁹ Часть материалов, рассмотренных в первой главе, изложена в ранее опубликованной статье автора диссертационной работы: Усенок, Д.Д. «Возвращение из СССР» Андре Жида: до и после / Д.Д. Усенок // Литература в школе / Literature at school. – 2022. – № 1. – С. 54-65.

⁸⁰ См. подробнее: Трыков В.П., Ощепков А.Р. Русская незнакомка во французской "республике словесности": Образ России в литературном сознании Франции: монография. – Москва; Берлин. Директ-Медиа, 2021. – 528 с.

России, интеллектуалы начали посещать страну Советов, спорить о перспективах возникшего государства. Во Франции интерес к СССР был особенно сильным⁸¹.

Этот интерес, конечно, не был проявлением простого любопытства. Как писал современный британский историк Арнольд Тойнби, впервые многовековому влиянию и доминированию западной цивилизации был брошен вызов, причем вызов этот исходил не из сферы технологий, экономики или финансов, но из области идеологии. Русские «продемонстрировали (и в этом все дело) способность обращать западные души в свою, незападную “веру”»⁸².

Первая дневниковая запись, сделанная Андре Жидом об СССР, датируется 1931 годом. Писатель говорит, что хочет дожить до триумфа Советского государства и даже оказывать посильное участие в его строительстве: «Увидеть, что может дать государство без религии, общество без перегородок; религия и семья – вот два злейших врага прогресса»⁸³. Позднее в СССР была переведена статья Жида «Страницы из дневника» (1933), которая предварила приезд французского писателя в Советский Союз. Текст этой статьи включал в себя критику католической церкви, классового общества и противопоставление ему советского строя в качестве позитивной альтернативы. Пассаж, в котором Жид открыто выражает свое восхищение Советским Союзом, предваряет возникший интерес советской критики к писателю и личные впечатления от будущей поездки: «Что меня восхищает в СССР, так это равенство возможностей, равенство шансов [...] Никакого сомнения в том, что русский ребёнок, воспитанный по-новому и растущий в атмосфере нового общества, не будет заражён, не сможет заразиться духом кулака или рантье [...] Вместе с экономической системой нужно переделать и самого человека»⁸⁴.

С тех пор взгляд французского писателя на страну Советов не менялся вплоть до поездки в СССР. По наблюдению Рудольфа Море, автора книги «Андре Жид и СССР», Жид представил читателям и французской интеллигенции свой

⁸¹ См. подробнее Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб., Издательский дом С.-Петербурга. гос. ун-та, 2003. – 211 с.

⁸² Тойнби Ф. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. – М., АСТ: Астрель, Владимир, 2011. – С. 173-174.

⁸³ Жид А. Страницы из дневника // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 623.

⁸⁴ Там же. – С. 623.

политический выбор в пользу СССР как логичную эволюцию и *эманацию* собственной личности, он в одночасье противопоставил свои взгляды общепринятому восприятию его мировоззрения⁸⁵.

В 1931 году А. Жид читает такие книги, как «Пятилетка: русский план» (1931) М. Фарбмана и «Прогрессы пятилетнего плана» (1931) А.-Р. Кникербокера, о чём упоминает на страницах своего «Дневника»⁸⁶. В дневниковых записях за 1931 год лейтмотивом проходит мысль об обновлении человека, о котором писатель рассуждал ещё на страницах «Яств земных» и «Имморалиста». Возникновение нового государства он связывает с появлением новой морали, а экономический план Советского Союза с энтузиазмом молодых рабочих. Сначала Жид нашёл в открытиях Достоевского возможности развития для французской литературы, а затем увидел в СССР очертания будущего, неизбежного не только для России, но и для Европы.

Жид интересовался троцкизмом, выступил в защиту Виктора Сержа, которому в результате поддержки знаменитых западных писателей разрешили покинуть страну⁸⁷. Во Франции Серж публикует два открытых письма Жиду, в которых просит писателя обратить внимание на то, как ущемляются права советских людей и не верить в первое сложившееся впечатление. В Кремле знали о колебаниях французского писателя и предполагали, что реакция Жида на Советский Союз может быть очень двойственной. Сомнения, которые одолевали Андре Жида, доказывают его беспристрастность и подлинное стремление разобраться в политической жизни СССР. Обвинения в ненадёжности и даже предательстве, которые возникали справа и слева, свидетельствуют только о партийности самих обвинителей, но не о умонастроениях Жида.

Жид продолжает интересоваться русской литературой: в 1923 году перевёл на французский язык «Пиковую даму», поддерживал отношения с И. Бунинным⁸⁸, Г. Адамовичем, Д. Мирским, И. Рубинштейном, следил за советской и

⁸⁵ Maurer R. André Gide et l'URSS. – Berne, Editions Tillier, 1983. – P. 24.

⁸⁶ Gide A. Journal. Vol I. P., 1996. – P. 272-296.

⁸⁷ Харитонова Н.Ю. К истории публикации «Возвращения из СССР» Андре Жида. Взгляд из Кремля // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-publikatsii-vozvrascheniya-iz-sssr-andre-zhida-vzglyad-iz-kremlya/viewer> (дата обращения: 23.03.2022)

⁸⁸ Gide A. Journal Une anthologie (1889-1949). – P., Gallimard, 2020. – P. 410.

эмигрантской литературой. В поле его интереса попали советские писатели И. Эренбург, И. Бабель, М. Шолохов, Б. Пильняк, Ф. Гладков и Б. Пастернак⁸⁹. Его интерес к России сохранялся многие годы и имел разное выражение.

Долгое время Жид воспринимался современниками как аполитичный эстет, и тем удивительнее был его пробудившийся интерес к коммунистическим идеям, а впоследствии и к СССР. С.Л. Фокин называет эту метаморфозу «обращением», поскольку, по его мнению, замещение религиозного сознания сознанием политическим стало характерным для писателей той эпохи⁹⁰. В этом смысле Жид не стал исключением. В своей статье «Страницы из дневника» (1933) Жид так и напишет о своих сформировавшихся политических взглядах: «Поэтому можно сказать, что коммунизм вырос из предательской деятельности христианства и что в существовании коммунизма не было бы смысла, если бы не обанкротилось христианство. Эта ранее не замеченная слабость заключается в том, что христианство (конечно – косвенно, невольно, но ощутимо) играло на руку капитализму»⁹¹.

В этом смысле отношение Жида к официальной религии не было, вопреки расхожему мнению консервативных критиков, следствием его «аморализма», но скорее явилось продолжением его интеллектуальной честности и желания глубже понять происходящие в мире события. Показателен его роман «Подземелья Ватикана» (1914), в котором писатель создаёт сатиру на современную католическую церковь, сохранившую только свою символическую составляющую, но переставшую быть домом Божьим по своей сути. В то же время Жид резко не принимает безбожника Лафкадио, который вслед за персонажем Достоевского Иваном Карамазовым, считает, что если Бога нет, то всё позволено. Духовные искания Жида уводили его всё дальше от официальной церкви. Дневник отражает внутреннюю борьбу писателя и причины, по которым он пришёл к коммунистическим идеям, хотя оставался вне партий. Учение

⁸⁹Maurer R. André Gide et l'URSS. – Berne, Editions Tillier, 1983. – P. 41.

⁹⁰Фокин С.Л. Советская Россия в «Дневнике» Андре Жида // Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб., Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – С. 45.

⁹¹Жид А. Страницы из Дневника // А. Жид. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 621.

Маркса стало для него продолжением религиозных поисков и страсти, которая направляла его писательский путь на протяжении всей жизни. В 1931 году Жид напишет об этом так: «Эволюция моей мысли? Без моей изначальной христианской формации (или деформации), возможно, не было бы никакой эволюции вовсе»⁹².

В своей книге о французском писателе «Андре Жид и эволюция его религиозной мысли» (1962) Катарин Саваж констатирует, что даже увлечение символизмом и философией Ницше не отвращала Жида от христианской мысли, но привносила эстетический аспект в его мировоззрение⁹³. Саваж прослеживает, как на разных этапах биографии писателя в его сознании менялось отношение к церкви, религии, католицизму и протестантизму. Кризис веры, с которым неоднократно сталкивался писатель, хотя и возникал в его жизни, но всё-таки не заставил окончательно отказаться от религиозного мироощущения.

Новую веру Жид обрел в коммунистической идеологии. Политический опыт России после 1917 года привлёк Жида, по меньшей мере, по двум причинам. Первая состоит в его последовательной критике капитализма и, как считал Жид, потакавшему ему католицизму. Идеи социальной и экономической справедливости, которые олицетворяла левая мысль, стали для Жида подспорьем в его критике буржуазной старой Европы. Вторая причина была связана с особенностями художественного сознания Жида, которого всегда больше интересовал процесс, чем результат. Андре Моруа вспоминает, что, будучи начинающим писателем, встретился с Жидом в Понтины, где собирались французские литературы, дискутировали и делились идеями. Жид предложил Моруа показать свой новый текст, над которым работал начинающий автор. Когда Моруа объяснил, что вещь ещё не закончена, Жид ответил: «Тем более! Меня интересует только незавершённый текст. Законченная книга производит на меня впечатление чего-то омертвевшего, того, с чем нельзя найти живую связь. Книга в процессе её создания – вот что даёт мне ощущение живого слова»⁹⁴. Жид

⁹²Gide A. *Journal Une anthologie (1889-1949)*. – P., Gallimard, 2020. – P. 309.

⁹³Savage C. H. *André Gide L'évolution de sa pensée religieuse*. P., V. Place de la Sorbonne, 1962. – P. 64.

⁹⁴Mauvois A. *De Gide à Sartre*. – P., Librairie académique perrin, 1965. – P. 23.

прослеживает то, как зарождается и формируется мысль. В этом смысле Андре Жид – писатель и описатель *становления*, а не *состояния*, поэтому двумя его главными текстами стали «Дневник» и «Фальшивомонетки» (1925), "кубический" роман, написанный на стыке черновика и дневника. По этой же причине Жид в «Фальшивомонетчиках» дал свой вариант модернистского «романа о романе», т.е. произведения, в котором писатель осмысливал не только и не столько жизнь, сколько сам процесс литературного творчества.

В то время Россия своим опытом обещала миру огромные перемены, способные повлиять на судьбу человечества. Страна находилась в движении, если не сказать, в *перерождении*, и не было очевидно, к чему приведёт её стремительное развитие. Именно это привлекло писателя, критиковавшего европейских консерваторов как в политике, так и в литературе. «По мысли Андре Жида католицизм – это догматизм, оправдание бытия, тогда как сам он ищет оправданий становлению»⁹⁵.

Жид пришёл к коммунистическим воззрениям не под влиянием «моды». К ним его привела логика его духовного становления. Он проделал путь от аполитичного эстета до страстного публициста, напряженно всматривавшегося в ход мировых событий, о чем свидетельствовали его книги, написанные в жанре путевых очерков, – «Путешествие в Конго» (1927), «Возвращение из Чада» (1928) и «Возвращение из СССР» (1936). В монографии Джорджа Брекфелда «Андре Жид и его искушение коммунизмом» (1959) исследователь утверждает, что Жид неверно понимал само понятие «коммунизм»⁹⁶. Брекфелд связывает возникновение левых взглядов с биографией писателя, говоря о его протестантском воспитании и о его мировоззрении, основанном на эстетических и философских идеалах, нежели на политических. Он справедливо замечает, что эти два фактора определили дальнейшее развитие Андре Жида. По наблюдению исследователя, слово «коммунизм» имело для Жида гуманистическую коннотацию, связанную с социальной справедливостью, а также, что

⁹⁵Фокин С.Л. Советская Россия в «Дневнике» Андре Жида // Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб., Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2003. – С. 49.

⁹⁶Brachfeld G. I. André Gide and the Communist temptation. – Geneve, Paris, Librairie Minard, 1959. – P. 9.

немаловажно, и с христианской заповедью «Возлюби ближнего своего». Брекфелд утверждает, что приход Жида к коммунизму был связан с «иллюзорной надеждой на то, что его персональный этический код нашёл воплощение на востоке Европы»⁹⁷. Во многом эта позиция справедлива, поскольку Жид действительно «приближал» объекты своего интереса к собственным взглядам, например, в Достоевском он отмечал черты, которые хотел видеть в себе. Но взгляды Жида были не просто продолжением его гуманистических воззрений. Выбор коммунистической идеологии был для писателя не столько эстетическим жестом или желанием определить своё место в меняющемся мире, сколько обрётённой теорией, на основе которой может возникнуть практика построения нового социума. Левые симпатии в совокупности с предельным индивидуализмом привели Андре Жида к удивительной трансформации мысли. С.Л. Фокин описывает эту трансформацию как причудливое скрещенье предельного индивидуализма и эстетизма с философией коммунизма⁹⁸.

Восприятие политических идей французских писателей во многом определялось их эстетической установкой и контекстом XX века, в котором формировалось их мировоззрение. С одной стороны, становление «левого интеллектуала» - феномен, связанный с ориентацией на свободу, «на юридическое и политическое равноправие индивидов, социальных, этнических [...] на рациональную организацию общественных отношений, делающую возможным осуществление всех этих ориентаций и, в конечном счёте, обеспечивающую свободное развитие каждого, как условие свободного развитие всех»⁹⁹. С другой стороны, по наблюдению С. Зенкина во французской культуре существует преемственность между «проклятыми поэтами» XIX века и «левыми интеллектуалами» XX века. Зенкин называет это стремлением быть «Иным» по отношению к установившемуся миропорядку¹⁰⁰. Например, из пацифизма Ромена Роллана и Анри Барбюса происходит их глубокий интерес к СССР, то есть

⁹⁷*Ibid.* – Р. 91.

⁹⁸Фокин С. Л. Советская Россия в «Дневнике» Андре Жида // Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб., Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – С. 66.

⁹⁹*Левые в Европе в XX веке. Люди и идеи.* – М., 2002. – С. 18.

¹⁰⁰Зенкин С. Жития великих еретиков (фигуры иного в литературной биографии) // Ин. Лит. 2000, № 4. – С. 123.

их взгляды определялись историческим контекстом. А приход к коммунизму сюрреалистов был связан с их манифестами, говорящими о прямом действии взамен политической теоретизации¹⁰¹. Сюрреалисты, по меткому определению Зенкина, занимали позицию «иных» по отношению к политической системе современной им Франции. Сам ход истории определял то, как складывалось мировоззрение европейских писателей, в каком-то смысле это не всегда было их выбором, поэтому и принимало столь необычные формы.

Жид не был одинок в своей критике современной европейской цивилизации и в попытке найти лекарство для излечения ее болезней в левой идеологии. Кроме того, выбор, который приходилось делать многим европейским интеллектуалам, был трудным выбором между коммунизмом и фашизмом. Они сознавали, что после первой мировой войны это две реальные политические силы и влиятельные идеологии, способные завладеть умами. Андре Мальро пишет роман «Завоеватели» (1928), в котором создает героический образ большевиков, способствующих революционным событиям в Китае. Посетив Советскую Россию, выступив с пламенной речью на первом съезде советских писателей, Мальро и впоследствии настаивал, что создание и существование советского государства необходимый этап в истории Европы. Горячо приветствовали Русскую революцию Ромен Роллан и Анри Барбюс. Последний стал автором биографий Ленина и Сталина, и вплоть до смерти оставался главным популяризатором советских идей во Франции. Незадолго до смерти, последовавшей в 1935 году, Барбюс встречался с Жидом и рассказывал о своих положительных впечатлениях от СССР, что, вероятно, не в последнюю очередь повлияло на решение Жида посетить Страну Советов. Автор апологетической книги об СССР стал Л. Фейхтвангер, опубликовавший после визита в страну книгу «Москва 1937» (1937). Будучи евреем по национальности, немецкий писатель особенно тяжело переживал происходящее в Германии, и готов был поддержать режим, противостоящий фашистской Германии. Это обстоятельство сильно повлияло на

¹⁰¹См. подробнее статью С.Л. Фокина Сюрреалистическая контратака Андре Бретона // Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб., Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. – С. 106-120.

его суждения об СССР. Например, упоминая сталинские репрессии, Фейхтвангер оправдывает их фактом приближения войны и необходимостью в такой чистке¹⁰².

С иных позиций современную Францию критиковал Л.-Ф. Селин, поддержавший фашистскую Германию и принявший режим Виши. Он посетил СССР в 1936 году, оставил резко отрицательный отзыв на страницах своей книги «Безделицы для погрома» (1937), продолжил эту жесточайшую критику в книге «Школа Трупов» (1938) и даже хотел отправиться добровольцем во время войны Советского Союза с гитлеровской Германией. Об этом он недвусмысленно сообщал в одном из своих писем¹⁰³. Жибо, биограф Селина, утверждал, что писателя, в частности, неприятно поразило большое влияние еврейских кругов на общественную жизнь СССР¹⁰⁴, что вызывало раздражение настроенного антисемитски автора «Безделиц для погрома». Нелестный отзыв дал он и о русском человеке: «Русский – это прирождённый тюремщик, незадавшийся китаец, мучитель, еврей ему совершенная пара. Отребье Азии, отребье Африки. Они просто созданы друг для друга... это самая лучшая парочка, что когда-либо могла выйти из ада на свет божий»¹⁰⁵. Примечателен пассаж из «Школы трупов», продолжающим отношение к советской идеологии, которую он считал продолжением русского характера: «Коммунистами не становятся. Коммунистом надо родиться или оставить эту затею. Коммунизм – это душевное качество. Состояние души, которое нельзя приобрести. В душе ничего нельзя поменять, её характер, её достоинство, её радость нельзя не ослабить, ни усилить»¹⁰⁶.

В таком политическом, социокультурном и литературном контексте произошло «обращение» Жида в коммунистическую веру и появилась его книга об СССР. И то, и другое сопровождалось бурной реакцией литературной общественности. Сначала Жида обвиняли в ангажированности и желании получить гонорар за «правильные» взгляды, а затем в оппортунизме. Р. Роллан

¹⁰² *Два взгляда из-за рубежа: Переводы.* – М., Политиздат, 1990. – С. 29.

¹⁰³ *Gibaut F. Celine. 1932-1944.* – P., Delires et persecutions, 1985. – P. 288.

¹⁰⁴ *Ibid.* – P. 144.

¹⁰⁵ *Celine L.-F. Bagatelles pour un massacre.* P., 1937. – P. 47.

¹⁰⁶ *Селин Луи-Фердинанд. Школа Трупов.* – М., Опустошитель, 2022. – С. 113

осудил «Возвращение из СССР». 30 декабря 1936 года в «Правде» была опубликована статья Л. Фейхтвангера «Эстет о Советском Союзе». В ней он оспаривает некоторые важные тезисы книги Жида. Не отрицая литературного таланта Жида, Фейхтвангер подчеркивает, что тот не политик и не публицист. Слово «эстет» как характеристика Жида должно было подчеркнуть субъективность и недостоверность написанного им об СССР. Фейхтвангер, в частности, писал: «Жид приехал в Советский Союз не как человек, который желает наблюдать без предвзятости, а как пресыщенный эстет, жаждущий новых ощущений. Ему здесь пришлось не по вкусу. Это его частное дело. Но он заявил об этом в момент, когда нападение на Испанию угрожает делу борьбы за социализм во Франции и во всем мире; это было, — и это должен был понимать даже эстет Жид, — помощью противнику, ударом по социализму, ударом по прогрессу всего мира»¹⁰⁷. На выход в свет книги откликнулся Джордж Фридман своей статьей «Андре Жид и СССР» (1937), который отмечал, что «Возвращения из СССР» можно больше узнать о её авторе, чем о Советском государстве¹⁰⁸. С критикой книги выступил Поль Низан. В ответ Жид обвинит «Ролланов» и «Барбюсов» в намеренном умалчивании происходящего в СССР¹⁰⁹.

Жид посетил СССР по приглашению Советского правительства в 1936 году, с 16 июня по 24 августа он путешествовал по стране. Жид побывал в Москве, Ленинграде, Абхазии, Грузии и в Крыму. Писатель прибыл в Страну Советов со своими коллегами: Луи Гийу, Эженом Даби, Жаком Шифрином, Пьером Эрбаром и Йозефом Карелом Ластом. Жид встречался с пионерами, выступал на Мавзолее в день похорон Горького, интересовался разными сторонами советской действительности: культурой, бытом советских рабочих, взаимоотношениями между властью и народом. Его волновало, смог ли Советский Союз избавить своих граждан от уз буржуазного общества, закрепощающих человека.

Еще до визита писателя в Страну Советов, в 1933–36 годах, в СССР издаётся четырёхтомник А. Жида, предисловие к которому написал сам

¹⁰⁷ *Два взгляда из-за рубежа: Переводы.* – М., Политиздат, 1990. – С. 43.

¹⁰⁸ *Friedmann G. André Gide et l' U.R.S.S.* – P., Les éditions rieder, 1937. – P. 22.

¹⁰⁹ *Maurer R. André Gide et l'URSS.* – Berne, Editions Tillier, 1983. – P. 52.

французский писатель. Оно датируется февралём 1934 года. Это предисловие показательно как свидетельство о тех иллюзиях, которые питал Жид по отношению к Советской России до посещения страны. В частности, он утверждал, что те проблемы буржуазного общества, о которых он пишет в своих книгах, уже неактуальны для Советского Союза¹¹⁰. Обращаясь к советским людям, он вопрошал: «Молодые советские граждане наших дней, понимаете ли вы, что такое для нас СССР? Осуществление смутной ещё мечты и неопределившихся желаний. Долгожданный ответ. Живое доказательство того, что казавшееся утопией может стать реальностью [...] Благодаря вам, надежды наши окрепли. Товарищи из СССР, братское моё сердце вас радостно приветствует»¹¹¹.

Позднее в 1935 году Жид выступал на международном конгрессе защиты культуры и снова выразил свою надежду на будущий успех СССР: «Одни только противники коммунизма могут видеть в нём стремление к единообразию. То, чего мы от него ждём и что после сурового периода борьбы и временных затруднений, приведших к более полному освобождению, показывает нам СССР, – это социальный строй способствующий всестороннему развитию каждого человека, выявлению и использованию всех его возможностей»¹¹².

2.2. Советская действительность в книге Жида

Возникновение нового общества волновало Жида как человека эпохи модернизма. Одним из основополагающих постулатов модернистов было осознанное проживание жизни вопреки автоматизму и утилитарности. Европа воспринималась Жидом как нечто архаичное, нуждающееся в обновлении. Институты, которые репрессируют человеческое сознание, по Жиду – это классовое общество, семья и церковь. Из этих трёх составляющих складывалась ненавистная писателю традиционная буржуазная мораль. В Советском

¹¹⁰ *Два взгляда из-за рубежа: Переводы.* – М., Политиздат, 1990. – С. 7.

¹¹¹ *Там же.* – С. 7.

¹¹² *Там же.* – С. 8.

государстве Жид хотел видеть в первую очередь возможность для человека освободиться от этих инстанций, закрепощающих личность. В своих главных произведениях «Имморалисте», «Подземельях Ватикана» и «Фальшивомонетчиках» Жид предпринял критику этих трёх институтов.

В «Имморалисте» Жид критикует в первую очередь институт брака. Писатель создаёт образ учёного историка, Мишеля, скованного рамками морали. Он женится по нужде, а не по любви. Вместо реальных эмоций он погружён в конструкторы чужих идей и эмоций. Впервые к нему приходит ощущение жизни, когда во время поездки в Африку их с женой на корабле застаёт шторм. Стихия напоминает ему о существовании реальной жизни, с которой он прежде себя не соотносил. Жена перестаёт быть для него обязанностью, он впервые испытывает к ней подлинные чувства. Позднее Мишель заболевает, ощущает зависимость от собственного тела. Болезнь, как и застигшая Мишеля буря, напоминает ему, что помимо интеллектуальной и во многом искусственной жизни существуют инстинкты. Это делает его жизнь насыщенной, наполняет её эротизмом. Но эти эмоции длятся только на протяжении путешествия. За преодоление барьеров этических норм расплачивается близкий Мишелю человек. Когда он возвращается во Францию, заболевает его жена, но повествователь не спешит ей помогать. Мишель ощущает, что необходимость заботиться о ней, отвлекает его от собственного «я». Он силится преодолеть кризис, но ничего не получается, а вскоре умирает его жена. Жид не поощряет и не обвиняет Мишеля, он показывает, как в человеке через внешний слой заимствованных знаний и идей появляется тяга к постижению своего подлинного «я». Семья, как одна из главных составляющих традиционного буржуазного общества, мешает ему в этом.

Карикатуру на современную Жиду католическую церковь французский писатель создаёт в «Подземельях Ватикана». Жанр этого романа Жид определял как «sotie» (разновидность средневековой комедии во Франции). За основу произведения была взята реальная история, произошедшая в 1893 году, когда несколько мошенников убедили доверчивых людей в том, что настоящего Папу Римского украли масоны, а на престол посадили самозванца. Эти мошенники

собирали большие суммы деньги под предлогом попытки освободить папу. Это произведение консервативная критика осудила ещё больше, чем «Имморалиста», а Поль Клодель, старый друг Жида, прекратил с ним всякое общение. Жид показал, как ослеплённые верой люди, навязывают свои взгляды всем остальным, он показал одновременно их ограниченность и тоталитарность мышления. Эти безумцы невероятно боятся реальной жизни и прячутся за христианскую мораль, угнетая умы своих ближних.

В «Фальшивомонетчиках» Жид атакует все три ненавистных ему института: церковь, традиционную семью и классовое общество. Один из главных героев романа, Бернар, в начале произведения узнаёт о том, что он незаконнорожденный и принимает решение уйти из семьи. Жид пишет первый антисемейный роман в истории европейской литературы в ту эпоху, когда публикуются «Семья Тибо» (1922-1940) Роже Мартен дю Гара, «Дело Артамоновых» (1925) М. Горького, «Сага о Форсайтах» (1906-1921) Д. Голсуорси и другие семейные романы. Неслучайно Жид вывел в эпиграф следующее обращение: «Роже Мартен дю Гару посвящаю мой первый роман в знак глубокой дружбы». За этим дружеским обращением стоит полемичность написанного романа, в котором он дискутирует не только с Мартемом дю Гаром, но и с Марселем Прустом. Роман начинается с пародии на знаменитый эпизод из романа «По направлению к Свану» (1913), когда мальчик ждёт, что мама поцелует его перед сном. В романе Жида герой опасается этого, поскольку это нарушит планы Оливье и Бернара, двух подростков, начинающих свой жизненный путь, отдаляясь от родителей. По убеждению Жида, человек должен преодолеть воспитание своих родителей для того, чтобы состояться. Более того, как правило, человек либо преодолевает влияние своих родителей большую часть жизнь и не успевает реализоваться, либо перекладывает на себя их опыт, так и не осознав собственного места в мире. Бернар и Оливье делают попытку состояться, покинув семьи. Они хотят стать писателями. Но Жид неслучайно называет первую и третью части своего романа «Париж». Он показывает, что город организован по своим законам и не принимает людей, не готовых под него подстроиться. Классовое общество очень

чётко разграничивает барьеры, которые нельзя преодолеть, не изменив себе. Париж «Фальшивомонетчиков» – это социальный механизм, устроенный как система подавления личностного в каждом человеке. С такими взглядами Жид приходит к идее коммунизма и поэтому начинает интересоваться Советским Союзом, обещающим перемены буржуазному европейскому социуму.

В своих путевых записках об СССР Жид наследовал долгую, берущую начало в XVI веке традицию путевых записок западных авторов о России. Во французской литературе его предшественниками были Ж. Маржерет, Ж. де Сталь, А. де Кюстин, О. де Бальзак, А. Дюма, Т. Готье, В. Тиссо и др.¹¹³. Как утверждают авторы книги «Русская незнакомка во французской «республике словесности», путевые записки сыграли особую роль в формировании образа России в литературном сознании Франции: в путевых записках XIX века «Россия выступает уже не фоном, условной декорацией, но объектом специального наблюдения и изучения. Разумеется, жанр путевых записок диктовал определенный угол зрения на объект, зачастую обуславливая некоторую поверхностность наблюдений, сделанных «из окна кареты», абсолютизацию частных фактов, поспешность выводов, акцентирование непохожего, странного, экзотического и субъективности, а подчас и пристрастность взгляда. Вместе с тем путевые записки, если сравнивать их с другой разновидностью документально-художественного, мемуарного жанра «литературой анекдотов», существенно расширили горизонт описания чужой страны: в поле зрения авторов путевых записок попадают уже не только представители политической элиты России, но и «простонародье», быт и нравы различных слоев российского общества, некоторые явления духовной жизни (религия, архитектура, музыка, народный танец, а у А. Дюма – даже литературная жизнь России). Именно путевые записки в тот период, когда научное изучение России на Западе было в зачаточном состоянии, позволяли французскому читателю лучше познакомиться с нашей страной, утоляли его интерес или хотя бы любопытство по отношению к ней»¹¹⁴.

¹¹³См. подробнее: Трыков В.П., Ощепков А.Р. Русская незнакомка во французской "республике словесности": Образ России в литературном сознании Франции: монография. – Москва; Берлин, Директ-Медиа, 2021. – 528 с.

¹¹⁴См. Там же.

«Возвращение из СССР» продолжало и кое в чем обогащало эту традицию. Жид ехал в страну обетованную, какой СССР представлялась ему на расстоянии. «Возвращение из СССР было прежде всего мифически-мессианским возвращением в СССР, как к себе, на “избранную родину”»¹¹⁵. Путевые записки Жида условно можно было бы назвать записками-утопией. «Кто может определить, чем СССР был для нас? – вопрошает автор. И отвечает: «Не только избранной страной – примером, руководством к действию. Все, о чем мы мечтали, о чем помышляли, к чему стремились наши желания и чему мы готовы были отдать силы, – все было там. Это была земля, где утопия становилась реальностью»¹¹⁶.

В своей работе «Андре Жид и искушение коммунизмом» (1959) Джордж Брекфелд напишет, что Жид, увлечённый Достоевским, ехал в Россию, чтобы не только сверить своё отношение к России и русским с реальностью, но и поучаствовать в осуществлении заветов Достоевского¹¹⁷. С точки зрения Брекфелда, Жид сближает «русскость» с коммунистической доктриной, предполагая, что эта форма правления подходит России больше, чем другим европейским странам.

В путевых записках Жид стремится реализовать свой идеал «искренности». Он начинает свою книгу «Возвращение из СССР» следующими словами: «Я всегда утверждал, что желание быть постоянно верным самому себе часто таит опасность оказаться неискренним. Я считаю, что особенно важно быть искренним именно тогда, когда речь идёт об убеждениях многих людей, включая ваши собственные» (Возвращение из СССР, С. 345). Как видно из приведенного пассажа, для Жида чрезвычайно важной была сконструированная им дихотомия «верности самому себе» и «искренности». «Верность самому себе», понимаемая как мировоззренческая непротиворечивость, последовательность, может стать для индивида ловушкой: она таит опасность окостенения, ограниченности,

¹¹⁵ Деррида Ж. “Back from Moscow, in the USSR” // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. – М., РИК «Культура», 1993. – С. 48.

¹¹⁶ Жид А. Возвращение из СССР // Жид. А. Собрание сочинений: В 7т. Т.7. М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 346. Далее цитаты из книги приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.

¹¹⁷ Brachfeld G. I. André Gide and the Communist temptation. – Geneve, Paris, Librairie Minard, 1959. – P. 88.

прерывания развития, становления. Жид никогда не боялся меняться, а значить на следующем этапе своего становления противоречить себе прежнему. Между «верностью самому себе» и «искренностью» писатель выбирает «искренность», непосредственность, спонтанность собственных реакций на внешний мир, даже если эти реакции противоречат его прежним представлениям о том или ином явлении. Проявлением подобной «искренности» и вытекающей из нее противоречивости стала книга Жида «Возвращение из СССР». В ней он напоминает читателям и самому себе о том, что ещё недавно связывал будущее Европы и её культуры со славным будущим СССР. Но в предисловии Жид оговаривается: «Если я с самого начала ошибся, то лучше всего признаться в этом как можно раньше, ибо я в ответе за тех, кто станет жертвой моей ошибки. В этом случае самолюбие не должно мешать» (Возвращение из СССР, С. 345). Жид не выносит приговор и напоминает читателю, что СССР – формирующееся государство, и судить о нём ещё рано. Вместе с нелицеприятными фактами, о которых в книге пойдёт речь, Жид намерен рассказать и об успехах Советского государства. Ему претит сама мысль – принадлежать к тем, кто из партийности умалчивает о плохом в СССР или, напротив, демонстрирует только недостатки советского строя.

В центре внимания Жида – общественная жизнь в СССР. Его взгляд на чужую страну – это взгляд не досужего туриста, фланирующего по столичным улицам и созерцающего красоты и достопримечательности, но взгляд аналитика-социолога. Он жалеет, что не приехал в Советский Союз в качестве туриста, наслаждающегося природой, архитектурой и общением с людьми: «Лес, который меня сюда привлёк, чудовищно непроходимый и в котором я блуждаю сейчас, – это социальные вопросы. В СССР они вопиют, взывают и обрушиваются на вас со всех сторон» (С. 355). Жида интересует вопрос об отношении власти и общества, проблемы культурной политики, экономические проблемы и т.д.

Жид увидел в СССР многое, что вызвало его восхищение. Он увидел страну, находящуюся в процессе грандиозного созидания. «СССР “строится”». Важно об этом постоянно напоминать себе. Поэтому захватывающе интересно

пребывание в этой необъятной стране, мучающейся родами, – кажется, само будущее рождается на глазах» (С. 345). Эта динамика захватывала воображение «писателя становления», который всегда ценил непрерывный поиск и обновление.

Жид восхищается атмосферой творческого созидания и единства, царящей в СССР. «Я не думаю, что где-нибудь ещё кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы» (С. 352). Особенно отчетливо все это проявляется в советской молодежи. Жид рассказывает о встрече с молодыми комсомольцами, с которыми он знакомится в поезде по пути в Орджоникидзе. Его пленила их сердечность, открытость, готовность узнавать новое. Писатель видит в этих качествах молодых комсомольцев не просто естественные проявления молодости, но продукт советского строя: «Но как не восхищаться страной и режимом, способными такую молодёжь создавать?» (С. 352).

Светлые воспоминания оставили у писателя посещение шахтерского дома отдыха в Донбассе, детского пионерского лагеря недалеко от Сочи, многочисленных парков культуры. Везде царит доброжелательность, душевное здоровье, «выражение спокойного счастья» (С. 349).

Первым явлением советской действительности, которое вызвало резко отрицательную оценку Андре Жида, стала унификации личности. Годом ранее, что уже упоминалось выше, Жид высказывался в защиту СССР, споря с теми, кто видел в стране движение к единообразию. Но, посетив страну Советов, Жид признаёт, что ошибался. Он отмечает исключительное однообразие как в умах, так и в нарядах, быту советских людей. «В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Впрочем, сознание людей сформировано таким образом, что этот конформизм им не в тягость, он для них естествен, они его не ощущают, и не думаю, что к этому могло бы примешиваться лицемерие. Действительно ли это те самые люди, которые делали революцию? Нет, это те, кто ею воспользовался» (С. 362). Интерьер в домах колхозников, по выражению писателя, производит впечатление абсолютной безликости. Знаком обезличенности для Жида стало и то, что «летом почти все ходят в белом. Все

друг на друга похожи» (С. 355). Разумеется, такое однообразие не могло не вызвать отрицательной реакции писателя, всегда стремившегося к разнообразию впечатлений и «ощущений» как необходимому условию полноты бытия. Жида, автора «Яств земных», эстета и индивидуалиста, испугал этот мир, в котором «человек настолько сливается с толпой, так мало в нем личного, что можно было бы вообще не употреблять слово “люди”, а обойтись одним понятием “масса”» (С. 356).

Отсутствие свободы выбора проявляется не только в мыслях и одежде, но и на прилавках московских магазинов. Низкое качество товаров, их однообразие и дефицит поражает рассказчика: «Трудно представить что-нибудь более глупо-буржуазное, более мещанское, чем нынешняя продукция. Витрины московских магазинов повергают в отчаяние» (С. 359). Жид ехал в СССР, чтобы убедиться в том, что в стране будущего упразднены институты, о которых говорилось в начале главы: традиционная семья, социальное расслоение и религия. Но писатель обнаруживает, что даже после глобальных перемен ни одна из составляющих буржуазного общества не исчезла.

Для автора «Имморалиста» было очевидно, что революционные настроения в обществе не могут за короткий срок победить человеческую страсть к накопительству и другим буржуазным порокам, но новая власть может хотя бы не поощрять их. Однако Жид обнаруживает все признаки того, что создающееся неравенство не только не беспокоит советское правительство, но даже мотивируется его решениями. В приложении к своей работе Жид посвящает небольшую главу колхозу. Он подчёркивает, что привилегированные колхозники могут заработать около 600 рублей в день, тогда как неквалифицированные, которых большинство, 5-6 рублей в день (С. 389-390).

Контрреволюция, о которой так много говорится в СССР, по мнению Жида, не более чем предлог для борьбы с настоящим революционным мышлением. Правительству нужны конформисты и соглашатели, а не дискуссия о будущем едва возникшего государства. Те, кто одобряют линию партии, быстро добиваются повышений по службе. Остальные не имеют надежды на улучшение

жизни: происходит неизбежное и несправедливое расслоение. Жид увидел тенденцию к формированию «новой аристократии», которой в СССР становится бюрократия, с презрением относящаяся к тем, кто стоит ниже на социальной лестнице. Явление, совершенно не соответствовавшее идеалу общества, построенного на братской любви товариществе и взаимопомощи, который вдохновлял Жида и привел его к коммунистическим идеям. С негодованием Жид писал: «Как может не коробить то презрение или, по крайней мере, равнодушие, которое проявляют находящиеся или чувствующие себя «при власти» люди по отношению к «подчинённым», чернорабочим, горничным, домработницам...» (С. 371).

В ходе повествования Жид обращает внимание читателя на другие стороны неустроенности жизни советских людей. Например, на большое количество беспризорников, которых он встретил в Севастополе. На эту проблему наслаивалось и то, что происходило в стране с семейным вопросом. Жид знал о практике Советского правительства в 20-е годы: тогда считалось, что воспитанием детей должны заниматься не родители, но государство. Это, конечно, находило отклик у автора «Фальшивомонетчиков», который на протяжении всего творческого пути утверждал кризис буржуазной семьи, воспитывающей конформистов. В книге «Возвращение из СССР» Жид напишет: «С восстановлением семьи (как «ячейки общества»), права наследия и права на имущество по завещанию тяга к наживе, личной собственности заглушают чувство коллективизма с его товариществом и взаимопомощью» (С. 370). Важно добавить, что помимо института наследия Жид видел в семье и другую опасность. Писатель считал, что ребёнок либо подстраивается под своих родителей, подавляя своё подлинное «я», либо большую часть жизни тратит на преодоление семейного воспитания, и становится полноценной личностью только в старости. Для французского писателя, рассматривавшего семью как социальную клетку,¹¹⁸ восстановление института семьи означало регресс.

¹¹⁸Кирнозе З.И. Последний среди классиков, первый среди модернистов (об Андре Жиде и его романе «Фальшивомонетчики») // Кирнозе З.И. Французский роман XX века (Годы 20-30-е. Проблемы жанра). Горький, Волго-Вятское кн. Изд-во, 1977. – С. 113.

Не прошел французский писатель и мимо формирующегося культа личности Сталина. Жида поразило то, какое место в сознании советского человека занимает фигура Сталина. Везде портреты Сталина; во время любого застолья, где есть чиновники, произносят тост в его честь, а пресса никогда не даёт своих оценок, пока об этом не выскажется главнокомандующий. Когда писатель хотел отправить телеграмму генсеку СССР, обращаясь к нему на «Вы», переводчик сказал, что это невозможно, и посоветовал добавить словосочетание «Вождь народов» или «руководитель трудящихся». Об этом Жид пишет с недоумением и предполагает, что французский читатель может ему не поверить (Возвращение из СССР, С. 374).

Между тем Жид отмечает то, что ему представляется ошибками и оплошностями советского вождя. Прежде всего это отход от революционных идеалов и постепенное обуржуазивание советского общества, признаки которого, как уже отмечалось выше, писатель видел в восстановлении институтов семьи, частной собственности, нарастающем социальном расслоении и т.д. Со свойственным Жиду «диалогизмом», стремлением понять логику другого, писатель пытается представить читателю причины этих ошибок. «Сталин принял много решений, и все они в последнее время продиктованы страхом, который внушает Германия. Постепенное восстановление семьи, личной собственности, права наследования – всё это объясняется достаточно убедительно: важно внушить советскому гражданину чувство, что у него есть нечто своё, личное, что следует защищать. Но так первый порыв постепенно гаснет, устремлённый вперёд взгляд притупляется. Мне скажут, что всё это необходимо, срочно, что вторжение внешних сил может погубить начинание. Но уступка за уступкой – и начинание скомпрометировано» (С. 376).

Жид приводит читателя к выводу, что СССР стал государством, в котором риторика мало коррелирует с практикой. Ленин, символ модернистского государства, тоже был бы признан контрреволюционером, по мнению Жида, так как его решения не согласуются с политикой Сталина. В «Поправках к моему “Возвращению из СССР”» Жид добавит к сказанному о Ленине: для того, чтобы

служащие не превращались в бюрократов, Ленин считал необходимым три условия: сменяемость и выборность в любое время; зарплата, равная средней зарплате рабочего; контроль всех над всеми таким образом, чтобы все временно могли становиться служащими, никто не мог превратиться в бюрократа. Из этих трёх условий ни одно не выполнено» (С. 418). Французский писатель видит только регресс по сравнению с переходной ситуацией 20-х годов. Он утверждает, что вместо диктатуры пролетариата возникла диктатура одного человека (С. 376).

2.3. Культурная жизнь в СССР и советский человек

Еще до поездки в СССР Жид интересовался советской культурой. На страницах его «Дневника» можно найти многочисленные упоминания советских писателей, откликами на их произведения. В записи 7 апреля 1932 года Жид делится с читателями своего «Дневника» впечатлениями от «Цемент» Ф. Гладкова, который, как он признаётся, дочитал без особого интереса и удовольствия, хотя отметил и достоинства книги «её новую и смелую психологию»¹¹⁹. «Рвач» И. Эренбурга производит на французского писателя сильное впечатление, он называет эту книгу замечательной и полной подлинной новизны, исключительного ума и уверенного рисунка¹²⁰. Отдельно Жид хвалил «Поднятую целину» М. А. Шолохова. Французский писатель очень жалел, что не успел познакомиться с М. Горьким и интерес к советской литературе Жид объясняет более широким интересом к «Другому», с которым хочется обменяться мыслями, чувствами и ощущениями. Находясь в постоянном творческом поиске и в процессе собственного становления, Жид интересуется не теми книгами, которые написаны в традиционной манере, но литературой, в которой можно обнаружить новые вопросы и эксперимент с формой. Поэтому автор «Фальшивомонетчиков» проявлял интерес не только к литературе, одобренной советской цензурой, но и неофициальным произведениям. Рудольф Море

¹¹⁹ Жид А. Страницы из дневника // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР. – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 628.

¹²⁰ Там же. – С. 628.

утверждает, что Жид был знаком с сочинениями Б. Пильняка и, вероятно, Б.Л. Пастернака и И. Бабея¹²¹. В своей книге «Возвращение из СССР» Жид посвящает один из разделов Николаю Островскому.

Картина культурной жизни в книге Жида не столь широка, как, например, в «Московском дневнике» Вальтера Бенямина, рассказывавшего о своих многочисленных посещениях выставок, театров, уделившего особое внимание культуре советской игрушки и т.д. Бенямин-культуролог дает свои характеристики увиденным постановкам и кинофильмам.

Жида советская культура интересует скорее в ее, так сказать, в повседневной жизни человека. Для него советская культура – это прежде всего мир замечательных парков культуры, пионерских лагерей, домов отдыха, читальных залов, лекториев, бассейнов, школ. «Нас восхищает в СССР стремление к культуре, к образованию» (Возвращение из СССР, С. 360), – заявляет Жид.

Вместе с тем «эта культура целенаправленная, накопительская, в ней нет бескорыстия и почти совершенно отсутствует (несмотря на марксизм) критическое начало» (С. 363). Советская культура формирует конформиста, а не творца. Жид приводит свой диалог с художником Х, чье имя он не хотел бы раскрывать, чтобы не вызвать у него проблем после публикации «Возвращения из СССР». Этот художник утверждает, что в СССР, писатель должен придерживаться линии партии, иначе он не будет понят и принят критикой. Жид полемизирует с такой точкой зрения, заявляя «Культура в опасности, когда критика перестает быть свободной» (С. 380).

Одновременно с конформизмом советская культура формирует, по мнению Жида, «комплекс превосходства», который становится обратной стороной узости кругозора советского человека, его неосведомленности о жизни на Западе. Этот «комплекс превосходства» парадоксальным образом сочетается с «комплексом неполноценности», который заключается в том, что советские люди «что за граница о них подумает» (С. 364). «Самое важное для них – знать, достаточно

¹²¹*Maurer Rudolf* André Gide et l'URSS. – Berne, Editions Tillier, 1983. – P. 41.

ли мы восхищаемся ими. Поэтому бояться, что мы можем не все знать об их достоинствах. Они ждут от нас не столько знания, сколько комплиментов» (С. 364).

Эти «комплексы» советских людей представляются Жиду нелепыми, порождением недостатка «искренности» в том смысле, который вкладывал в это слово писатель. Советским людям недостает доверия к себе, к собственным «ощущениям».

Жид невысоко оценил советское пластическое искусство, представление о котором, судя по тому, что он рассказывает в «Возвращении из СССР», он составил по выставке современной живописи в Тифлисе, иллюстрировавшей эпизоды из жизни Сталина и стремившейся на этих эпизодах поучать, объединять и убеждать. Такое «дидактическое» искусство, разумеется, не могло вызвать отклика у писателя, совершенно иначе представлявшего себя задачи настоящего художника.

В своей речи на похоронах Горького Жид говорил о «новых проблемах», рождённых самим триумфом революции, и требующих осмысления и решения (С. 381). С решением этих проблем Жид связывал будущее культуры, но если написание романа напрямую зависит от линии партии и её нужд, то не только не удастся решить вопрос, но даже его задать. Жид утверждает, что в культуре, где красота является буржуазной ценностью, писатели обречены на послушание. Революционный дух литературы ставится под сомнение, и вслед за контрреволюционностью внутренней политики СССР, Жид отмечает и отказ от революционности в литературе. «Искусство, которое ставит себя в зависимость от ортодоксии, даже и при самой передовой доктрине, такое искусство обречено на гибель. Победившая революция может и должна предложить художнику свободу. Без неё искусство теряет смысл и свободу» (С. 382). Жид неслучайно использует религиозный термин «ортодоксия». Воспринимая коммунизм как «новую религию», а писателей, как новых мучеников и святых, которые должны быть у каждой религии, Жид утверждает, что пафос, на который претендует возникшее государство, ничем не оправдан. Атеистическое советское государство, по

убеждению Жида, взяло у церкви худшее (слепое поклонение, послушание и догматизм) и распространило не только на устройство социума, но и на культуру. Жид верит только в те произведения, которые свободны от какого либо доктринёрства (С. 382). Жид опасается, что появившись в СССР гений равный Бодлеру или Рембо, он в лучшем случае останется не услышанным, а, возможно, его принудят замолчать.

Проблема, делает вывод Андре Жид, в том, что новые поколения привыкли отзываться на лозунги, и они не будут сознавать несвободы собственного мышления. А «следовательно, у Достоевского читателей больше нет, причём нельзя с уверенностью сказать, сама ли молодёжь от него отвернулась или её от него отторгли – так обработаны мозги» (С. 381).

В 1930 году Жид публикует «Урок жёнам» и «Робер», которые были связаны между собой сюжетно. В этих произведениях он хотел рассказать о положении женщины в современном обществе и впоследствии задумал третью часть «Женевьеву» (1936), где речь бы пошла о дочери Эвелины и Робера. Поначалу он хотел выразить собственные коммунистические взгляды, которые бы высказывала Женевьева, но вскоре решил «очистить» книгу от идеологического налёта. В. Никитин утверждает, что Жид осознал негативное влияние политики на собственный творческий потенциал¹²², поэтому в «Женевьеве» не осталось ничего от марксистского учения. Вполне вероятно, что на это решение, очистить повлияло впечатление от советской литературы и советской культурной политики, которые Жид критиковал в своей работе об СССР и хотел избежать идеологической ангажированности в пользу художественных достоинств произведения.

Жид утверждает, что имя Есенина не под запретом, однако, говорят об этом поэте шёпотом (Возвращение из СССР, С. 442). Атмосфера всеобщего запретительства вызывает опасения у французского писателя и заставляет его задаться вопросом, возможно ли развитие культуры в государстве, где цензура

¹²²Никитин В. Андре Жид: Вехи творческого пути // Жид А. Собрание сочинений: В 7т. Т.1. – М.,ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 23.

становится нормой. Упоминая о самоубийствах Маяковского и Есенина, Жид высказывает предположение о причинах трагической гибели поэтов: «Говорят, любовная история. Может быть, и так. Но вольно нам задуматься о более глубоких причинах самоубийства» (С. 442).

В приложении к «Возвращению из СССР» Жид пишет главу «Антирелигиозная борьба», в которой выражает свое одобрение борьбы с церковью в СССР и отказа от мистики в пользу науки. Его тревожит, что «из-за невежества, на которое обрекли народы СССР, они беззащитны и беспомощны перед эпидемией мистики, способной возникнуть в любое время» (С. 386). Вместе с тем он считает христианство учением, даровавшим людям большую надежду, и отрицать его благотворное влияние считает невозможным. Жид добавляет, что воспитательная функция христианства не меньше, чем заложенная в греческих мифах. Европейская культура не может быть понята без христианской мысли. Также показательно, что Жид противопоставляет официоз церкви аскетизму монашества и внутренней потребности в служении христианской этике. Встретив по дороге в Петергоф священника, Жид находит его вид красноречивее, чем все антирелигиозные музеи СССР (С. 385). Вместе с тем, Жид говорит о встреченном монахе-стороже одной из увиденной им церквей. Он пишет о нём так: «Сколько достоинства во всей осанке! Сколько благородства в чертах лица! Сколько печальной гордости и смирения!» (С. 385). Жида восхищало самоотверженное служение само по себе, в этом он и находил подлинное религиозное чувство. И не находил этого служения среди функционеров нового чиновничьего аппарата.

После разгоревшегося во Франции спора, возникшего из-за публикации «Возвращения из СССР», Жид допечатывает «Поправки» к своей книге и выносит окончательный приговор сталинскому режиму. Повторяя многие прежние мотивы и темы (упразднение инакомыслия, возникновение партийной бюрократии, нехватка и однообразие товаров и т.д.), писатель приводит большое количество цифр, свидетельства своих попутчиков Джефа Ласта, Шифрина, Эжена Даби, Пьера Эрбара и Луи Гийю.

Жид интересуется советской оппозицией – Л. Троцким, В. Сержем, начинает общаться с И.А. Буниным. В 1940 году Жид делает запись в своём дневнике о встречах в СССР с Б.Л. Пастернаком¹²³. Он говорит, что Пастернак был единственным человеком в СССР, кому Жид мог доверять. В их разговоре также присутствует евангельская тема, когда они говорят о гибели русской культуры при новом режиме. Жид утверждает, что Пастернак рассказал ему о своей встрече с А.В. Луначарским, их обсуждение спасения культуры. Пастернак предлагал Луначарскому дать прежней русской культуре умереть, чтобы потом в катакомбах обнаружить её обломки¹²⁴. Исходя из этого, Жид делает следующий вывод: «Культура тоже, подобно зерну в Евангелии, должна умереть, чтобы воскреснуть»¹²⁵.

С этим логично было бы связать возникший интерес французского писателя к Бунину. Жид встречается с русским эмигрантом в 1941 году, о чём пишет в своём дневнике. Он признаётся в том, что настоящее взаимопонимания между ним и Буниным не возникает именно потому, что у них разные святы, разные боги¹²⁶. Жида смущает культ Толстого, присущий Бунину и его неприятие Достоевского, Щедрина и Сологуба. Сам же Бунин вызывает у французского писателя восхищение: он пишет, что его красивое лицо, хотя и испещрено морщинами, но остаётся благородным, а взгляд полон огня¹²⁷. Он признаётся, что читал у Бунина только «Господина из Сан-Франциско» и «Дервню», которые ему очень понравились, но которых сам Бунин, по выражению Жида, смущается и чуть ли не отрекается от них. Спустя некоторое время Жид снова пишет о Бунине, говоря о том, что его книга о Толстом объясняет ему феномен русского писателя, который всегда так сильно его отталкивал. Бунин помог Жиду выяснить неразрешённое для него противоречие между Толстым и Достоевским, а также больше понять мир русской литературы XIX века.

¹²³ *Gide A. Journal Une anthologie (1889-1949).* – P., Gallimard, 2020. – P. 397.

¹²⁴ *Ibid.* – P. 397.

¹²⁵ *Ibid.* – P. 397.

¹²⁶ *Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР / Сост., вступ. Статья Л.Н. Токарева.* – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 632.

¹²⁷ *Там же.* – С. 632.

Разочаровавшись в советском витке истории России, Жид не теряет интерес к русской литературе. Во времена Второй Мировой войны Жид помимо общественно-политических вопросов рефлексировал к личному, перечитывает французскую классическую литературу и избранных писателей. В это время Россия волнует его уже меньше, хотя не уходит полностью из сферы его интересов.

Несмотря на неприятие советской политики, Жид никогда не высказывался о русских уничижительно или пренебрежительно. Он глубоко сочувствует советскому народу, переживающему трудный период своей истории.

Писатель признаётся, что испытывает большую радость от общения с рабочими на стройках и заводах, он чувствует, что к нему относятся по-братски (Возвращение из СССР, С. 348). Другая черта, свойственная русским, о которой писатель говорил ещё в работе «Достоевский, также находит своё продолжение: это отсутствие социальных перегородок. Жид в первые же дни своего пребывания в СССР, убеждается в своей правоте: «Нигде отношения между людьми не завязываются с такой лёгкостью, непринуждённостью, глубиной и искренностью, как в СССР. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы возникла горячая симпатия. [...] Несмотря на различия языков, нигде и никогда ещё я с такой полнотой не чувствовал себя товарищем, братом» (С. 352).

Жид отмечает доброту и милосердие советских людей. Для него это важнейшее качество русского человека, унаследованное человеком советским. Показателен эпизод с увечным мальчиком, просящим милостыню в севастопольском парке. Хотя благотворительность не поощряется советским государством, «из двадцати человек, к которым он обратился, подают восемнадцать» (С. 352). Советская действительность подтвердила то, что Жид мог вычитать о «русской душе» с характерной для нее “*charité*” в «Русском романе» Э.-М. де Вогюэ, узнать о ней по произведениям Ф.М. Достоевского.

Вместе с тем от Жида не укрылось то, что он деликатно называет «врожденной малой “производительностью” русского человека» (С. 359). Сравнение с французскими рабочими со свойственными им с «усердием,

добросовестностью и профессиональной подготовкой» явно не в пользу русских. Стахановское движение, которым так гордятся советские люди, у Жида вызывает критическую реплику: «В стране, где рабочие привыкли работать, стахановское движение было бы ненужным» (С. 359). Позитивным исключением, по Жиду, является «стахановское движение», но и в этом аспекте Жид находит повод для критики. С одной стороны, он говорит, что это замечательное средство, чтобы встряхнуть народ от спячки. С другой, убеждён французский писатель, «в стране, где рабочие привыкли работать, «стахановское движение» было бы не нужным» (С. 359).

Всякие формы прикрепленности, ограничения, скованности индивидуума, существующие в советской действительности, вызывают критику французского писателя. Ему не нравится, что советские рабочие и крестьяне «прикреплены» к определенным заводам или колхозам, которые им трудно поменять по своей воле. Партийная принадлежность обеспечивает привилегии, но лишает человека свободы мысли и действия. Способом продвижения по карьерной лестнице нередко становится донос, что приводит к негативному отбору: на самом верху социальной лестнице оказываются самые подлые и раболепные, а «советский рабочий превратился в загнанное существо, лишённое человеческих условий существования, затравленное, угнетённое, лишённое права на протест и даже на жалобу, высказанную вслух» (С. 411).

Жид высказывает предположение, что советский пролетарий начал утрачивать иллюзию, будто работает на самого себя. Рабочие не в силах справиться с диктатом бюрократии, профсоюзы не работают, поскольку нет возможности выбрать представителя от народа (С. 410). Народ, пишет французский писатель, превращается в массу, сила и сплочённость которого в посредственности. Рассчитывать государство может только на худших, и игнорировать или изолировать недовольных.

Светлую краску в эту мрачную картину вносит очерк о Николае Островском, написанный под впечатлением личной встречи с советским писателем. Жид почти ничего не говорит о творчестве Островского, его

литературном таланте. Для него Островский – воплощение лучшего, что есть в советском человеке, прежде всего невероятного мужества и стойкости. «Я не могу говорить об Островском, не испытывая глубочайшего уважения. Если бы мы не были в СССР, я бы сказал: «Это святой». Религия не создала более прекрасного лица. Вот наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия. Достаточно горячего убеждения, без надежды на будущее вознаграждение» (С. 387). Фигура Островского интерпретируется Жидом как воплощение того восходящего к христианству идеала, который вдохновлял Жида на протяжении всей жизни: идеала индивидуума, отдавшего себя другим, не думающего о себе, растворившего свою личность в судьбе своей страны и народа. «Я говорю Островскому, что его постоянство придает мне сил. Но похвала его смущает – восхищаться надо только Советским Союзом, проделана громадная работа. Только этим он и интересуется, не самим собой» (С. 388).

Выводы, которые Жид делает в финале своей работы, неутешительны. Он высказывает сомнение о том, что виноват полувосточный темперамент, позволивший русскому народу принять деспотичный сталинский режим (С. 427). По его мнению, нельзя не иметь ввиду как позитивные, так негативные черты характера русских, но в таком сложном вопросе мало одной логики, нужна индивидуальная многоплановая работа с народом переживающим тяжёлый этап в своей истории. С грустью Жид соглашается с Жаном Понсом и Вильдраком только в одном: русский народ счастлив принять этот режим. Ведь доверие советских людей держится на неведении, о котором Жид убедительно писал в начале своей работы. В остальном Жид подчёркивает несогласие с их оптимизмом. Финальную мысль Жида, которую он высказывает прежде чем предоставить слово своим попутчикам для большей объективности, стоит привести целиком. «Важно видеть вещи такими, какие они есть, а не такими, какими хотелось бы видеть. Советский Союз не оправдал наших надежд, не выполнил своих обещаний, хотя и продолжает навязывать нам иллюзии. Более того, он предал наши надежды. И если мы хотим, чтобы надежды всё же уцелели, нам надо многое пересмотреть. Но мы не отвернём от тебя наши взгляды, славная

и мученическая Россия. Если сначала ты была примером, то теперь увы! Ты показываешь нам, как революция ушла в песок» (С. 431).

В статье «К истории публикации «Возвращения из СССР» Андре Жида: взгляд из Кремля» Н.Ю. Харитонова утверждает, что перемена позиции Андре Жида по СССР не была столь стремительной, как утверждают многие исследователи. Она приводит в пример дело Виктора Сержа, за которого заступились Ромен Роллан и Андре Жид, после чего Сержу разрешили покинуть страну. Он был сослан в Оренбург по так называемому делу зиновьевской группы. Во Франции Серж публикует два открытых письма Жиду, в которых просит писателя обратить внимание на то, как ущемляются права советских людей и не верить в первое сложившееся впечатление. Уже тогда Жид стал интересоваться советской оппозицией, троцкистской группой. Кремль был в курсе этих колебаний французского писателя. Харитонова, ссылаясь на документы, утверждает, что за подготовкой издания «Возвращения из СССР» следили на самом высоком уровне, докладывая обо всём лично Сталину¹²⁸. В Кремле очень опасались того негативного имиджа СССР, который может создать знаменитый французский писатель на Западе. Оренбург лично доложил о том, что книгу, которая скоро выйдет во Франции, можно будет использовать в антисоветских целях. Он добился встречи с Жидом и очень просил отложить выход книги в связи с испанскими событиями. СССР помогала республике в Гражданской войне в Испании. Он даже убеждал Жида поехать в Испанию, считая, что это повлияет на желание писателя отложить издание книги, пишет исследователь. Но ни первого, ни второго не случилось.

2.4. СССР на страницах «Дневника» А. Жида во время Второй мировой войны

¹²⁸Харитонова Н.Ю. К истории публикации «Возвращения из СССР» Андре Жида. Взгляд из Кремля // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-publikatsii-vozhvrashcheniya-iz-sssr-andre-zhida-vzglyad-iz-kremlya/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

Политически А. Жид оставался верен своим левым убеждениям, несмотря на критику СССР. Он отверг доводы маршала Петена и выразил несогласие с его политикой. Писатель не принял коллаборационистский режим во Франции и вынужден был покинуть родину. Его «Дневник» военных лет отражает судьбы французских эмигрантов, уехавших в Северную Африку, их надежду на скорейшую победу в войне, которую должны одержать Советский Союз и США. И вместе с тем, Жид пишет про свой собственный быт в Тунисе, обращается к воспоминаниям, рассуждает о перечитываемой классике. Оставаясь зорким и беспристрастным наблюдателем, Андре Жид всё чаще концентрируется на личных вопросах. В эпоху глобальных перемен писатель ищет опоры не столько в идеологических учениях, о которых он так много рассуждал в 1930-ые годы, сколько внутри себя посредством писательства и чтения. Живя в Тунисе, Жид работает над последним большим художественным произведением – притчей «Тесей», которая будет опубликована в 1946 году и отразит многое описанное в «Дневнике», не переведённом на русский язык. «Дневник» военных лет отражает этап напряжённых поисков Андре Жида – попытку идентифицировать себя в изменившемся мире. Жид никогда не стремился к последовательности в своих взглядах, поэтому между записями обнаруживаются явные противоречия, но если Жид всегда и стремился к чему-то – это к искренности в понимании той сложности, которую представляет собой человек. О невозможности познать самого себя писал М.М. Бахтин: «У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу... Фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою, - отсюда желание подсмотреть свой заочный образ».129

«Дневник» был для Андре Жида попыткой разглядеть за своими записями своё подлинное «Я», его становление и развитие. В случае «Дневника» Жида «автор расщепляется на описываемый персонаж и скриптера»130, что создаёт

129 Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М.М. Собр. соч. – М., 1996. Т. 5. – С. 71.

130 Троицкий Ю.Л.. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, Издательство «АсПУр», 2014. – С. 18

эстетическое и художественное измерение текста. В этой связи, анализ дневника, в конечном счёте, это обращение не столько к событиям, которые в нём представлены, сколько попытка реконструировать мировоззрение и эволюцию его автора.

Если первый том «Дневника» Андре Жида стал для писателя творческой лабораторией и пространством, в котором он разрабатывал новые методы письма¹³¹, то вторая его часть, следуя за публицистичностью позднего Жида, отобразила его интерес к политике и историческим катаклизмам Европы 1930–40-х годов. Но, несмотря на тематическое расширение, во втором томе Жид много пишет о перечитывании классики, рефлексии о литературных конвенциях рубежной эпохи. Литература не перестаёт быть главной темой его изысканий, но к ней добавляется новая оптика – социально-политическая. Политика становится продолжением его интереса к культуре. Рядом с мыслями о начавшейся Второй мировой войне присутствуют многочисленные рассуждения о перечитанных Расине, Лафонтене, Гёте, Фолкнере, Стейнбеке, Стендале и т.д. Эти фрагменты могут показаться формой эскапизма, как замечает и сам Жид¹³²¹³³. Однако первая же запись второго тома «Дневника», датируемая 10 сентября 1939 года, объясняет причину этого стойкого интереса к классике, даже во время большой войны. Жид защищает культуру от надвигающегося варварства или, во всяком случае, хочет сохранить её для самого себя и для читателя: «Всё развивается таким образом, что скоро мало останется тех, кто испытывает потребность в культуре и понимает её; мало останется тех, кто увидит, что мы её не понимаем. Мы прилагаем усилия, придумываем различные ухищрения, чтобы сберечь эти реликвии, но никакое убежище сегодня не надёжно. Одной бомбы хватит, чтобы уничтожить музей. Нет такого акрополя, до которого не добрался бы поток варварства; нет ковчега,

131 Муравьёва Л.Е. *Mise en abime: Вариация значений* // <https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/dd2/133-149%20muravieva179.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

132 Gide A. *Journal 1939-1949. Souvenirs.* – P., NRF, Gallimard, 1979. – P. 10.

¹³³ Здесь и далее цитаты даны в нашем переводе, если не указан другой.

который он бы не поглотил. Мы цепляемся за обломки»¹³⁴. Перечитывание и заучивание наизусть французской классической поэзии становится, по собственному признанию Жида, способом ненадолго забыть о происходящем¹³⁵. Но вместе с тем писатель благодаря искусству возвращается к основе собственной личности – для Жида важно возобновить пространство для диалога, хотя бы на страницах дневника. Сохранить способность понимать и ценить культуру. В записи от 19 сентября он всё же сомневается в такой возможности: «[...] мы рискуем не спасти наши ценности. Мы хотели бы поместить их в укрытие, как церковные витражи; но такого рода меры отдаляют их от жизни, изолируют их от неё. И вот они уже становятся похожи на музейные экспонаты, которые, возможно, и переживут бурю... но позже будут обнаружены с некоторым удивлением»¹³⁶.

Жид отказывается от участия в дискуссиях в газетах и на радио, поскольку не слышит там ничего кроме патристического лая¹³⁷ или высказываемых банальностей. Ему страстно хочется высказаться, и его мучает молчание, но вместе с тем, присоединение к любому из лагерей означает для него завербовать свою мысль в пользу обслуживания чужих интересов¹³⁸. В записи от 7 декабря 1940 году он упомянет о своих немногочисленных публикациях для «Фигаро», возможно, имеющих ценность, но подчеркнёт, что его рассуждения в «Дневнике» значат для него самого куда больше, хотя пока что они могут показаться несвоевременными¹³⁹. Само деление людей на политические группы представляется писателю опасным, за этим теряется индивидуальность личности, тонкость его мысли. Жид ищет способ противостоять унификации, которую несёт

¹³⁴ *Ibid.* – P. 9.

¹³⁵ *Ibid.*

¹³⁶ *Ibid.*

¹³⁷ *Ibid.* – P. 11.

¹³⁸ *Ibid.*

¹³⁹ *Ibid.* – P. 102.

в себе гитлеризм и война: «Только настаивая на ценности отдельно взятого человека, опираясь на силу своего индивидуализма, Франция может и должна противостоять принудительной унификации гитлеризма. Между тем, сегодня речь идёт о том, что нужно выступить единым фронтом, договориться и сплотиться»¹⁴⁰.

В 1940 году Жид на страницах своего «Дневника» выскажет предположение, что какое бы государство ни стало победителем в войне, оно обязательно заставит остальной мир подчиниться новой диктатуре: «Нужно ожидать, что когда после войны появятся победители, мы погрузимся в такую грязь, что одна лишь диктатура сможет вытащить нас оттуда. Уже сейчас видно, что даже самые здоровые умы движутся мало-помалу к этой идее (я сужу по себе), и многие незначительные события, последовательные мелкие решения, которые принимаются от раза к разу, приучают нас к этой идее»¹⁴¹. В связи с этим изменением оценки событий, Жид вспоминает о собственных коммунистических взглядах и тех коммунистах, которые запятнали своими поступками благородную идею. Для Жида, по его собственному признанию, коммунизм был продолжением его христианства и гуманизма, усилием в поиске справедливости¹⁴². В этом отрывке он как будто оправдывается перед самим собой, упрекая себя в наивности и слепой вере в людей, которая кажется ему призрачной в связи с крушением всяких надежд. Жид повторяет для себя и предполагаемого читателя общепонятные истины о добре и зле, задаваясь вопросом, что такое правда в эпоху, когда от неё как будто уже отказались. Из-за войны, которая приучила людей ко лжи, самая банальная истина может теперь показаться глупостью, убеждён французский писатель¹⁴³. Придётся заново убеждать людей в том, что нравственно, а что нет. Последствия войны очень волнуют его, он считает, что ситуация для Европы может оказаться необратимой. Целью гитлеризма Жид

¹⁴⁰ *Ibid.* – P. 12.

¹⁴¹ *Ibid.* – P. 14.

¹⁴² *Ibid.* – P. 15.

¹⁴³ *Ibid.* – P. 19.

считал проведение деиндивидуализации, которая бы помогла нацистской Германии одержать победу в войне¹⁴⁴. Эта деиндивидуализация, по мнению Жида, направлена в первую очередь против культуры и христианства. Христианство же, напротив, для Жида даёт человеку свободу проявления своей индивидуальности. Народ превратится в легко управляемую массу, которой не свойственны сомнения. Жид боится, что и другие европейские режимы пойдут по этому пути. Иногда на страницах «Дневника» он даже даёт советы свои согражданам, как надо воспитывать детей, чтобы воспитать в них чувство солидарности по отношению к культурному и научному наследию Франции¹⁴⁵, противостоящему мистичности и мифологичности нацистов, и удержать их от нацистского влияния: «Развивайте у своего ребёнка критическое мышление, это должно быть первостепенной и основной задачей образования. Нет ничего лучше против нацизма»¹⁴⁶.

30 августа 1940 года Жид вспоминает о том, что находясь в СССР, он мог доверять только Пастернаку. В изданиях до 1960 года русский поэт фигурирует в «Дневнике» Жида под таинственной буквой Х. Только после смерти Пастернака издатели раскрыли личность этой фигуры. То, что Жид говорил о Пастернаке, подтверждает и запись из дневника И.А. Бунина, который напишет об их встрече в Грассе: «Был André Gide. Оч. приятное впечатл. Тонок, умён, и вдруг: Tolstoy – asiatique. В восторге от Пастернака (как от человека – «это он мне открыл глаза на настоящ. положение в России), восхищ. Сологубом»¹⁴⁷. Судя по всему, Жид считал, что упоминание Пастернака может навредить его и без того непростой судьбе в Советском Союзе. Жид повествует о пересказанной Пастернаком их беседе с Луначарским, которую они вели относительно будущего русской культуры. Пастернак надеялся, что в “катакомбах”, уцелеют те, кто смогут воссоздать её из руин. Жид сравнивает рухнувшую русскую культуру под

¹⁴⁴*Ibid.* – P. 24.

¹⁴⁵*Ibid.* – P. 38.

¹⁴⁶*Ibid.* – P. 41.

¹⁴⁷ Бунин И.А. Дневники 1881-1953. – М., Берлин, Директ-Медиа, 2017. – С. 274-275.

большевистским террором с евангельским зерном, которое может прорасти, только упав в почву¹⁴⁸. Это не только христианская отсылка, свойственная религиозному мировоззрению Андре Жида, но важная метафора, применимая к его творческому методу. Автобиография Андре Жида называется «Если зерно не умрёт». Он сам сравнивал себя с таким зерном, которое упало в удобренную почву. В этом отрывке писатель вновь берёт верх над публицистом и комментатором политических событий. Жид как писателя всегда интересовал персонаж, который преодолевает слабое человеческое внутри себя. Герои Жида часто должны пройти путь внутреннего перерождения и переосмысления, например, Мишель, в «Имморалисте», который едва не умер во время путешествия, но благодаря жене превозмог болезнь и начал глобально менять свою жизнь. Эту метафору личного превращения Жид транспонирует на государственные процессы. Видя то, что происходит с культурой, столкнувшейся с миром новых идеологий, противостоящих друг другу, Жид обращается к таким же одиночкам, как он, которые ищут способ уберечь культуру от разрушений. Для него это были и русские писатели, например, Бунин и Пастернак. Можно сказать, что в частности русскую и французскую, а шире европейскую культуру видел перед экзистенциальным выбором – умереть в войне против гитлеризма или воскреснуть после происходящих трагедий и потрясений. Жид утверждает в твёрдой позиции, что пройдя тяжёлый путь к возрастанию, можно обрести право на новую жизнь. Больше всего, конечно, Жид тревожится за будущее собственной страны: «Что касается меня, я придерживаюсь того, что нет в Европе другой страны, настолько утратившей собственное мнение и свою мысль во всеобщей унификации, чем Франция»¹⁴⁹.

С 1940 года Жид начнёт всё больше сопереживать Советскому Союзу, выбравшему тяжёлый путь государственного развития и противостояния режиму Гитлера. После приведённых записей о судьбе Франции и России, Жид нечасто

¹⁴⁸ *Ibid.* – P. 51.

¹⁴⁹ *Ibid.* – P. 48.

обращается к социальной проблематике. Так будет вплоть до 1943 года, а именно до битвы под Сталинградом. Время от времени писатель рассуждает о причинах возникновения коллаборационистского режима, критикует Францию за неготовность противостоять. В своей критике Франции он доходит до признания её слабой, бессмысленно повторяющей слова о свободе, любящей мягкие, сдержанные тона, в отличие от России, где ценятся яркие и определенные краски¹⁵⁰.

В июне 1941 года Жид жалуется на состояние своего здоровья, рассказывает о смерти своей жены, и почти не касается нападения Гитлера на СССР. Описывая одну из бесед в Швейцарии, 26 июня 1941 года Жид упоминает, что его расспрашивали о его теперешнем отношении к России. На что писатель не ответил ничего конкретного, лишь отмахнулся, сказав «посмотрим» и, добавив некий пространный комментарий (который он в «Дневнике» не приводит), который могли от него ожидать собеседники¹⁵¹. Но своё мнение он высказывать не торопится. В своих заметках Жид выражает обеспокоенность и собственную растерянность перед происходящей войной. Всё больше он пишет о французской и немецкой классике, особенно о Гёте.

28 августа 1941 года Андре Жид рассказывает о своей встрече с И.А. Буниным, и их литературных спорах, касающихся русской литературы. Этот эпизод «Дневника» Жида интересен тем, что для писателя было важно отыскать точки соприкосновения и попробовать найти взаимопонимание, но безуспешно. Два писателя, встретившихся в Грассе, говорят о русской литературе. «Бунин слишком мало ценит то, что восхищает меня. Его культ Толстого смущает меня ничуть не меньше, чем его презрение к Достоевскому, Щедрину, Фёдору Сологубу. Ясно, что у нас разные святые, разные боги»¹⁵². Бунин и Жид ценят прозу друг друга, хотя, по предположению Жида, недостаточно хорошо

¹⁵⁰ *Ibid.* – P. 78.

¹⁵¹ *Ibid.* – P. 82.

¹⁵² *Ibid.* – P. 94-95.

осведомлены. Бунин отрекается от «Деревни», которую отмечает Жид. А сам Бунин не объясняет, на чтении каких книг строится его симпатия к Жиду. 10 сентября 1941 года Жид продолжает думать о диалоге с Буниным, читая его книгу о Л.Н. Толстом. Главная причина неприятия Толстого для Жиды в невозможности русского писателя быть искренним и естественным: «Этот человек, способный перевоплотиться в великое множество различных существ, навсегда оказывается не способен к подлинной искренности»¹⁵³. Этот фрагмент проливает глаза на то, как Андре Жид остаётся последователен в двух важнейших для него максимумах – он стремится к искренности, к подлинному выражению самого себя. Для этого ему нужен «Дневник» – в качестве перманентного познания самого себя. Каждая запись в «Дневнике», о чём бы Жид не рассуждал, это в первую очередь, попытка ответить на вопрос – кто записывает эти строки в «Дневник» сегодня. И вторая важнейшая тема – это установление диалога с Буниным, писателем, оторванным от своей среды. В это время Жид не может солидаризироваться с Францией, ему чужда её внутренняя и внешняя политика, а Бунин чувствует себя так же, по отношению к России. Писатели устанавливают диалог посредством литературы, самодостаточной основой для их личности и её мировоззрения. Через «другого» здесь Жид пытается понять и самого себя. Глубокий интерес Жиды к русской литературе выявляет в нём желание отделиться от общепринятых стереотипов о русской литературе и создать своё отношение, базирующееся на чтении не только общеизвестной на Западе классики XIX века, но и Н.А. Островского, Д.С. Мережковского¹⁵⁴, Ф.К. Сологуба, И.А. Бунина и многих других.

7 декабря 1941 года Андре Жид записывает в «Дневник» свои впечатления от «документальной» антибольшевистской хроники. Жид не оспаривает документальности и подлинности кадров, показывающих ужасающую нищету и бедняков, умирающих с голоду. Однако он усматривает пропагандистский

¹⁵³ *Ibid.* – P. 96.

¹⁵⁴ *Ibid.* – P. 122.

подтекст создателей фильма именно в таком выборе кадров и монтаже¹⁵⁵. Публика аплодирует при виде сломанного памятника Ленину на фоне вербовки французов и итальянцев на войну. Жид испытывает отвращение к происходящему, считая это унижительным для европейцев, считающих себя на стороне правды. На фоне того, как французское коллаборационистское правительство создаёт врага из Советского Союза, Жид всё больше проникается симпатиями к нему и решительно отказывается от солидарности с французами. Вскоре после этой записи Жид окончательно покинет Европу вплоть до окончания Второй мировой войны.

1942 год для Андре Жида связан со сложностями переезда в Северную Африку и личными переживаниями, о которых он рассказывает в «Дневнике». Всё чаще Жид, будучи уже немолодым человеком, жалуется на здоровье и размышляет над классической литературой.

СССР Жид не упоминает вплоть до 1943 года. Он пишет об освобождении города Миллерово 18 января, спустя день после этого события¹⁵⁶. Он говорит об этом в ряду с другими локальными победами в разных частях мира над гитлеровскими войсками. Осмысляя события, Жид задаётся вопросом, почему медлит американская армия, и не лучший ли это момент для её участия в войне. С их стороны – это осторожность или ошибка? И, может быть, добавляет Жид, если американцы не торопятся активно участвовать, изменение положения на фронте связано исключительно с решениями сталинской политики и его личной воли, а не союзников. Жид подчёркивает, что этим вопросом сейчас задаётся каждый.

В это время об успехах Советского Союза пишут и многие другие интеллектуалы Европы. СССР приковывает к себе внимание своими победами на фронте. Даже люди, которые не испытывали симпатий к большевистской России и совсем далёкие от коммунистических взглядов, не могут не признать, что перелом в войне зависит в первую очередь от русских. Например, Анджей

¹⁵⁵ *Ibid.* – P. 103.

¹⁵⁶ *Ibid.* – P. 176.

Бобковский, польский писатель и публицист, прошедший годы войны во Франции в своей книге «Наброски пером (Франция 1940–1944)», ставшей важным текстом для польской литературы XX века, много рассуждает о России, русской литературе и записывает свои наблюдения по военным событиям. Будучи врагом гитлеровского режима, он категорически не принимает и сталинскую Россию, но тем показательнее его замечания. 19 февраля 1943 года он напишет: «Блокада Ленинграда снята. Все в лихорадке. Со Сталинградом будет скандал, а точнее он уже есть. В немецких газетах пропаганда изменила тактику. В ход пошёл пессимизм»¹⁵⁷. Пристально следит за событиями и И.А. Бунин, известный своим неприятием большевиков, однако, критикующий и Европу за медлительность и надеющийся на успехи русской армии¹⁵⁸. Знаменательна такая цитата из его дневника, комментирующая вторжение Германии и других европейских стран в СССР под предлогом борьбы с большевизмом: «Страна за страной отличается в лживости и холопстве. Двадцать четыре года не “боролись”, наконец продрали глаза»¹⁵⁹.

Следующая запись, связанная с военными действиями, сделана Жидом 4 февраля и повествует о Сталинградской битве. Он восхищён отвагой советских солдат и оценивает состояние гитлеровских войск как агонию. Писателя интересует, что об этом думает сам Гитлер, и смогут ли после этого рядовые немцы его поддерживать¹⁶⁰. В дальнейших записях Жид продолжает следить за мировыми событиями, кратко фиксирует успехи Красной Армии, выражает свою поддержку Советскому Союзу. В записи от 7 февраля французский писатель упоминает своего друга, Виктора, который повесил на стене большую карту России, на которой он с радостью отмечает маленькими флажками продвижения

157 Бобковский А. Наброски пером (Франция 1940-1944). – СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – С. 462.

158 Бунин И.А. Дневники 1881-1953. – М., Берлин, Директ-Медиа, 2017. – С. 263-270.

159 Там же. – С. 272.

¹⁶⁰Gide A. Journal 1939-1949. Souvenirs. – P., NRF, Gallimard, 1979. – P. 186.

красной армии¹⁶¹. 8 февраля писатель вновь критикует армии Америки и Англии за промедление на берегах Туниса, которое стоит всё дороже. «Мы пытаемся убедить себя, что эти проволоочки неслучайны, что они являются частью искусного плана, основанного на договорённостях с Советами, чтобы удержать необходимое количество немецких частей в дали от русского фронта, где красная армия блестяще себя проявляет. [...] Этим утром сообщили об освобождении Курска. Бои идут в окрестностях Ростова»¹⁶².

В своей записи от 16 февраля 1943 года Жид пишет, что русские взяли Ростов и подчёркивает, с каким нежеланием радио Виши признаёт необходимость немецких войск отступать, победы СССР и делает акцент на большом количестве потерь среди советских войск: «Русские взяли Ростов. «Радио Виши находит более элегантным заявить: «немцы эвакуировались из Ростова). [...] В новостях о русском фронте (главный заголовок “Крестовый антибольшевистский поход”) не говорят ни о чём, кроме замедления советского давления в нескольких направлениях, особенно на востоке Кавказа и на донецком направлении; перейдём к “Депеше из Берлина”, отмечающие ужасающие потери русских на войне с следующим окончанием: “Что касается большевистских потерь за 13 февраля в этом секторе, они были порядка тысячи человек, тогда как немцы потеряли 11 человек на всех линиях”»¹⁶³. А. Бобковский 21 января 1943 года напишет «Русские каждый день что-то освобождают. Газеты уже не скрывают фактов. Пропаганда внезапно вдруг сорвала завесу и начинает показывать голую правду. Начинают пугать. Пугать всех красной силой и показывать, какая судьба нас ждёт в случае победы. Мы все это знаем (не все, на самом деле, очень немногие), но мы так возненавидели «европейскую» культуру и лицемерие, что порой нам уже всё равно»¹⁶⁴.

¹⁶¹ *Ibid.* – P. 188.

¹⁶² *Ibid.* – P. 189.

¹⁶³ *Ibid.* – P. 194.

¹⁶⁴ Бобковский А. Наброски пером (Франция 1940-1944). – СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – С. 462-463.

17 февраля Жид напишет: «У англо-американцев есть превосходство в вооружении и информационное превосходство, безусловно, у них тоже есть – они постоянно им хвастаются. Они прокламируют это и выглядят уже расслабленными. Их бездействие оставит все почести победы русским, а Сталин утвердится в них: он победит в одиночку»¹⁶⁵. Однако в записи от 21 февраля Жид отметит экстраординарный ум Рузвельта, который сумел заручиться поддержкой своих солдат и воспитать из них храбрых воинов. Хотя ему и не удалось заставить их действовать самоотверженно и без промедления, забыв о своём комфорте¹⁶⁶. Для Жида Рузвельту не хватает решительности перед реальной угрозой. С каждой записью уверенность Жида в победе Советского Союза продолжает крепнуть.

В своих записях Жид совмещает аналитику с ироничным тоном, с которым отзывается о недостатке смелости англичан. 16 февраля Бобковский напишет очень похожие наблюдения: «Отбит Харьков, два дня назад – Ростов и Ворошиловград. Англичане, чтобы о них не забыли, снова устроили психоз высадки»¹⁶⁷.

В записи от 7 марта 1943 года Андре Жид рассуждает о последствиях войны в философском контексте и говорит о том, что противостояние России и Германии поможет выйти людям из эры мифологии¹⁶⁸. Жид подразумевает то, что за идеологическими спорами и политическим противостоянием в Европе всё меньше стали ценить отдельную человеческую жизнь. Человек, – делает вывод французский писатель, – должен вспомнить о своей самодостаточности, и на примере того, как продолжает существовать эмигрантская русская литература, Жид убеждён, что испытание отчуждением было выдержано ей более, чем достойно. Оторванность от почвы не помешала русским писателям-эмигрантам

¹⁶⁵ Gide A. Journal 1939-1949. Souvenirs. – P., NRF, Gallimard, 1979. – P. 194-195.

¹⁶⁶ Ibid. – P. 198.

¹⁶⁷ Бобковский А. Наброски пером (Франция 1940-1944). – СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – С. 468.

¹⁶⁸ Gide A. Journal 1939-1949. Souvenirs. – P., NRF, Gallimard, 1979. – P. 208.

заниматься литературой, что для эстета Жида означает триумф частного человеческого существования и его эстетического чувства, не зависящего от политики и позволяющего творить на чужбине.

В начале 1943 года американская писательница, Гертруда Стайн, в оккупированной Франции начинает писать свою новую автобиографию «Войны, которые я видела» (1945). Она начинается размышлениями писательницы о войне, но к середине переходит в жанр дневника. Больше всего Стайн будет интересоваться сама сущность войны, её влияние на жизнь французов. Но есть и пассажи о России. В одном отрывке Стайн рассуждает о необходимости и целительности мифов для человека в эпоху войн и приводит пример предсказания, которое, якобы, слышала в детстве: «Святая Одилия предсказала, что мир будет развиваться и наступит страшнейшая из войн, с неба падёт огонь, с землю охватит жар и холод, и переполнятся реки, враг будет побеждать, все скажут «откуда берётся их сила», все скажут «мы хотим мира», но затем постепенно наступит битва с горой и эта гора определённо Москва, потому что даже во времена Святой Одиллии Москва из-за обилия церквей и монастырей считалась Святой Горой, и действительно под Москвой враг получил первый урок»¹⁶⁹. Вопреки предположению Жида, что мифология отойдёт в прошлое, Стайн мифологизирует действительность, сближает её с хрестоматийным сюжетом, в котором добро побеждает зло.

В записях от 12 марта Жид рассуждает о необходимости жёсткой и решительной силы, для того, чтобы противостоять диктатуре и задаёт риторический вопрос – чем можно поступить ради победы, и не может ли эта необходимость в победе, стать для диктатора аргументом для оправданий своих поступков¹⁷⁰.

16 марта 1943 года Жид снова пишет о грандиозных успехах русских, но подчёркивает, что, с точки зрения «Голоса Америки», они стали возможными не

¹⁶⁹ Стайн Г. Войны, которые я видела. – Тверь, Kolonna Publications, 2015. – С. 146-147.

¹⁷⁰ Gide André Journal 1939-1949. Souvenirs. – P., NRF, Gallimard, 1979. – P. 209.

только благодаря потенциалу Красной Армии, но и в связи с предоставлением Сталину военной техники из Америки¹⁷¹. Жид утверждает, что хотя Сталин и обращался с просьбой к посольству США в Москве, но оно не слишком торопилось с осуществлением обещанного, так что раздражение Сталина можно понять¹⁷². 26 марта Жид среди прочих рассуждений о военных событиях высказывает предположение, что Англия и Америка опасаются Сталина не меньше, чем Гитлера¹⁷³. Этим он объясняет недостаток их помощи в борьбе против нацистов, которую они могли бы оказать России. Сталин может стать следующим врагом, поэтому Рузвельт и Черчилль планируют, что силы Красной Армии должны быть так же истощены, как силы немецких войск, полагает Жид.

В записи от 13 апреля 1943 года Жид говорит, что французские коммунисты упрекали его за несвоевременную публикацию «Возвращения из СССР», ведь всё описанное там якобы, уже было известно. Но общественная ситуация во Франции требовала от них воздержаться от критики советского строя¹⁷⁴. Даже в политической дискуссии Жид считает это неприемлемым, поскольку как тогда воспринимать Стендаля или Паскаля¹⁷⁵. В записи от 19 апреля 1943 года Жид продолжит эту мысль: «Искусство обречено исчезнуть с лица Земли; постепенно, полностью. Это было уделом элиты, чем-то непостижимым для «простых смертных». Им оставались в радость вещи вульгарные. Но сегодня даже сама элита ставит под сомнение свои привилегии; больше не признает, что нечто должно быть присуще исключительно ей. [...] Я предвижу время, когда аристократическое искусство уступит место общему благополучию; когда индивидуальное утратит всякое значение и станет стыдиться самого себя. Уже сегодня мы видим, как в России осуждают то, что выражает особое чувство, и больше не принимают того, что может быть понято лишь немногими; и это

¹⁷¹*Ibid.* – P. 212.

¹⁷² *Ibid.*

¹⁷³*Ibid.* – P. 216.

¹⁷⁴ *Ibid.* – P. 226.

¹⁷⁵ *Ibid.*

рискует превратиться в нечто бессмысленное. Человечество пробуждается от своего мифологического оцепенения и вступает в реальность. Все его детские погремушки будут выведены из употребления; те, кто придет после, уже не смогут понять, как это было возможно – развлекаться ими на протяжении целых веков»¹⁷⁶. В каком-то смысле Жид предвосхищает здесь опасности постмодернистского дискурса, уравнившего элитарную и массовую культуры. В этом фрагменте прослеживается также, как Андре Жид разделяет внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Для него неоспорима первостепенная роль русских в борьбе с нацизмом, он не склонен переоценивать Америку и Англию, а смелость Красной Армии внушает ему восхищение. Но унификация мысли, с которой начинается его критика советского строя в «Возвращении из СССР» остаётся болезненной темой для Жида. В приведённом отрывке он как нигде прежде пессимистично смотрит на послевоенное будущее Европы и место искусства в ней. Хотя Россия для него выступает здесь альтернативой нацизму, но не обнадеживает в том, что касается отстаивания неповторимости человеческой индивидуальности, а, значит, и сохранения свободы мысли, интеллектуального разнообразия и культуры диалога.

Дальше записи о Советском Союзе и военных действиях встречаются всё реже. Жид размышляет об эстетических вопросах, говорит об условиях, в которых живёт в Тунисе и о тех людях, с которыми продолжает общение. Как и многие французы, он ожидает окончания войны и надеется на объединённые усилия советских, американских и английских войск, которые сначала деморализуют немцев, а после одержат победу над Гитлером. Чем яснее становилось, каким будет исход Второй мировой войны, тем меньше Жид обращался к этой теме.

11 октября 1944 года Андре Жид вспоминает о своей встрече с И. Эренбургом. Эренбург говорил о том, что литература – это оружие для борьбы, и Жид добавляет, что в СССР такой взгляд на искусство касается не только литературы, но и живописи, у которой, как будто нет другой задачи, как

¹⁷⁶ *Ibid.* – P. 227-228.

наставлять и быть нравоучительной¹⁷⁷. В шутливой манере он называет увиденные в Тифлисе работы не иначе, как «корками», которым, однако, присущ активный социальный пафос. Это воспоминание возникает у Жид на фоне его бесед со знакомым французским художником, чей разум на редкость для этой эпохи, остался незамутнённым и не ангажированным. А это самое важное качество человека для писателя – его индивидуальность и невовлечённость в чужие и зачастую навязанные нарративы. В своём «Дневнике» Жид нередко сетует на необходимость современников соотнести себя с тем или иным политическим лагерем, что замутняет взгляд даже самых умных людей, которые в силу собственной «партийности» не выносят альтернативного мнения.

Последнее упоминание Советского Союза в «Дневнике» Жид датировано 15 января 1945 г.: он признаётся в большом желании вновь посетить Советский Союз. Писатель говорит о том, что кроме «недостатков», о которых он писал в «Возвращении из СССР», ему нравилось почти всё¹⁷⁸. В первую очередь он говорит о народе, с которым испытывает душевное родство и о красивейших пейзажах, какие приходилось увидеть писателю в жизни. Даже не понимая русского языка, Жид отмечал доброжелательность русских, выражающуюся в жестах мимике советских людей. Жид подчёркивает, что не отказывается от своих слов о делении общества на классы и несвободе умов, которые так удручали писателя в Советском Союзе, но вместе с тем, он находит повод похвалить Сталина, под руководством которого страна идет к окончательной победе в страшной войне.

Публикацию «Возвращения из СССР» Жид постфактум объясняет необходимостью разоблачить обман властей, но никак не плохим отношением к советскому народу. Интересно, как меняется тон писателя: он называет свою жёсткую критику СССР всего лишь указанием на отдельные несовершенства. Можно предположить, что такая перемена вызвана резким неприятием писателем нацистского режима Германии. Жид добавляет, что конформизм советской элиты

¹⁷⁷ *Ibid.* – P. 278.

¹⁷⁸ *Ibid.* – P. 281.

и достаточно жесткий авторитарный режим могут стать характерными и для Франции, поскольку для победы над нацистским тоталитаризмом необходим альтернативный режим сильной руки. Писатель предполагает, что вскоре придётся бороться «с этим новым конформизмом»¹⁷⁹.

Военные годы сильно усложнили отношение Андре Жида к Советскому Союзу. Независимость мысли, которую он ставил, выше всего в человеке, Жид не находил в СССР, но предполагал, что это общемировой процесс, который уже коснулся Франции, и неминуемо может коснуться всех остальных: «Я думаю, что очень скоро будет признана обоснованность моих обвинений; особенно обвинения СССР в том, что там угнетена мысль. Всё, сказанное мной об этом, остаётся справедливым, по образцу СССР подобное угнетение начнёт осуществляться и во Франции»¹⁸⁰. Однако он симпатизирует СССР, поскольку только тоталитарный и непримиримый режим может победить гитлеризм. Неслучайно Жид критикует Францию за проявленную слабость, а Америку и Англию за преступную медлительность. Но Жид разделяет политическое и частное. Ему важно сохранить способность судить о явлениях «внепартийно», не подвергать репрессии своё мышление. В этом ему помогает «Дневник», служащий пространством для сомнений, размышлений и сознательного отстранения, дающего необходимую дистанцию для того, чтобы оценивать явления можно было более беспристрастно. И Жид ищет таких же собеседников в реальной жизни – один из них И.А. Бунин, как представитель белой эмиграции, не вступивший ни в один лагерь, занявший честную и сложную позицию. Жид и сам не боится меняться – как в отношении к политике, так и к литературе. Например, его интересуют суждения Бунина о Толстом, чтобы понять другого, а не застыть в своей «правде». Он может как восхищаться Советским Союзом, так и стать его жёстким критиком, если это будет вызвано его изменившейся оценкой, вопреки ожиданиям читателей. Эта честность и независимость мысли – то, что

¹⁷⁹*Ibid.* – P. 282.

¹⁸⁰*Ibid.*

удалось сохранить Жиду и художественно описать в своём последнем тексте «Тесей».

Притча «Тесей», написанная Жидом в Тунисе, представляет читателю духовное завещание, в котором французский классик метафорически высказывает те выводы, к которым он пришёл за жизнь. Читая это произведение, можно проследить, как Жид оценивал эволюцию своих взглядов. Рассказчик, Тесей, повествует о подвигах, совершённых им за жизнь и в то же время демифологизирует некоторые этапы своей биографии. Один из самых известных эпизодов его жизни, бой с Минотавром, Жид трактует в непривычном для читателя виде. Самым опасным в этом приключении для Тесея становится лабиринт, а не чудовище. Лабиринт символизирует коридоры человеческого воображения, в котором каждый рискует заплутать, потерять связь с реальностью, утратить себя и навсегда остаться в плену собственных ложных представлений о действительности. Даже те, кто смогут вырваться из лабиринта, не могут спасти свой рассудок от его колдовства¹⁸¹. Лабиринт продолжает присутствовать в них самих, и эту замкнутость на своих умозрительных представлениях о жизни Жид и считает самой главной опасностью для человека. Череда интеллектуальных ловушек, в которые рискует угодить человек в своей жизни, и есть самое опасное для Тесея, а его бой с Минотавром остаётся вне повествования. Тесей, не поддавшийся чарам лабиринта, выводит своих товарищей, которые всеми силами противятся, находясь в состоянии опьянения. Здесь читатель может найти аналогию с тем, как Жид эволюционировал к политическим темам на страницах таких работ, как «Путешествие в Конго», «Возвращение из Чада» или «Возвращение из СССР». Писатель считал, что современники хотят жить в мире иллюзий и неукоснительно спорил с догмами и стереотипами. В притче Тесей рассуждает об устройстве общества, затрагивая вопросы, который ставил перед собой Андре Жид, выбирая между коммунизмом и капитализмом. Тесей спорит о возможности равенства среди людей, о необходимости соперничества между ними. Выводы, к которым приводит Жид своего читателя, весьма однозначны.

¹⁸¹ Жид А. Тесей // Жид А. Собрание сочинений: В 7 т. Т.3. – М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 393.

Главное дело, совершённое Тесеем, – это то, что он оставит в наследство жителям Афин. Когда он осознал собственное предназначение, Тесей смог добиться настоящих результатов. Он жил не в соответствии с чужими представлениями, а руководствовался исключительно личным выбором. Выбор и сделал его личностью. Художник, как и Тесей, должен услышать собственный голос и творить, полагаясь на личное ощущение того, что он считает единственно верным. Чужие советы, суждения и чужие баталии только отвлекают его от главного дела. В этом рассказчик Жида видит единственное назначение в жизни человека.

О том, как складывались взгляды, представленные читателю в притче «Тесей» можно судить по «Дневнику», который писатель вёл в Тунисе во время работы над произведением. Андре Жид утверждал, что война покажет человечеству, что необходимо вернуться к ценностям частного человека. Большие исторические события формируются не только политическими лидерами, но и личностями далёкими от политики, именно этой мыслью дорожил автор «Тесея».

В заключении необходимо отметить, что переменчивость позиций Жида по отношению к СССР объясняется не только принципиальным отказом писателя от догматизма, верностью принципу «искренности», но и изменением общественно-политической ситуации в Европе. С началом Второй мировой войны Жид, как и многие представители европейской интеллигенции, увидел в Советском Союзе единственную силу, способную противостоять гитлеровской Германии и, оставаясь при своём мнении относительно несвободы мышления советского человека и возникновения контрреволюционных тенденций в советской действительности, Жид не колебался между сталинским и нацистским режимами. Более того, он смог найти некоторые плюсы в политике Сталина и, повторяя свою мысль о том, что СССР не до конца сформировался, продолжал надеяться на возможность увидеть на востоке справедливое и свободное государство, которое бы послужило примером для Европы. Отдельно стоит отметить неослабевающий интерес Жида к русской классике и эмигрантской литературе. Позднее именно Жид поздравит Бунина с юбилеем от лица французской интеллигенции в прессе и

до последних дней будет сохранять интерес к русской литературе в СССР и за его пределами.

Глава 3. Рецепция А.Жида в отечественной критике и литературоведении

3.1 Творчество А. Жида

в литературно-критическом сознании конца XIX–начала XX вв.

Принятие Андре Жида в России происходило в несколько этапов. До революции Жид почти не был известен в России. Единственной публикацией о нем в русской критике стала статья Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «В раю отчаяния. Андре Жид. Литературный портрет» (1904), которая была опубликована в десятом номере журнала В.Я. Брюсова «Весы». Целью этой статьи было познакомить русского читателя с произведениями Жида, представив отрывки из его произведений «Трактат о Нарциссе» (1891), «Путешествие Уриана» (1893), «Плохо прикованный Прометей» (1899), «Имморалист» (1902), снабдив их достаточно субъективными, но в то же время не лишёнными интереса комментариями. Первый тезис, который выдвигает Зиновьева-Аннибал – феномен писателя Андре Жида состоялся благодаря влиянию на него О. Уайльда и Ф. Ницше. Своё убеждение литературовед будет подкреплять примерами из произведений и словами Жида о Ницше и Уайльде¹⁸². Жанр литературного портрета допускал и оценочность суждений, и эссеистичность стиля, и произвольность ассоциаций. Критик проводит параллель между Жидом и античными персонажами, которых он транспонировал из мифологических сюжетов на реальность XIX века: «Андре Жид не мог принять мудрой умеренности эпикурейства: мир он пожелал превратить в свой сад, и моря свои взволновал неудержными желаниями»¹⁸³. Едва начавшись, анализ «Имморалиста» перетекает в рассуждение о философии Ницше, а после к отрывкам из «Плохо прикованного Прометея». Цель этого текста не столько анализ творчества, сколько выборочная презентация произведений французского писателя с

¹⁸²Зиновьева-Аннибал Л.Д. В раю отчаяния. Андре Жид. Литературный портрет // https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000100914?page=37&rotate=0&theme=white (дата обращения: 23.03.2022).

¹⁸³Там же. https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000100914?page=37&rotate=0&theme=white.

коротким комментарием. Зиновьева-Аннибал не предлагает читателю никаких сведений о биографии писателя, она говорит о стиле его произведений, дает беглую зарисовку, этюд в духе импрессионистических портретов, получивших распространение в западной и русской критике на рубеже XIX–XX вв.¹⁸⁴ Зиновьева-Аннибал находит творчество Жида актуальным для русского читателя и нуждающемся в переводах и публикациях. По её наблюдению произведения Андре Жида помимо своей стилистической изысканности способны представить умонастроения западных интеллектуалов.

Ещё одно упоминание Андре Жида присутствует в статье Максимилиана Волошина в литературном журнале Аполлон, где он рассказывает о французской литературе. В основном статья посвящена Анатолю Франсу (1844-1924) и его позднему творчеству, с которым он соотносит новые литературные имена Франции. «Каким человеческим, уютным и безопасным кажется это средневековое А. Франса с его адом, кострами, ересями и насилиями, если сравнить его с протестантской строгостью морали в той современной весь банальной семье, описанной Жидом, где отроки и девушки, читающие Бодлэра, Суинберна, Фому Кемпийского и Паскаля, тоже стремятся к спасению души, с холодной и жестокой страстностью истребляя в своих сердцах наивные и чистые ростки детской любви»¹⁸⁵. Волошин находит книгу Жида не очень удачной, выдержанной в сухих и скучноватых линиях. Для него эта книга об эгоизме, прикрытом словами о спасении души, и это произведение он находит типичной для своей эпохи, но не характерной для творчества Андре Жида. «Тесные врата» упоминается в связи с общим литературным контекстом Франции и не получает дополнительных комментариев от писателя. Формально Жид стал частью русского литературного контекста после этих упоминаний Зиновьевой-Аннибал и Волошина, но по-настоящему он был прочитан гораздо позже.

¹⁸⁴ См. подробнее: *Фенко С.В.* Французский литературный импрессионистический портрет: дис. ... к. филол. н. – М., МПГУ, 2021. – 157 с.

¹⁸⁵ *Волошин М.* Французская литература. // Аполлон, 1909, №1. – С. 20-23.

Знакомство советского читателя с произведениями Жида начнется в 1920-х гг. К этому времени во Франции Жид стал уже признанным классиком. Этот статус окончательно закрепился после публикации «Фальшивомонетчиков» (1925). Первым переведённым на русский язык произведением Жида стала повесть «Имморалист», которая была опубликована в 1923 году под названием «Безнравственный». Повесть не вызвала большого интереса ни у критики, ни у читателей. В 1926 г. в издательстве «Academia» выходят романы «Подземелья Ватикана» и «Фальшивомонетки». Последний – в переводе А.А. Франковского. Однако советская критика проявила гораздо больший интерес к опубликованной в 1928 году работе «Путешествие в Конго». Писатель, которого так сильно занимала форма произведения, не мог не считаться буржуазным, поэтому должного интереса к нему в СССР не возникало. Советская критика отмечала ценность путевых заметок Жида, ставших результатом его поездки в Конго, однако упрекала автора в том, что он не способен осознать всю важность социальных проблем и необходимость перемен в капиталистическом мире. Об этой «политической неграмотности» Жида якобы свидетельствовала, по мнению критиков, неспособность оценить положение в Конго с точки зрения марксистской мысли¹⁸⁶. Заметим, что Жид в своих статьях и «Дневнике» не единожды упоминал о том, что внимательно читал «Капитал» К. Маркса и другие работы социалистических мыслителей¹⁸⁷. Вместе с тем писатель признавался в «Дневнике»: «... Я совершенно не способен к политике. Так не требуйте от меня партийности»¹⁸⁸. Жид никогда не был партийным, и в этом утверждении он констатирует своё нежелание написать что-то в угоду тем или иным политическим силам.

Критикуя Жида за недостаточную «сознательность» и политическую безграмотность, советская критика одновременно убеждала читателей в его

¹⁸⁶ Харитонов Н.Ю. Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации // <https://cyberleninka.ru/article/n/andre-zhid-drug-sssr-rozhdenie-reputatsii/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

¹⁸⁷ *Gide A. Journal Une Anthologie (1889-1949)*. – P., Gallimard. – P. 306-335.

¹⁸⁸ Жид А. Страницы из Дневника // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 630.

приверженности коммунистической идее¹⁸⁹. Между тем Жид был очень осторожен в суждениях, не спешил делать безапелляционных заявлений, свидетельствовавших о его безусловной поддержке советской официальной идеологии, интересовался троцкизмом, взглядами на СССР русских эмигрантов¹⁹⁰. В некотором преувеличении со стороны советской критики, представлявшим Жида абсолютным единомышленником властей СССР, сомневаться не приходится. Однако многочисленные записи в «Дневнике» свидетельствовали о горячем интересе и симпатии к СССР. В 1932 г. одна из таких дневниковых записей Жида была опубликована в «Литературной газете» и стала достоянием широкой советской общественности. Жид писал: «Сейчас мне особенно хочется ещё достаточно прожить, чтобы иметь возможность увидеть, как восторжествует план новой России»¹⁹¹. Вскоре после этой публикации тональность советской критики изменилась со сдержанно-критической на почти апологетическую. Это был пролог к визиту французского писателя в Страну Советов.

Репутация Жида как большого писателя левых взглядов, симпатизирующего СССР, упрочилась после публикации его статьи «Страницы из дневника» (1933), в которой Жид критиковал католицизм и провозгласил коммунизм единственной альтернативой капитализму и католической церкви. «Церковь так тесно сплелась с худшими силами мира, с самыми, по существу своему, антихристианскими (я имею в виду такие силы, которым ученье Христа наиболее враждебно, – капитализм, национализм, империализм, армия), что теперь уже невозможно избавиться от этих гнусных сил, не свалив одним ударом и религию. Но нельзя считать Христа ответственным за банкротство христианства; ни тем более за то, что так называемые христианские народы убивают друг друга. Он отдаёт карты в руки коммунизма»¹⁹².

¹⁸⁹ Харитонова Н.Ю. Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации // <https://cyberleninka.ru/article/n/andre-zhid-drug-sssr-rozhdenie-reputatsii/viewer> (дата обращения: 23.03.2022)

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Литературная газета. 1932, 23 июля. №33. – С.1.

¹⁹² Жид А. Страницы из Дневника // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 620.

Об официальном признании Жида свидетельствовал выход в свет в 1933–1936 годах в Государственном издательстве художественной литературы четырехтомного собрания сочинений Андре Жида. В четырёхтомник вошли следующие произведения: «Стихотворения Андре Вальтера», «Плохо скованный Прометей», «Имморалист», «Изабелла», «Саул», «Подземелья Ватикана», «Пасторальная симфония», «Фальшивомонетчики», «Возвращение с озера Чад», «Путешествие в Конго» трактаты и критические статьи писателя. Издание было опубликовано с предисловием самого автора, написанным специально для русского читателя. Этот текст свидетельствует о том, насколько Жид был убеждён в успехах советского правительства ещё до посещения СССР: «Не без страха я вижу мои книги в ваших руках, молодые люди новой России. Настолько загружены они устарелыми проблемами, которыми вам не надо больше утруждать себя! Нам приходится бороться здесь с мнимым благоденствием, с призраками, со страшилищами, от которых вы теперь освобождены. Чаща, сквозь которую я пробирался, потеряла для вас значение»¹⁹³.

Автором вступительной статьи был авторитетный советский литературовед, впоследствии член-корреспондент АН СССР, и директор Института мировой литературы им М. Горького И.И. Анисимов. С 1928 г. он преподавал историю зарубежной литературы в Институте красной профессуры, был автором многочисленных статей о зарубежной литературе XIX–XX вв., писал о Золя, Барюсе, Роллане, Шоу, Цвейге, Драйзере и др.

Вступительная статья И.И. Анисимова была написана в традициях культурно-исторической школы и представляла творчество Жида как «документ эпохи», отражающий настроения западной интеллигенции рубежа веков. Советский ученый уделяет значительное внимание контексту, в котором формировался Жид: «Литература распада, рядившаяся в одежды новаторства, – «конец века», выдававший себя за начало блистательного литературного расцвета, – всё это коснулось первых произведений Жида. [...] Именно Жиду удалось

¹⁹³ Жид А. Собрание сочинений Т.1: Стихотворения; Прометей; Имморалист; Трактаты; Изабелла; Саул; Критические статьи. – Ленинград, Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – С. 33.

«догадаться», что силы буржуазного искусства иссякли, что «дерзость» декадентских литераторов была фальшивой»¹⁹⁴. Характеристика контекста носит идеологизированный характер, содержит почти обязательную для советского литературоведения после публикации статьи М. Горького «Поль Верлен и декаденты» (1896), в которой он называл декаданс «болезненно-извращенной литературной школой»¹⁹⁵, негативную оценку декаданса.

Эстетические взгляды раннего Жида ученый оценивает как иллюзии, существовавшими вопреки его бунтарскому нраву¹⁹⁶. Показательно, что в четырехтомник не были включены «Яства земные», столь сильно окрашенные индивидуализмом, эстетством и ницшеанством раннего Жида, и резко контрастировавшие с идеалами и ценностями, утверждавшимися советской идеологией.

И.И. Анисимов отмечал непоследовательность взглядов Жида и объяснял ее особенностями эпохи рубежа веков. В этой связи он высказывал мысль о том, что «Болота» и «Яства земные», написанные с промежутком в два года, являются антитезой по отношению друг к другу. Советский литературовед особенно выделяет тему фальши капиталистического европейского мира рубежа веков, которая, по мнению ученого, является сквозной в творчестве Жида. «Подземелья Ватикана» Анисимов называет важнейшим свидетельством всеобщего оскудения и фальшивости европейской предвоенной жизни, которую так мастерски изображает Жид. «Это выветрившиеся европейцы, это – манекены современной цивилизации – большой парад “круговращающегося сумасшествия”»¹⁹⁷. Единственной альтернативой всеобщей фальшивости в романе выступает Лафкадио, чей принцип «чистого действия» Анисимов называет беспричинным анархизмом, который обречён на неудачу, но знаменует зарождения в Жиде

¹⁹⁴ Анисимов И.И. Путь Андре Жида. // Жид А. Собрание сочинений Т.1: Стихотворения; Прометей; Имморалист; Трактаты; Изабелла; Саул; Критические статьи. – Ленинград, Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – С. 4.

¹⁹⁵ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. – М., Гослитиздат, 1941. – С. 231.

¹⁹⁶ Там же. – С. 26.

¹⁹⁷ Анисимов И.И. Путь Андре Жида. // Жид А. Собрание сочинений Т.1: Стихотворения; Прометей; Имморалист; Трактаты; Изабелла; Саул; Критические статьи. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1935. – С. 16.

новых идей¹⁹⁸. Этот роман-фарс Анисимов считает переломным в отношении Жида к политике, которая начала занимать больше места в его сознании.

В статье прослеживается, как во французском писателе пробуждается серьезный аналитик: если в ранних произведениях он любит пейзажами северной Африки, погружается в ее культуру, игнорируя колониализм Франции, то уже в «Имморалисте» И.И. Анисимов отмечает разочарование автора в окружающем мире (хотя напрямую пока не связывает это с политикой), и уже встречавшиеся описания Алжира и Туниса наполняются новым содержанием: «Трагический образ Мишеля Ламориньера окрашивает в мрачный колорит весь роман. Он заставляет поблекнуть радужные экзотические декорации, в которых развёртывается действие»¹⁹⁹.

Послевоенное творчество Жида, в котором усиливается критицизм писателя по отношению к капиталистическому обществу, И.И. Анисимов оценивает как важнейший этап в творческом становлении французского писателя, приведший его к признанию коммунистических идеалов.

Однако И.И. Анисимов не избегает разговора о поэтике Жида. Советскому ученому импонирует классицизм и поэтика сдержанности Жида, которые автор предисловия противопоставляет литературе декаданса²⁰⁰. Сопоставляя Жида с П. Клоделем, П. Валери и Ж. Барресом, он отдает предпочтение автору «Имморалиста». Ученый отмечает влияние на Жида Монтеня, Расина, Корнеля, Флобера и Достоевского. В «Фальшивомонетчиках» исследователь отмечает столкновение творческого метода с материалом, который нуждается в другой форме, что и стало, по его мнению, причиной структурной сложности романа. И.И. Анисимов поспешно называет А. Жида «своим» для СССР и акцентирует внимание на антибуржуазном пафосе его произведений.

Предисловием к «Фальшивомонетчикам», опубликованным в третьем томе собрания сочинений, стала небольшая статья А.В. Луначарского (1875-1933). Взгляд Луначарского на творчество Жида был определён его политической

¹⁹⁸ Там же. – С. 17.

¹⁹⁹ Там же. – С. 13.

²⁰⁰ Там же. – С. 14.

ангажированностью, и он связывал идею романа с критикой буржуазной морали. О том, что французская элита неизбежно будет «леветь», Луначарский написал статью «Куда идёт французская интеллигенция?» (1933)²⁰¹. Главной иллюстрацией этой мысли в глазах Луначарского стало «обращение» Жида, который, казалось бы, оставался не только аполитичным эстетом, но и человеком, не избавившимся от буржуазных предрассудков с точки зрения советской критики. Этой теме посвящена статья наркома просвещения СССР.

Идею Анисимова о движении Андре Жида от абстрактного символизма к возникновению в творчестве конкретной социальной проблематики продолжает Н. Рыкова в книге «Современная французская литература» (1939). Эта работа о французском классике стала в СССР последней на несколько десятилетий. Автор упоминает Жида наряду с Малларме и другими символистами рубежа веков в главе о французском символизме. Однако, Рыкова подчёркивает, что в отличие от своих современников, Жид всегда пытался вырваться из умозрительного мира «культуры» и «пролитературенного» воздуха замкнутых на себе символистских произведений²⁰². Рыкова отмечает, что первые попытки критики буржуазного общества обнаруживаются в «дурашливых повестях» А. Жида «Болота» (1895) и «Плохо прикованный Прометей» (1899). Эти произведения далеки от критики социального устройства, но Рыкова находит в них, несмотря на отсутствие конкретного адресата, протест писателя против «омещанивания», как омертвления духа²⁰³. Такой адресат, католическая церковь, появляется в повести Жида «Подземелья Ватикана», Рыкова пишет об этой книге как о новом этапе интереса Жида к социальному устройству общества. В этом же «насмешливой повести», по наблюдению Рыковой, особенно ярко возникает интересующий Жида образ бастарда, который противопоставлен стройной иерархии буржуазного мира. Сама невстроенность героя в социум обрекает его на отличное мироощущение и, как следствие, на «бескорыстный» поступок. Но главный роман писателя

²⁰¹Луначарский А.В. Куда идёт французская интеллигенция // Собрание сочинений в восьми томах. Том 6. Зарубежная литература и театр <https://traumlibrary.ru/book/lunacharskiy-ss08-06/lunacharskiy-ss08-06.html#s001029> (дата обращения: 23.03.2022)

²⁰²Рыкова Н. Современная французская литература. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1939. – С. 65.

²⁰³Там же. – С. 67.

«Фальшивомонетки» Рыкова считает наглядным подтверждением того, что Жид не преодолел влияния символизма и эстетизма. Эволюция писателя завершилась разочарованием в СССР, книгу о котором, Рыкова называет примером политической слепоты, свойственной буржуазным интеллигентам западного мира²⁰⁴.

Существенный вклад в популяризацию творчества Жида в СССР внес И. Г. Эренбург. Эмиграция И.Г. Эренбурга в Париж в 1908 г., где были изданы первые его стихотворные сборники, позволила писателю составить представление о литературном процессе во Франции. Начало 1930-х гг. – время, когда И.Г. Эренбург после поездок в Испанию и Германию убеждается в наступлении фашизма, неизбежности столкновения двух противоположных миров и необходимости занять активную гражданскую позицию. Эренбург делает свой выбор писателя-антифашиста, в этом качестве в 1935 и 1937 гг. представлял СССР на международных конгрессах в защиту культуры.

В этом контексте понятен интерес И.Г. Эренбурга к творчеству Жида и его положительная оценка. Впервые он поделился с советскими читателями своими впечатлениями о встрече с Андре Жидом в «Литературной газете» в 1932 г. «Последние годы принесли глубокий сдвиг сознания многих французских писателей. Наиболее показательным является последний этап Андре Жида. [...] Я недавно встретился с ним в Париже, и он мне говорил о принципах коммунизма с жаром пионера. Я, конечно, несколько сомневаюсь в экономических познаниях как Андре Жида, так и многих других дружественных нам писателей. Но их искренность и убеждённость не подлежат никаким сомнениям», – писал И.Г. Эренбург²⁰⁵.

23 октября 1933 года Эренбург опубликует в «Литературной газете» статью «Путь Андре Жида», в которой благосклонно отзывается о творчестве своего французского современника. Эренбург вслед за И.И. Анисимовым пишет о том, как аполитичный писатель постепенно пришёл к коммунистическим взглядам,

²⁰⁴ Там же. – С. 395.

²⁰⁵ Литературная газета. 1932, 5 августа.

параллельно анализируя произведения писателя. Центральной темой статьи становится перемена в мировоззрении французского писателя, которого ещё недавно называли в СССР буржуазным. Статья заканчивается такими словами: «Переход Андре Жида на сторону пролетариата подчёркивает тот знак равенства, который давно стоит между судьбой СССР и судьбой человечества»²⁰⁶. В личном письме И.В. Сталину Эренбург представит Жида в ряду благонадёжных западных писателей, которые могли бы стать надежными союзниками СССР²⁰⁷. Так постепенно готовилась почва для визита Жида в СССР, который по приглашению советского правительства писатель совершит 16 июня 1936 г.

Откликаясь на приезд французского писателя в Москву, газета «Известия» 17 июня 1936 года публикует материал, написанный в чрезвычайно восторженном стиле: «Сегодня красная столица встречает виднейшего писателя современной Франции, лучшего друга Советского Союза, непреклонного борца против войны и фашизма, одного из руководителей Международной ассоциации писателей для защиты культуры – Андре Жида»²⁰⁸. Жиду был оказан дружеский прием, оказана честь выступить на Красной площади с речью на похоронах М. Горького

Гром грянул после выхода в свет «Возвращения из СССР». Книга вышла в Париже в декабре 1936 г. В декабрьских номерах «Правды» и «Литературной газеты» за 1936 г. появились статьи, в которых книгу Жида называли клеветнической, лживой и «позорной», а ее автора «слабоумным» и вероломным²⁰⁹.

11 января 1937 г. в «Правде» было опубликовано письмо Ромена Роллана с осуждением книги Жида. Автор «Жан-Кристофа» не скупился на уничижительные эпитеты, называя книгу «поверхностной», «ничтожной» и «несвоевременной»²¹⁰. Роллан обвинил Жида в желании дешёвой популярности и в предательстве по отношению к СССР. Роллан делал акцент на

²⁰⁶ *Литературная газета*. 1933, 23 октября.

²⁰⁷ Эренбург И. Г. Письма Т. 2. 1931-1967. – М., Аграф, 2004. – С. 135.

²⁰⁸ *Два взгляда из-за рубежа*: Переводы. – М., Политиздат, 1990. – С. 7.

²⁰⁹ Бабинцев В.А., Беспалова К.А. Новая позиция Андре Жида в восприятии современников <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-pozitsiya-a-zhida-v-vospriyatii-sovremennikov/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

²¹⁰ *Два взгляда из-за рубежа*: Переводы. – М., Политиздат, 1990. – С. 50.

несвоевременности книги в ситуации, когда мир находится в предвоенном состоянии, и СССР может оказаться единственной реальной силой, способной противостоять фашистской Германии²¹¹.

Характерна перемена в отношении И.Г. Эренбурга к Жиду. В 1938 г. он напишет в личном письме Сталину: «Незадолго перед отъездом мне удалось одной из моих статей наконец-то поднять против Жида «левых писателей» – группу «Вандреды», Мальро и др. Важно это продолжить, на месте бороться с антисоветской кампанией»²¹². Позднее Эренбург опубликует в «Правде» статью «Цепь зла» (1944), в которой Жид станет центральной фигурой среди прочих критикуемых Эренбургом за их предательство гуманистических ценностей и пособничество фашизму²¹³.

Усугубило ситуацию и то обстоятельство, что в 1930 годы в России поменялось отношение к модернизму. Авангард 1920 сменился соцреалистическим искусством. Руководители советской культуры стремились отменить модернизм задним числом и создать такую литературоведческую парадигму, в которой модернизма раньше не существовало. В советской печати модернизм ассоциировали с чем-то грязным и низменным. В 1936 году в «Правде» были опубликованы две статьи без подписи, которые разоблачали советских модернистов в разных видах искусства. Статья «О художниках-пачкунах», где авторы обличали иллюстрации детской литературы, в частности Владимира Лебедева. И ещё более важная статья «Сумбур вместо музыки», которая изначально вышла без подписи. Однако сейчас общеизвестно, что обе статьи написал Давид Заславский, а впоследствии правил Сталин. В этой статье критик обрушился на оперу Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», но она была направлена и на стигматизацию всего модернизма в целом. Изданные незадолго А. Жид, Л.Ф. Селин были запрещены и исчезли из читательского обихода. В 1935 году была расстреляна группа переводчиков,

²¹¹ Там же. – С. 51.

²¹² Там же. – С. 255.

²¹³ Кулябин А.М. Литературно-критическая публицистика И.Г. Эренбурга в период Великой Отечественной войны: проблема жанровой типологии <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturno-kriticheskaya-publitsistika-i-g-erenburga-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-problema-zhanrovoy-tipologii/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

готовивших издание на русском языке «Улисс» Джеймса Джойса. Были запрещены и многие другие модернистские писатели, и не все из них в полной мере вернулись в Россию в статусе прежних классиков.

Жида поддержала русская эмиграция: Н.А. Бердяев, А. Керенский и Б. Суварин, отправили писателю письма с выражением поддержки и уважения²¹⁴. Резкая перемена в позициях Жида, произошедшая на рубеже 20–30 годов и приведшая его к коммунистическим взглядам, не осталась незамеченной в эмигрантской среде, призывавшей западную интеллигенцию игнорировать советскую пропаганду. Поэтому изначальный интерес к Жиду как писателю сменился критикой его позиции как популяризатора советских идей в Европе. Имя Жида стало нарицательным, его «обращение» в коммунистическую веру широко обсуждалось в эмигрантской среде. Но первые статьи об Андре Жиде не были политизированы. В 1930 году в журнале «Числа», который выходил в Париже с 1930 по 1934 годы была опубликована статья В.С. Варшавского «Несколько рассуждений об Андре Жиде и эмигрантском молодом человеке»²¹⁵. В.С. Варшавский эмигрировал из России в 1920 году, за границей он стал участником литературно-философского объединения «Зелёная лампа», общался с С.Я. Эфроном и Б.Ю. Поплавским. Свои статьи он публиковал в журналах «Современные записки», «Числа» и «Новый град», чьи идеи «социального христианства» и «христианской демократии» были ему близки. Критик полагал, что проза французского писателя может подходить для русских молодых людей, ещё не успевших окончательно сформироваться, поскольку им также присущ тот поиск, который был свойственен молодому Жиду. В статье В.С. Варшавский проводит параллели между Жидом и Достоевским, отмечая как близость двух писателей, так и различия между ними, размышляет о том, как русские эмигранты воспринимают Жида, чем он мог бы быть им близок.

В 1932 году в «Последних новостях», русскоязычной газете, выходившей в Париже с 1920 по 1940, поэт и публицист Г. Адамович (1892–1972) публикует

²¹⁴Бабинцев В.А., Беспалова К.А. Новая позиция Андре Жида в восприятии современников // <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-pozitsiya-a-zhida-v-vospriyatii-sovremennikov/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

²¹⁵Числа. 1930, №4.

статью «Андре Жид и СССР». Г. Адамович в начале своего творческого пути был близок к акмеистам. Его первый сборник стихотворений «Облака» (1916) благосклонно оценил Н.С. Гумилёв. В 1923 году Адамович эмигрировал в Берлин, после жил во Франции. Он был одним из самых известных литераторов русского зарубежья. В статье о Жиде Г. Адамович пытается проследить причины возникновения левых взглядов у французского писателя и надеется, что посещение Страны Советов во многом поспособствует «отрезвлению» писателя²¹⁶.

Адамович, в отличие от многих коллег, не упрекает Жида в конъюнктуре или «разжижении мозга», он подчёркивает, что личность французского писателя всегда была противоречива в силу масштаба дарования и мысли, поэтому необходимо не впадать в огульное осуждение. При этом Адамович отмечает, что по отношению к вершинам европейской культуры, таким, как Ницше, Жид всё-таки вторичен, поскольку во многом продолжает его философию, не добавляя к ней своего.

Д.С. Мережковский в своей статье «Андре Жид и СССР» (1933) рассматривал Жида как фигуру, в мировоззренческой и политической позиции которой отразились представления многих образованных европейцев. Русский писатель утверждал, что пишет о «коллективном Андре Жиде». Справедливо осуждая многие минусы капитализма и напрямую связанного за ним милитаризма, они, подчёркивает Мережковский, не знают, насколько ни с чем не сравнимый рабский режим установили в СССР большевики²¹⁷. Уничижительный тон этой статьи связан с тем, что Мережковский считал одинаковыми болезнями, как коммунистическую идеологию, так и буржуазное европейское сознание. Выбор между ними был для него выбор между двух зол²¹⁸.

Таким образом, можно постулировать, что позиция как советской, так и эмигрантской критики по отношению к творчеству А. Жида были не лишены

²¹⁶ *Последние новости*, 1932, 23 сентября.

²¹⁷ Харитонова Н.Ю. Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации // <https://cyberleninka.ru/article/n/andre-zhid-drug-sssr-rozhdenie-reputatsii/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

²¹⁸ Мы постарались осветить позицию лишь наиболее крупных представителей эмигрантской критики в отношении А. Жида. Более подробный обзор можно найти в издании «Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940)» <https://cyberleninka.ru/article/n/zhid-gide-andre-1869-1951/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

идеологической окрашенности. Как советская, так и эмигрантская критика, с одной стороны, признавая бесспорный талант писателя, в оценке его творчества исходила из собственных идеологических предпочтений. Если советская критика, сначала восхваляла Жида как идейного союзника СССР, а затем после публикации «Возвращения из СССР» осудила как ренегата, то эмигрантская, напротив, недоумевала по поводу левых симпатий писателя.

3.2. Андре Жид в советской и российской критике и литературоведении

После выхода в свет «Возвращения из СССР» вокруг Жида в нашей стране возник «заговор молчания». На протяжении нескольких десятилетий фигура французского писателя, в сущности, пропадает из поля зрения как критиков и литературоведов, так и читателей. Краткие упоминания имени французского писателя и небольшие пассажи о нем встречаем в книге Л.Г. Андреева Л.Г. «Французская литература 1917-1956 гг.» (М., 1959), в академической «Истории французской литературы» (Т. 4, 1963).

В академической четырехтомной «Истории французской литературы» Жид, в отличие от Роллана и Мартен дю Гара, еще не удостоился отдельной главы в разделе «Прогрессивная литература 30-х годов». Очевидно, советское литературоведение не рассматривало его в ряду «прогрессивных писателей». Небольшой пассаж об авторе «Фальшивомонетчиков» содержится в разделе «Модернистские и консервативные течения в литературе между двумя мировыми войнами». Жид представлен, наряду с Прустом, «властителем умов известного круга французской интеллигенции 20-30-х годов»²¹⁹.

Публикация в академической истории литературы стала прологом к возвращению Жида в советское культурное пространство. В 1964 г. в

²¹⁹История французской литературы: В 4 Т. – М., Издательство АН СССР, 1963. – Т. 4. – С. 202.

девяти томную «Краткую литературную энциклопедию» была включена статья о Жиде, написанная А.Д. Михайловым²²⁰.

Вслед за этими первыми публикациями в авторитетных изданиях 1960-х гг. о Жиде в советском литературоведении середины 1970-х гг. появились более обстоятельные работы о писателе. В 1976 году Издательство ленинградского университета публикует монографию А.И. Владимировой «Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков (1890–1914)». В этой работе литературовед исследует важные проблемы литературы и искусства рубежа веков: поиск «новой правды», кризис романа, символизм и синтез искусств. Значительная часть исследования посвящена Андре Жиду и его месту в литературе, изучаемой ей эпохи.

Автор постулирует, что пришедшее на рубеже веков новое поколение писателей, к которому справедливо причисляет и А. Жида, пересматривало традиции XIX века и реалистического искусства. А. И. Владимирова подчеркивает особую роль Жида в отстаивании принципа «независимости искусства» не только от миметического модуса, но и от интеллектуализма²²¹. Жид в этой статье представлен как один из главных голосов своего поколения, пропагандировавший среди прочих «искренность», ставшую для писателей важнейшим жизненным принципом и эстетической ценностью.

А.И. Владимирова раскрывает причины популярности «Яств земных» и «Имморалиста», в которых писатель утверждал свое представление об алогичности человеческой личности и принцип «бесполезного действия»²²².

Проблеме рецепции Ф.М. Достоевского французским литературным сознанием посвящена статья А.И. Владимировой «Достоевский во французской литературе XX века»²²³. Давая аналитический обзор социокультурной и литературной ситуации во Франции конца XIX-начала XX вв. автор отмечает

²²⁰Краткая литературная энциклопедия: В 9 Т. – М., Советская энциклопедия, 1964. – Т. 2. – С. 935–936.

²²¹Владимирова А.И. Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков (1890–1914). – Ленинград, Издательство ленинградского университета, 1976. – С. 15.

²²²Там же. – С. 67.

²²³Владимирова А.И. Достоевский во французской литературе XX в. // Владимирова А.И. Достоевский в зарубежных литературах. Ленинград, «Наука» Ленинградское отделение, 1978. – С. 37–60.

значимость фигуры Достоевского для борьбы с достижениями реализма²²⁴. Исследователь отмечает, что интерес Жида к Достоевскому носил не только теоретический, но и творческий характер, что Жид прибегает в своих произведениях к «прямым аналогиям, психологическим, сюжетным и философским сопоставлениям с романами великого русского писателя»²²⁵. Отмечая влияние Достоевского на Жида и других французских писателей, А.И. Владимирова приходит к выводу, что «Жид... и другие «ученики» Достоевского на западе узко и односторонне воспринимали его достижения и не создали ничего, что можно было бы поставить рядом с его произведениями»²²⁶. По достоинству оценив открытия Достоевского в области психологического анализа, Жид, прошел мимо этического пафоса его творчества, считает Владимирова²²⁷. Признавая безусловный вклад работ А.И. Владимировой для изучения Андре Жида в России, следует заметить, что из поколения Жида не сделал столько для того, чтобы дать французскому читателю представление об эстетическом новаторстве и философской глубине романов русского классика. В борьбе с наследием натуралистического сциентистского романа именно А. Жид противопоставляет ему наследие Ф.М. Достоевского, чей художественный и духовный опыт существенно расширял европейское сугубо рационалистическое представление о человеке. Многие европейские писатели чувствовали кризис западного романа, но именно «Яства земные», «Имморалист» и «Тесные ворота» стали яркими событиями во французской литературной жизни и альтернативой прозе Э. Золя или братьев Гонкуров. Помимо философского содержания романов Достоевского, Жид испытал большое влияние современной ему европейской философии, в частности Ф. Ницше и А. Бергсона, что сказалось на его раннем творчестве. В его задачи не входило исключительно продолжать идеи русского классика. Жида интересовала эстетическая сторона романа, он стал основоположником того, что мы часто называем метароманом или «романом с ключом», существенно повлияв на развития романного жанра во Франции и,

²²⁴Там же. – С. 49.

²²⁵Там же. – С. 51.

²²⁶Там же. – С. 55.

²²⁷Там же. – С. 60.

шире, в Европе. В этом смысле, Жид отталкивается от опыта Достоевского, но развивает свою эстетическую концепцию.

В монографии З.И. Кирнозе ««Французский роман XX века» (1977) Жиду посвящен раздел, в котором внимание исследователя сосредоточено на романе «Фальшивомонетки»²²⁸. Дав обстоятельный анализ романа, З.И. Кирнозе показала отличие романа Жида от традиционной формы реалистического социально-бытового повествования и романа нравов. В разделе выявлено своеобразие трактовки семейной темы в романе в сопоставлении с тем, как эта тема решалась в творчестве Ф. Мориака, Р. Роллана, Ж. Грина. Автор отмечает «диалогическую ориентацию» романа «Фальшивомонетки», ориентацию автора на «неэпическую изобразительность и драматические элементы романа»²²⁹, исследует причудливое сочетание в структуре романа драматического и лирического начала. Затрагивает З. И. Кирнозе и тему влияния Ф.М. Достоевского и О. Уайльда на поэтику Жида, обнаруживает связи Жида с импрессионизмом. Вывод, к которому приходит автор: «Фальшивомонетки» – революционный роман, направленный не только против семьи, но и против традиционной формы романа. Работа З.И. Кирнозе обращает на форму романа, которая организует содержание. То, что в ранне-советские годы считалось буржуазным проявлением формотворчества у Жида – и на этом строилась критика французского писателя И.И. Анисимовым – стало объектом тщательного исследования у З.И. Кирнозе. В 1930-ые годы исследователи говорили о форме романов Жида, как о не несущих за собой никакой положительного социального смысла, и отмечали эволюцию писателя только в его поздних публицистических работах, критикующих капитализм. Кирнозе преодолевает это идеологическое отношение и постулирует новаторство «Фальшивомонетчиков» на примере разрыва Жида с традицией, как по форме, так и по содержанию романа. Они гармонично дополняют друг друга и расширяют опыт европейского читателя, который начал искать новые ориентиры в меняющемся после событий Первой мировой войны мире.

²²⁸Кирнозе З.И. Последний среди классиков, первый среди модернистов (об Андре Жиде и его романе «Фальшивомонетки») // Кирнозе З.И. Французский роман XX века (Годы 20-30-е. проблемы жанра). Горький, Волго-Вятское кн. Изд-во, 1977. – С. 110-126.

²²⁹Там же. – С. 118.

Работы А.И. Владимировой и З.И. Кирнозе особенно отчетливо обозначили смену перспективы, в которой советское литературоведение рассматривало творчество Жида. Сильный в 1920–40-е гг. политический акцент сменился в 1960–70-х поэтологическим. Внимание литературоведов все более привлекает Жид-художник, его вклад в развитие жанра романа, место во французской литературе XX в. и все менее его политические взгляды и эволюция его оценок СССР.

Окончательное «возвращение в СССР» А. Жида произошло уже в годы перестройки на волне «возвращения» многих авторов и произведений, дотоле не получавших доступа к широкому читателю. В 1990 годы возобновляются переводы многих не издававшихся ранее произведений французского классика, например «Тесных врат». Печатают некоторые отрывки из «Дневника», хотя полностью это произведение не переведено до сих пор. Были опубликованы только разрозненные отрывки разных лет. Редкие издания сопровождаются статьями Л.Н. Токарева и В. Никитина. Были снова опубликованы главные произведения писателя: «Фальшивомонетки», «Имморалист», «Подземелья Ватикана» и, конечно, книга о посещении нашей страны. Тогда её содержание получило совсем другую трактовку. Например, в 1990 году вышла книга «Два взгляда из-за рубежа», уместившая под одной обложкой книги А. Жида и Л. Фейхтвангера²³⁰. Предисловием послужила большая статья журналиста Альберта Плутника, представившего читателю контекст, в котором выходили эти работы, и комментарий к двум взглядам на СССР. Плутник однозначно стоит на позициях Жида, но и не спешит объявлять книгу Фейхтвангера клеветой или политическим заказом. Несмотря на некоторую ангажированность статьи, она написана без подтасовки фактов и попытки манипулировать читателем, говоря об идеологической стороне вопроса. Она даёт подробное представление о том, как нашу страну изобразили два крупных западных автора в 1930 годы.

Из публикаций о Жиде, сделанных в перестройку, стоит также отметить статью Л. Н. Токарева «Быть как можно более человечным...» (1990)²³¹. Она стала

²³⁰ *Два взгляда из-за рубежа*: Переводы. – М., Политиздат, 1990. 272 с.

²³¹ Токарев Л.Н. Быть как можно более человечным... // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 5-25.

предисловием к изданию книги, включившей три ключевых текста Жида: «Подземелья Ватикана», «Фальшивомонетки» и «Возвращение из СССР». В этой статье Л.Н. Токарев прослеживает творческий путь писателя, останавливается на контексте, в котором складывалась его творческая биография – от символистов до событий Второй мировой войны. Автор предисловия представлял Жида советскому читателю как личность, увернувшуюся от ярлыков и однозначного определения. Токарев показывает его как человека поиска, этим объясняет его причудливую философию, в основе которой, по убеждению автора, был гуманизм.

В 1994 г. в томском издательстве «Водолей» вышла книга эссе А. Жида, в которую, кроме его книги о Достоевском были включены эссе писателя о литературе, а в приложении – литературный портрет Андре Жида, принадлежащий перу Реми де Гурмона²³².

Знаковым событием на долгом пути вхождения Жида в русское литературное сознание стало издание в 2002 г. в издательстве «Терра» семитомного собрания сочинений Андре Жида с комментариями и обширной вступительной статьёй В. Никитина. В собрание сочинений вошли как художественные, так и публицистические произведения писателя. Также благодаря этому изданию были опубликованы произведения А. Жида, которые не печатались в России раньше, например, «Тесные врата» (1909), «Тесей» (1946), автобиографию писателя «Если зерно не умрёт...» (1927), эссе «Коридон» (1911) в котором Жид размышляет о природе гомосексуализма в форме платоновских диалогов. В этом собрании сочинений составители не делают акцент на политических взглядах Жида. Вступительная статья В. Никитина «Андре Жид: Вехи творческого пути» даёт представление об основных этапах биографии писателя, о причинах, случившихся с ним метаморфоз. Их Никитин объясняет с точки зрения биографизма писателя, предугадывая возможные вопросы читателей о необходимости упоминания деталей личной жизни писателя: «Однако в случае с Андре Жидом, отказавшись от знания этих интимных

²³² Жид А. Достоевский. Эссе. – Томск, «Водолей», 1994. – 288 с.

подробностей, мы рисковали бы не понять очень многие моменты и в его творчестве»²³³.

В отличие от предисловия И.И. Анисимов к собранию сочинений 1933–36 годов, в котором весь творческий путь писателя сводился к обращению в «коммунистическую веру», В. Никитин даёт более широкую перспективу. Он обращает внимание на «Топи», которые впоследствии французские писатели и филологи считали произведением-предтечей литературного модернизма XX века²³⁴. Никитина интересует, как соотносилась биография писателя с его произведениями, и попытка установить подлинное место Андре Жида во французской литературе. В этом смысле, ссылаясь на слова Жида, он утверждает, что писатель стоит в одном ряду с великими предшественниками и последователями, ведь «наиболее последовательно придерживаются традиции те ученики великих мастеров, которые не боятся её нарушать»²³⁵. Таким писателем, безусловно, был и сам Андре Жид, не боясь экспериментов и находясь в постоянном поиске.

Характерно, что увлечение коммунизмом, завладевшее сознанием А. Жида, в России 2000-х трактовали уже не так, как это было в 1930-е годы. Увлечение Жида левыми идеями интерпретировалось как попытка выйти из «башни из слоновой кости», как потребность в духовном обновлении²³⁶, а не как протест против мерзостей буржуазного строя.

Статья Л.Н. Токарева предлагала свой вариант ответа на вопрос о причинах увлечения Жида коммунистической идеологией. С точки зрения автора статьи, в стан левой интеллигенции Жида привело желание осмыслить громадные события своего века: «великую депрессию» 1929–1930 годов; приход в Германии к власти фашизма, борьбу за Народный фронт во Франции; беспрецедентный эксперимент

²³³Никитин В. Андре Жид: Вехи творческого пути // Жид А. Собрание сочинений в 7 т. Т.1, – М., Терра – Книжный клуб, 2002. – С. 6.

²³⁴Там же. – С. 11.

²³⁵Там же. – С. 17.

²³⁶Никитин В. Андре Жид: Вехи творческого пути // Жид А. Собрание сочинений: в 7 т. Т.1, – М., Терра – Книжный клуб, 2002. – С. 24.

построения социалистического общества в Советском Союзе²³⁷. Однако эти грандиозные события разные писатели осмысливали с разных и не обязательно левых позиций.

Изменение политической конъюнктуры и эстетических установок не могло не сказаться на литературоведческих интерпретациях и подходах. По сравнению с 1920–50-ми, и даже 1960–70-ми годами, модернизм был реабилитирован. Теперь в Жиде видели и ценили, наряду с М. Прустом, крупнейшего представителя французского модернизма, новатора в романном жанре. Именно так Жид был представлен в обзорно-аналитической статье Н.Ф. Ржевской о писателе в девяти томной академической «Истории всемирной литературы»²³⁸. Появление отдельного, пусть и небольшого раздела в столь солидном и авторитетном издании свидетельствовало о «канонизации» Жида в отечественном литературоведении.

Из новейших работ об А. Жиде выделим труды С.Л. Фокина. В его монографии «Русская идея во французской литературе XX века» (2003) содержится глава «Обращение: Советская Россия в «Дневнике» Андре Жида», в которой на материале непереведенного на русский язык «Дневника» писателя литературовед реконструирует процесс «обращения» французского писателя в коммунистическую веру, в котором, как показывает ученый, определенную роль сыграл и кризис религиозности Жида, и «иммориализм революции», близкий ему по духу²³⁹, и параллели в сознании писателя между Русской революцией и Великой французской революцией, событий, в которых Жиду был близок пафос разрушения старого мира и созидания нового, и необходимость сделать выбор между коммунизмом и фашизмом.

С.Л. Фокин трактует обращение Жида к коммунистическим идеям как этап на пути нравственно-философских исканий автора «Имморалиста»: «Вопрос о новой морали является принципиальным: ничто так не волнует Андре Жида в

²³⁷Токарев Л.Н. Быть как можно более человечным... // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. – М., Моск. рабочий, 1990. – С. 19.

²³⁸Ржевская Н.Ф. А. Жид // История всемирной литературы: В 9 т. – М., «Наука», 1994. – Т. 8. – С. 229–231.

²³⁹Фокин С.Л. Советская Россия в «Дневнике» Андре Жида // Фокин С.Л. «Русская идея» во французской литературе XX века. – СПб., Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2003. – С. 51.

коммунизме, как возможность созидания новой морали, которая пришла бы на смену морали буржуазного общества, принуждающей индивида к лицемерию ради сохранения благополучия»²⁴⁰.

Отдельно С.Л. Фокин касается и модернистского мировоззрения, которое определило интерес А. Жида к коммунистической идеологии. Многие писатели-модернисты зачастую связывали свои эстетические концепции с идеологическими доктринами своего времени, а некоторые из них придерживались крайне левых взглядов, как, например, Андре Бретон. Художественная революция, о которой мечтали модернисты, находила у некоторых из них продолжение в мечте о революции социальной. Они были вовлечены в общественные процессы и редко оставались в «башне из слоновой кости».

В монографии С.Л. Фокина «Фигуры Достоевского во французской литературе XX века» (2013) Жиду посвящена глава «Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида», в котором литературовед рассматривает тему, близкую нашему исследованию – рецепция фигуры Достоевского Жидом. Однако С.Л. Фокина интересуется не образ России и русских в книге Жида о великом русском писателе, не Достоевский и его творчество как отражение «русскости», а те точки пересечения в духовных исканиях и мировоззрении Достоевского и Жида, которые предопределили «избирательное сродство» двух больших писателей и обращение Жида к фигуре русского гения. Такими точками соприкосновения оказывается, по мнению ученого, «всеотзывчивость» Жида ко всему новому в литературе и общественной мысли и стремление Жида к «полифоничности» повествовательной техники²⁴¹.

С.Л. Фокин приходит к выводу, что фигуру Достоевского Жид использует зачастую как весомый аргумент в отстаивании собственных эстетических взглядов и этической позиции²⁴², а творчество великого русского писателя становится арсеналом, из которого его французский собрат по перу отбирает идеи и приёмы, которые впоследствии будет, переосмысляя, а иногда пародируя,

²⁴⁰ Там же. – С. 53.

²⁴¹ Фокин С.Л. Культ избирательного сродства в генезисе «Достоевского» Андре Жида // Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб., РХГА, 2013. – С. 108.

²⁴² Там же. – С. 103.

реализовывать в своей прозе. С.Л. Фокин приводит читателя к очень убедительному выводу: «Книга «Достоевский» заключает в себе элементы творческой автобиографии Жида. Она по крупницам вбирала в себя малейшие подвижки его писательского опыта на протяжении почти трёх десятилетий, важнейшие моменты эволюции его взглядов на роман, равно как значительное усложнение его мировоззренческой позиции. Фигура Достоевского – мыслителя и романиста – предстаёт своего рода неотступным двойником, которому французский писатель поверяет самые смелые свои философские идеи и эстетические начинания»²⁴³.

Тема Достоевский и Жид, правда, в ином аспекте рассматривалась в статье В.Б. Зусевой «Мотивы и сюжетные функции персонажей «Бесов» Ф.М. Достоевского и «Фальшивомонетчиков» А. Жида» (2006)²⁴⁴. Автор рассматривает вопрос о влиянии «Бесов» Достоевского на «Фальшивомонетчиков» Жида, отмечает сходство некоторых мотивов, персонажей и сюжетных схем в двух романах (создание маленьких обществ, объединённых преступлениями, вторжения дьявола в повседневность, издевательство над беззащитными детьми и т.д.) и их трансформацию в романе Жида.

В русском литературоведении Андре Жид зачастую возникал в сопоставлении с другими писателями. В этом смысле примечательны диссертации: «Полифонический роман Достоевского и творчество французских писателей модернистов А. Жида и Алена-Фурнье» М.В. Дубинской (2015) и «Дневниковая и автобиографическая проза Поля Клоделя и Андре Жида» Т.А. Кашиной (2017). Однако в первой работе больший акцент делается на повести А. Жида «Тесные врата»: как на её появление повлияла проза русского классика, какие метаморфозы происходили в жизни Жида, и как они связаны с религиозными исканиями писателя. Другие произведения Жида в работе анализируются не так подробно, и большое внимание уделяется как фигуре Ф.М. Достоевского, так и Алену-Фурнье. Сравнительная работа, посвящённая Клоделю

²⁴³ Там же. – С. 114.

²⁴⁴ Зусева В.Б. Мотивы и сюжетные функции персонажей «Бесов» Ф.М. Достоевского и «Фальшивомонетчиков» А. Жида // <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-i-syuzhetnye-funktsii-personazhey-besov-f-m-dostoevskogo-v-romane-a-zhida-falshivomonetchiki/viewer> (дата обращения 23.03.2022).

и Жиду, представляет очень подробный анализ того, как развивались пути двух современников, начинавших литературную карьеру в одно время писателей. Их сближала не только избранный жанр дневниковой и автобиографической прозы, но и близость к символистам, в круг которых входили оба французских классика. Католик Клодель и протестант Жид преподносятся исследователем в первую очередь как религиозные писатели, хотя мировоззрение каждого (особенно Жида) претерпевало серьёзную эволюцию. Объектом анализа избрана дневниковая проза и автобиографические произведения: в случае Жида Кашина выбрала также «Тесные врата» посвятив анализу повести большой фрагмент диссертации. Не отрицая научной новизны этих работ, нельзя не отметить, что Жид нигде не фигурирует как самостоятельная фигура в литературном пространстве, и его художественное наследие представлено недостаточно подробно.

Статья С.Н. Зенкина «Андре Жид: начало» (2000) представляет особый интерес, так как в ней впервые в российском литературоведении был сделан акцент на раннем творчестве писателя. «Бывает, хоть и нечасто, что в «раннем» творчестве отчётливее, чем в «зрелом», высказывается то новое оригинальное слово, которое писатель должен был сказать. Именно так случилось с Андре Жидом. Его реалистические романы и повести, созданные начиная с 1900-х годов [...] при всей своей значительности не только раскрывают, но и скрывают настоящую личность автора»²⁴⁵. Зенкин прослеживает как зарождались те идеи писателя, которые нашли своё наиболее известное для читателя воплощения в персонажах «Имморалиста», «Подземелий Ватикана» и «Фальшивомонетчиках». Эти персонажи не знают ни нравственности, ни корысти – их главной мотивировкой остаётся самопознание и любопытство к миру во всём его многообразии. Этим С.Л. Фокин (и отчасти С.Н. Зенкин, хотя статья почти не затрагивает политических пристрастий писателя) объясняют то, что Жид не спешит осуждать методы большевиков при перековке человека. Сам эксперимент над человеческой природой и умозрительное представление о русском человеке и

²⁴⁵ Там же. – С. 7.

его будущем (начавшееся ещё с чтения произведений Достоевского) влекли Жида в Россию, проверить свои воззрения.

Особый интерес представляют статьи Н.Ю. Харитоновой «К истории публикации «Возвращения из СССР» Андре Жида: взгляд из Кремля» (2016), «Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации» (2017), «“Постоянно бодрствующий дух критики” против стратегий советской культурной дипломатии: письмо Андре Жида послу СССР» (2020). В работах собран большой фактический материал об истории создания, публикации и восприятия «Возвращения из СССР» Жида в СССР. Автор представляет французского писателя не просто догматиком коммунизма, который внезапно изменил свои позиции, но человеком сомневающимся, ищущим доподлинных подтверждений.

Н.Ю. Харитонова в своих работах прослеживает путь, который прошёл Жид, защищая Виктора Сержа, интересуясь советской оппозицией, этапы очарования и разочарования писателя. Для подкрепления своих аргументов, исследователь переводит и приводит неизвестные русскому читателю тексты: статью Мережковского об Андре Жиде, письмо французского эстета послу СССР после проведения парижского Конгресса в защиту культуры 1935 года. Благодаря этим работам можно получить более полное представление о сомнениях А. Жида и его взаимоотношениях с советскими и французскими современниками. Давление, оказывавшееся на Жида со стороны его идейных противников и вынужденных союзников, было колоссально, доказывает Харитонова, однако, писатель смог отстоять право на личное мнение и объективность. В этих статьях Жид представлен как исторический персонаж в контексте своей эпохи, как публицист и мыслитель. Работы Харитоновой привнесли необходимые дополнительные аспекты для понимания советской эпохи и культурных связей СССР и Франции, восполнили существовавшие лакуны. Однако о писательском наследии Жида в статьях исследователя почти ничего не говорится.

В прояснение вопроса о восприятии книги Жида об СССР во Франции и в Стране Советов существенный вклад вносит работа В.А. Бабинцева и К.А.

Беспаловой «Новая позиция А. Жида в восприятии современников» (2016)²⁴⁶. Однако, как и труды Н.Ю. Харитоновой, эта статья носит скорее фактологический, нежели аналитический характер и, представляя несомненную ценность как источник сведений, не содержит литературоведческого анализа произведений французского писателя.

В 2020 году Н.Б. Маньковская опубликовала статью «Нарцисс в зеркальных отражениях. Символистская эстетика Андре Жида», где подробно остановилась на раннем, символистском этапе творчества писателя, а дальнейшую творческую биографию осветила в качестве отречения и размежевания с кругом символистов. Важным наблюдением и отправной точкой для статьи стала мысль Маньковской о том, что Жид следует воспринимать как «философа искусства»²⁴⁷. И этот подход позволяет шире рассматривать такие произведения как «Трактат о Нарциссе», «Опыт любви, или Трактат о тщетности желаний», «Топи» и «Плохо скованный Прометей». Маньковская замечает, что символистское начало, с которым Жид боролся в себе, написав, например, «Топи», где беспощадно критиковал участников кружка Малларме, куда ходил и сам, никогда его до конца не покидало. Символизм стал для Жида продолжением его эстетических взглядов на искусство, попытку уклониться от повседневности и вульгарной реалистичности, которой требовала эпоха от художников. Маньковская обозначает индивидуальность творческого пути Жида через его отказ от участия в литературных лагерях своего времени, и развитие собственного романного творчества. В «Имморалисте» и «Тесных вратах» Жид показывает амбивалентность нравственных ориентиров, навязанных обществом и противопоставляет им самовыражение личного «Я», лишённого границ, а в

²⁴⁶Бабинцев В.А., Беспалова К.А. Новая позиция Андре Жида в восприятии современников // <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-pozitsiya-a-zhida-v-voispriyatii-sovremennikov/viewer> (дата обращения: 23.03.2022).

²⁴⁷Маньковская Н.Б. Нарцисс в зеркальных отражениях. Символистская эстетика Андре Жида // <https://cyberleninka.ru/article/n/nartsiss-v-zerkalnyh-otrazheniyah-simvolistskaya-estetika-andre-zhida/viewer> (дата обращения: 01.02.2023).

«Фальшивомонетчиках» создаёт новую форму романа²⁴⁸. Обзорная статья о творчестве Жида выдвигает идею главенства символистской эстетики в творчестве писателя, несмотря на размежевание с ней на раннем этапе его писательского пути.

Масштаб дарования Жида, его место во французской литературе, даже формальный статус лауреата Нобелевской премии, казалось бы, предполагали, что в отечественном литературоведении ему будет уделено такое же внимание, как его великим писателям-современникам Р. Роллану, М. Прусту, Ф. Мориак, А. Франсу. Однако этого не случилось. В России об А. Жиде написано существенно меньше, чем о каждом из вышеперечисленных авторов. По существу, в отечественном литературоведении не появилось ни одной монографии, в которой творчество французского писателя было бы представлено во всей его полноте, в то время как такие работы обобщающего характера о Роллане, Франсе или Прусте существуют²⁴⁹.

До определенного момента, примерно до середины 1960-х гг., «настороженность» отечественного литературоведения по отношению к Жиду была объяснима общей критической позицией советской науки о литературе по отношению к модернизму. Однако этот заслон был разрушен, «реабилитацией» модернизма в литературно-критическом сознании СССР. В середине 1960-х–начале 1970-х гг. стали появляться издания и переиздания произведений Ф. Кафки, М. Пруста, Дж. Джойса, А. Камю, Ж.-П. Сартра, публикации их произведений в журнале «Иностранная литература», работы об основоположниках модернизма. Однако эта реабилитационная волна не затронула Жида. Возможно, одна из причин – сложность произведений Жида, их ориентация

²⁴⁸ Там же <https://cyberleninka.ru/article/n/nartsiss-v-zerkalnyh-otrazheniyah-simvolistskaya-estetika-andre-zhida/viewer> (дата обращения: 01.02.2023)

²⁴⁹ См.: Мотылева Т.Л. Творчество Романа Роллана. – М., 1959; Балахонов В.Е. Ромен Роллан и его время. Ранние годы. – Л., 1972; Фрид Я.В. Анатоль Франс и его время. – М., 1975; Юльметова С.Ф. Анатоль Франс и некоторые вопросы эволюции реализма. – Саратов, 1978; Андреев Л.Г. Марсель Пруст. – М., Высшая школа, 1968; Михайлов А.Д. Поэтика Пруста. – М., Языки славянской культуры, 2012; Таганов А.Н. Формирование художественной системы М. Пруста и французская литература на рубеже XIX–XX веков. – Иваново: ИвГУ, 1993; Таганов А.Н. Формирование эстетической концепции Марселя Пруста: дис. ...д. филол. наук. – М., МПГУ, 1996.

на хорошо подготовленного, отчасти даже элитарного читателя? Но не более же сложен и «элитарен» Жид, чем Пруст или Джойс?

Несомненно, одна из причин того, что «заговор молчания» вокруг имени Жида затянулся, – его репутация писателя, раскритиковавшего Советский Союз в «Возвращении из СССР». Заслуга популяризации Ф.М. Достоевского во Франции до определенного момента не искупала греха «ренегатства».

Ситуация изменилась в конце 1970-х–начале 1980-х гг., когда начался кризис советской системы и идеологии. В Жиде увидели проницательного критика советской системы, уже в середине 1930-х гг. разоблачившего некоторые ее существенные изъяны. Кроме того, «либерализация» новороссийского общества, нарастание в нем прозападных настроений в период перестройки, кризис традиционных ценностей, переориентация литературоведов на изучение ранее табуированного модернизма – все эти тенденции привлекли наконец внимание к фигуре и творчеству «имморалиста» и модерниста Андре Жида, сделали их созвучными духу новой эпохи. Новый взгляд на А. Жида был снова определён политической конъюнктурой. Критики нередко затушёвывали глубокий интерес писателя к коммунизму, объясняя его желанием пожилого Жида идти в ногу со временем, а писательские интерпретации марксистских идей заблуждением. Однако фигура Андре Жида не может изыматься из политического контекста 20-30 годов. Писатель всю жизнь формировал свои философско-религиозные взгляды, лишённые догматизма, а, значит, сложные для интерпретации. Личный и творческий путь французского классика привёл его к тем воззрениям, которые стали фундаментом для его симпатии к СССР. Жид никогда не переставал быть эстетом, но стремился вырваться из умозрительного литературного мира символистов и декадентов, чьё влияние испытывал в молодости. Поиски в области политики – стали логичным продолжением его изменчивого пути.

Ещё одна причина невнимания отечественного читателя к Андре Жиду – отсутствие перевода его «Дневника», который писатель вёл всю жизнь. В эпоху модернизма «Дневник» стал расцениваться не столько, как мемуары, сколько как

альтернативный художественный нарратив. Дневниковый материал начал вплетаться в качестве литературного приёма, организовывающего сюжет художественных произведений, например, М. Пруста: «Перед вами просто дневник, но дневник, чудесно написанный и уже в этом одном его громадное преимущество перед скучнейшими газетами, которые мы считаем себя обязанными читать утром и вечером»²⁵⁰. Генри Миллер начинает свой роман «Тропик рака», напоминающий хаотичные дневниковые записи, с эпиграфа из Эмерсона. В нём речь идёт о том, что дневник вскоре вытеснит остальные литературные жанры: «Эти романы постепенно уступят место дневникам и автобиографиям, которые могут стать пленительными книгами, если только человек знает, как выбрать из того, что он называет своим опытом, то, что действительно есть его опыт, и как записать эту правду собственной жизни правдиво»²⁵¹. Для Жида Дневник был магистральной темой всего творческого пути, о чём неоднократно говорилось выше, в частности, на примере романа «Фальшивомонетки», где через дневник Эдуарда открывается замысел автора. К «Дневнику» Андре Жида обращает статьи Л.Е. Муравьёвой «Mise en abyme: Вариации значения» (2023).

В статье Муравьёва восстанавливает генезис западного термина *Mise en abyme*, встретившегося впервые в «Дневнике» Андре Жида в 1893 году, а в отечественном литературоведении обозначающийся как «роман в романе», «текст в тексте», «метароман» и т.д. Муравьёва начинает свою статью с наблюдения, что в нарратологии *mise en abyme* «понятие с зыбким терминологическим статусом»²⁵². В статье она стремится проследить «семантический потенциал» этого понятия и представить, как введённый Жидом термин повлиял на «Новый роман», в частности на А. Роб-Грийе, Н. Саррот и др. Случайная метафора, которую Жид употребил для описания своего излюбленного приёма – поместить

²⁵⁰ Пруст *Марсель*. По направлению к Свану. – СПб., Амфора, 1999. – С. 67.

²⁵¹ Миллер Г. Тропик рака; Чёрная весна: романы. – М., Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 43.

²⁵² Муравьёва Л.Е. *Mise en abyme: Вариация значений* // <https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/dd2/133-149%20muravieva179.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

внутри художественного текста элемент должен стать маленькой копией общего замысла, стала широко использоваться во французском литературоведении. Жид пишет: «Мне нравится, что в произведении искусства можно обнаружить транспонированный на уровне персонажей предмет (sujet) самого произведения. Ничто не высвечивает лучше и не устанавливает надёжнее его целостные пропорции. Так, на картинах Мемлинга или Квентина Мейсиса маленькое выпуклое и тёмное зеркало отражает интерьер комнаты, в которой разыгрывается нарисованная сцена [...] Но никакой из этих примеров не является абсолютно точным. Что ближе и точнее передало бы то, что я хотел выразить в моих «Тетрадах», «Нарциссе», или «Опыте любви» – это сравнение с гербовым процессом, когда в первом гербе помещается второй “en abyme”»²⁵³. Такую проекцию Жид создаёт в «Топях» через дневник Титира, в котором он рассказывает о замысле своего будущего произведения «Топи», а в «Фальшивомонетчиках» эту функцию исполняет многократно упомянутый дневник Эдуарда, пишущего свой роман «Фальшивомонетки». Муравьёва прослеживает, что этот приём, впервые упомянутый в 1893 году применительно к раннему произведению Жида «Опыты любви» направлен на воссоздание того процесса, в котором создаваемый текст влияет на самого автора и меняет его во время письма. Об этом пишет и Жид в «Дневнике»²⁵⁴. А впоследствии это открытие повлияет на структуру «Контрапункта» (1928) О. Хаксли, «Стены» (1939) Ж.-П. Сартра, «Дезинсектора!» (1979) У. Берроуза, романов А. Роб-Грийе и Н. Саррот. Муравьёва приводит множество французских статей 1960-1970-ых годов, в которых фигурирует термин «mise en abyme» применительно к феномену «нового романа», хотя участники этого направления неохотно признавали влияние Жида. Муравьёва подчёркивает ту разницу, которая существовала между первоначальным замыслом Жида и тем, каких целей добивались его последователи. Для Жида главной идеей было обозначить, что текст влияет и

253 *Gide André Journal 1889-1939*. P., Bibliothèque de la Pléiade, 1948. – P. 41.

254 *Ibid.* – P. 40

меняет автора в процессе его письма, а авторов нового романа больше интересует феномен «романа в матрёшке», вложения миров историй друг в друга²⁵⁵. Муравьёва на примере «Дневника Фальшивомонетчиков» доказывает, что в главном романе «Фальшивомонетки» Жид соединяет две цели: внутри романа он создаёт зеркало, в котором отражается замысел автора – это дневник Эдуарда, а вторая цель – это выявление проекции в текст взаимосвязи письма и пишущего. Муравьёвой важно проследить, как менялось понимание термина *mise en abyme*, как, несмотря на отречение от Жида авторов «нового романа», они всё-таки подразумевали его опыт и во многом заимствовали его, а также как этот термин вульгаризировался в современном западном литературоведении, утратив первоначальный смысл. Статья представляет одно из первых в отечественном литературоведении обращений не только к «Дневнику» Андре Жида, но и к его художественной составляющей, восприятию писателем своего дневника как лаборатории, в которой он наблюдал за изменением в свое письмо и занимался метатеоритизацией. Однако, недостаток внимания к «Дневнику» Андре Жида ранее тоже сильно сужает проблему его рецепции в России, поскольку «Дневник» – один из главных текстов писателя, а эволюция жанра дневника в его творчестве привела писателя к эволюции романа как такового.

Помимо «Дневника» и художественной игрой с вплетением жанра дневника в художественное повествование есть и ещё важные аспекты художественного мировидения Жида. Магистральные темы в его творчестве, которые можно проследить практически в каждом произведении писателя от «Топей» до «Фальшивомонетчиков», остались на периферии рецепции Жида в России. Это тема религиозного поиска, связанного с отказом от церковных догм, и тема принятия собственной сексуальности; торжество телесности и эротизма – идея пришедшая к Жиду от Ницше. Конфликт между религиозным и чувственными мирами, невероятно важный для А. Жида, нашёл своё отражение в таких, например, произведениях, как «Имморалист», «Тесные врата», «Подземелья

²⁵⁵ Муравьёва Л.Е. *Mise en abyme: Вариация значений* // <https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/dd2/133-149%20muravieva179.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

Ватикана» и «Пасторальная симфония». Жид находился между Сциллой своего протестантского воспитания и Харибдой юношеских страстей. Противоречие между духовным и телесным в творчестве писателя было глубоко личным и нашло своё отражение в автобиографии писателя «Если зерно не умрёт»: «Моё пуританское воспитание довело до крайности мою естественную сдержанность, и я не видел в ней никакого подвоха. У меня было полное отсутствие интереса к противоположному полу; если бы мне было достаточно сделать одно движение, чтобы узнать тайну женственности, я не сделал бы его; я самодовольно называл неодобрением мою естественную неприязнь и принимал своё отвращение за добродетель; я жил в замкнутом мире, лишённый свободы, и сопротивление стало моим идеалом; я уступал только детской порочной привычке и оставлял без внимания внешние соблазны. Порой, когда я начинаю верить в дьявола, я вспоминаю своё священный гнев, своё благородное негодование, и мне кажется, я слышу, как он смеётся и потирает руки в темноте»²⁵⁶. Несмотря на то, что открытие французского писателя в России всё-таки случилось в конце XX века, но недостаток внимания к его персоне объясняется тем, что эти важные темы остались нивелированы. Творчество Жида по инерции отождествляли только с политикой.

Важным фактором «открытия» Жида в перестроечной и постперестроечной России было и то, что «новая Россия» торопливо и с интересом открывала для себя все, что прежде было ей недоступно. Вот как этот процесс описывал Э. В. Лимонов в своей книге «Другая Россия»: «Все культурные, философские, и политические открытия и Европы и Азии прошли мимо России и остались ей неизвестны <...> А что происходило в остальном мире, в то время, когда закупоренная герметически как в консервной банке мариновалась, гнила и тлела Россия в соусе XIX века? Появился Фрейд – великий Конквистадор подсознательного и первооткрыватель либидо, воспели Сверхчеловека и обожали Вагнера в Германии, пришёл фашизм в Италии, появились д’Аннунцио, Андре

²⁵⁶ Жид А. Если зерно не умрёт // Жид А. Собрание сочинений: В 7т. Т.7. – М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 155.

Жид с его «Имморалистом», Джойс, книги Чемберлена, Генона, Эволы. Кнут Гамсун, Селин, Миллер. Из вышеперечисленных только Гамсун достиг России. После победы над националистами в Европе пришли экзистенциалисты, Сартр, Жан Жене, Театр абсурда, движение хиппи, культурная революция 1966-1976 в Китае, студенческие революции 1968-69 годов в Европе, Че Гевара, молодёжный терроризм «Красных бригад» и РАФ: Курчио, Каголь, Баадер, Майнхоф»²⁵⁷. Если оставить в стороне некоторые субъективные оценки Лимонова, то нельзя не согласиться, что европейский мир был наполнен противоречивыми дискуссиями, культурными и политическими событиями, которые завладевали умами молодых читателей. Андре Жид неслучайно упоминается среди этих знаковых фигур XX века. Прожив длинную жизнь, он участвовал в самых разных дискуссиях, создавал их сам и повлиял на целые поколения европейцев.

Жид вошел в культурное сознание новой России, о чем свидетельствуют и множющиеся издания произведений французского писателя, и новые литературоведческие работы о нем. Однако в изучении творческого наследия большого писателя еще многое предстоит сделать. Настоящая работа – шаг в этом направлении.

²⁵⁷ Лимонов Э. Другая Россия. – М., Ультра Культура, 2003. – С. 91.

Заключение

На протяжении почти всей своей долгой жизни Андре Жид испытывал живой интерес и неизменную симпатию к нашей стране. Возникший под впечатлением от знакомства с русской литературой в молодости этот интерес будет усиливаться под воздействием тех важных исторических событий, свидетелями которых стал французский писатель: первой мировой войны, Русской революции и опыта построения нового общества в СССР, противостояния «коричневой чуме» и второй мировой войны.

Образ России, каким он складывался в сознании французского писателя до его визита в СССР, отличался литературностью, формировался под впечатлением от русской литературы и прежде всего творчества и личности Ф.М. Достоевского. Книга «Достоевский» зафиксировала этот литературоцентричный образ России и русских. Для Жида Достоевский «собиратель русского духа» (Достоевский, С. 235). Жид воспринимал Ф.М. Достоевского и Россию сквозь призму своих религиозных, этических и эстетических взглядов. Неприятие официальной католической церкви, отказ от протестантизма как институтов и доктрин, сковывающих личность, не позволяющих ей находиться в процессе перманентного и свободного саморазвития, заставили Жида обратить взор на Россию Достоевского, в которой писатель увидел воплощение истинного, евангельского христианства. Это истинное христианство было истолковано Жидом как религия высшего отречения, самопожертвования, освобождения человека от своего ограниченного и эгоистического «я», открывающая путь к обретению открытости навстречу новому опыту, спонтанным ощущениям, в результате чего индивидуум приходит к своему подлинному «я» во всей его сложности и противоречивости. В личности Достоевского, в его романах и их персонажах Жид высоко ценил эту сложность, противоречивость, спонтанность, которую считал особенностью русских. Так интерпретированные Достоевский и русские соответствовали «культу ощущения» в этике и культу «искренности» в эстетике Жида.

В книге «Достоевский» разговор о творчестве великого русского писателя перерастает зачастую в осмысление различий русской и западной ментальности. Склонности западного мышления к логике и рационализации, сведению сложного явления к формуле, что было оборотной стороной культа формы и ясности, Жид противопоставил многомерность, объемность «полифонизм» и «диалогизм» мышления Достоевского, отразившего особенности русской ментальности с ее «всеохватностью». Этими различиями между русской и западной ментальностью Жид объяснял трудности вхождения Достоевского в литературное сознание Запада.

Образ русских у Жида близок тому представлению о них, которое в это же время репрезентировал в своей книге «Россия» (1925) Жак Ривьер, писавший о «наивности», «детскости» русских, их естественности и «недооформленности», своеобразных аналогах «искренности» А. Жида.

Формирование такого представления о России и русских происходило не без влияния модернистской эстетики, стремившейся утвердить новый тип красоты, более сложной и дисгармоничной. Этот тип красоты Жид-модернист обнаружил в романах Достоевского.

Если Э.-М. Вогюэ в «Русском романе», книге, которая оказала влияние на А. Жида, трактовал творчество Достоевского как «религию страдания», то Жид интерпретировал его как поиск новой формы, способной адекватно отразить сложность человеческой личности. Интерес Жида, «писателя становления», а не статики к процессу мышления, создания литературного произведения, становления личности, а не к конечному результату предопределил трактовку им Достоевского как человека и художника, пребывавшего в непрестанном поиске, борьбе с собой, не боящемся противоречий собственной мысли, не замыкающегося в рамках какой-либо определенной эстетики и идеологии. «Диалогизм» и «полифонизм» романов Достоевского оказались созвучны художественным исканиям Жида в жанре романа. Жид-писатель, модернист-экспериментатор прежде всего в жанре романа несомненно, испытал на себе влияние Достоевского. Жид находил в поэтике Достоевского своеобразный

аналог христианской, евангельской этической позиции писателя, его готовности к самопожертвованию и растворению в «Другом»: «Давая своим героям жизнь, он находит себя» (С. 249). Жиду импонировала та особенность Достоевского-писателя, о которой он неоднократно говорит в своей книге о нем: нежелание и неумение говорить от своего лица, стремление наделить самостоятельными и самоценными голосами своих персонажей.

Долгой традиции западного дискурса о России с его константными мотивами «варварства», «рабства», «недоцивилизованности» русских, Жид противопоставил свое представление о России как о стране истинного христианства, которое нашло свое продолжение в качестве светского варианта в коммунистической идее, захватившей писателя в начале XX века.

Эволюции образа России в творчестве Жида способствовала его поездка в СССР. Прежний образ России, навеянный русской литературой и Достоевским, существенно трансформировался в сознании писателя под влиянием непосредственных впечатлений от визита в Страну Советов. Жид не нашел в советской России того, что так ценил в России Достоевского – сложности. Перед ним предстал мир унифицированных советских людей в одинаковой одежде, с одинаковым строем мыслей, следующим «линии партии» и простыми потребностями. Обуржуазивание России – тревожный симптом, который Жид зафиксировал в своей книге «Возвращение из СССР». Вместе с тем писатель высоко оценил в советских людях сердечность, открытость, доброту, милосердие, готовность к самопожертвованию, т.е. лучшие черты русского типа, запечатленные в романах Достоевского. Траекторию отношения Жида к СССР можно описывать как акт «обращения», а затем «отречения». Но даже после «отречения» от СССР Жид поддерживал Советский Союз во время войны с Германией, о чём свидетельствуют его дневниковые записи. Более того, в 1945 году Жид пересматривает своё отношение к Сталину и к его тоталитарному режиму в частности, говоря о том, что диктатуру фашизма можно было победить только при создании альтернативной диктатуры²⁵⁸.

²⁵⁸Gide A. Journal, 1942-1949. – P., 1950. – P. 234.

Жид вошел в русское культурное сознание в первые годы XX столетия и был воспринят как эстет и декадент, сформировавшийся под влиянием Ф. Ницше и О. Уайльда и отразивший в своем творчестве умонастроения французских интеллектуалов эпохи *fin de siècle*. Позже, 1920–30-х гг., левые взгляды писателя, его приверженность коммунистической идеологии побуждают советскую критику увидеть в нем симпатизанта молодой Страны Советов, убежденного и последовательного критика буржуазного общества. В центре внимания оказывается эволюция его мировоззрения, движение от эстетства к коммунистической идее. Жид воспринимался как «благонадежный» представитель западной литературной элиты. Публикации о нем подготовили почву для визита в СССР. Советскому литературоведению импонировала «поэтика сдержанности» Жида, классическая ясность его стиля. В целом отношение советской критики к писателю было сдержанно-благожелательным.

Резкая перемена в оценках произошла после публикации «Возвращения из СССР». На французского писателя в советской прессе обрушился град упреков и обвинений в клевете на советскую действительность, предательстве и ренегатстве. Дополнительным фактором стало изменение в СССР в 1930-х гг. отношения к искусству авангарда и модернизма, начавшиеся гонения на «художников-пачкунов».

Отношение эмигрантской критики к Жиду было неоднозначным и не менее идеологизированным, чем отношение советской критики. С одной стороны, писателя осуждали как популяризатора советских идей и СССР в Европе, а с другой – видели в нем большого и сложного художника с противоречивым мировоззрением, ищущего свой путь.

«Заговор молчания» возник вокруг фигуры Жида в середине 1930-х гг.: его произведения не издавались, его творчество не исследовалось, имя писателя в лучшем случае упоминалось в негативном контексте. Возвращение Жида в культурное пространство СССР начинается в середине 1950-60-х гг., в период «оттепели». Творчество Жида получает более нюансированное освещение. Теперь в нем видят «голос поколения», крупного писателя-новатора, представителя

европейского модернизма, внесшего существенный вклад в обновление жанра романа. Особое внимание уделяется роману «Фальшивомонетки». Более широкому взгляду на творчество Жида в советской критике этого периода способствовала переоценка модернизма, отношение к которому в целом остается критическим, однако он перестает быть табуированным, появляются обстоятельные работы о модернизме и его представителях, издания и переиздания их произведений.

Новый этап восприятия Жида в России совпал с перестройкой. Изменение политической конъюнктуры, смена научных приоритетов и эстетических предпочтений академического сообщества, устремившегося открывать новые, дотоле табуированные имена и явления или переосмысливать известные привели к тому, что в Жиде увидели проницательного критика советской системы. Увлечение Жида левыми идеями теперь интерпретируется не как протест против буржуазной действительности, а как попытка покинуть «башню из слоновой кости» и потребность в духовном обновлении. Появляются солидные работы о французском писателе, диссертации, посвященные изучению отдельных аспектов творчества Жида, особый интерес вызывают обстоятельства возникновения замысла, написания и публикации «Возвращения из СССР». Но эти работы всё-таки не затрагивают художественного новаторства Жида, которое несомненно. Об этом в России написано гораздо меньше.

Но справедливо будет заметить, что в центре внимания российского литературоведения теперь не только политические, но и эстетические взгляды писателя. Жида начинают рассматривать как модерниста, писателя, повлиявшего на несколько последующих поколений французских писателей – А. Камю, Ж.-П. Сартра, А. Роб-Грийе, Н. Саррот и др. В этой связи появились статьи о главном романе писателя «Фальшивомонетки». Появляются работы, рассматривающие «Дневник» писателя, в котором можно проследить все этапы его творчества. Хотя это обстоятельство затруднено отсутствием перевода «Дневника» на русский язык за исключением некоторых отрывков. Религиозные поиски писателя, вошедшие в противоречие с его гедонистическими и эстетическими устремлениями, отражены

в «Дневнике». Эту сторону личности Андре Жида так же необходимо изучать для восстановления всех сложностей его писательской оптики.

Вместе с тем до сих пор о Жид в отечественном литературоведении не появилось ни одной монографии, в которой творчество писателя было бы представлено во всей полноте. Отечественное литературоведение в долгу перед большим французским писателем, чье творческое наследие, несомненно, заслуживает серьезного и обстоятельного изучения. Настоящая работа – лишь один из шагов на этом нелегком пути.

Список литературы

Источники

1. Жид, А. Достоевский [Текст] / А. Жид // Жид А. Собрание сочинений: В 7т. Т.6. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – 464 с.
2. Жид, А. Достоевский; Эссе [Текст] / А. Жид. – Томск: «Водолей», 1994. – 288 с.
3. Жид, А. Если зерно не умрёт [Текст] / А. Жид // Жид А. Собрание сочинений: В 7т. Т.7. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 5-295.
4. Жид, А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР [Текст] / А. Жид. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 640 с.
5. Жид, А. Собрание сочинений / Т.1: Стихотворения; Прометей; Имморалист; Трактаты; Изабелла; Саул; Критические статьи [Текст] / А. Жид. – Ленинград: Государственное Издательство «Художественная Литература», 1935. -
6. Жид, А. Тесные врата [Текст] / А. Жид // Жид А. Собрание сочинений: В 7т. Т.3. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – 418 с.
7. Жид, А. Фальшивомонетчики [Текст] / А. Жид. – Ленинград, Государственное Издательство «Художественная Литература», 1936. – 392 с.
8. Достоевский, Ф.М. Вечный муж [Текст] / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Том девятый / Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Ленинград, Издательство «НАУКА», 1974. – С. 5-112.
9. Gide, A. Essais critiques [Текст] / A. Gide. – P.: Gallimard, 1999. – 1408 p.
10. Gide, A. Journal. I. 1877-1925 [Текст] / A. Gide. – P.: Gallimard, 1996. – 1145 p.
11. Gide, A. Journal. II. 1926-1950 [Текст] / A. Gide. – P.: Gallimard, 1997. – 780 p.
12. Gide, André Journal Une anthologie (1889-1949) [Текст] / A. Gide. – P.: Gallimard, 2020. – 410 p.
13. Gide, André Journal 1889-1939 [Текст] / A. Gide. – P.: Bibliothèque de la Pléiade, 1948. – 1372 p.

14. Gide, André Journal 1939-1949. Souvenirs [Текст] / A. Gide. – P.: NRF, Gallimard, 1979. – 1280 p.
15. Gide, André Journal des faux-monnayeurs [Текст] / A. Gide. – P.: Gallimard, 2018. – 152 p.
16. Gide, A. Prétextes [Текст] / A. Gide. – P.: Mercure de France, 1903.
17. Gide, A. Prétextes. Réflexions sur quelques points de littérature et de morale [Текст] / A. Gide. – P.: 1926.
18. Suarès, A. Trois hommes. Pascal. Ibsen. Dostoïevski [Текст] / A. Suarès. – P.: Edition de la nouvelle revue française, 1913.
19. Vogüé, E. M. de. Cœurs russes [Текст] / E.M. de Vogüé. – P.: Armand Colin, 1893.
20. Vogüé, E.M.de. Le roman russe [Текст] / E.M. de Vogüé. – P.: Librairie Plon, 1886.

Научно-критическая литература

21. Алексеев, М.П. Русская тема в европейской литературе: Сб. статей и материалов [Текст] / М.П. Алексеев. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 528 с.
22. Бабинцев, В.А., Беспалова К.А. Новая позиция А. Жида в восприятии современников [Электронный ресурс] / В.А. Бабинцев. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-pozitsiya-a-zhida-v-vospriyatii-sovremennikov/viewer> (дата обращения 23.03.2022).
23. Баранова, Е.Г. Проблема автора в раннем творчестве Андре Жида (1891-1902) [Текст] / Е.Г. Баранова: дис. ... к. филол. н.. – Н. Новгород, 1999. – 210 с.
24. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: «Советский писатель», 1963. – 364 с.
25. Бахтин, М.М. Слово в романе [Текст] / М.М. Бахтин. // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Худож. лит.», 1975. – 504 с.

26. Бахтин, М.М. Человек у зеркала [Текст] / М.М. Бахтин. // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук, 1996. Т. 5. – С. 71-80.
27. Блум, Г. Западный канон. Книги и школа всех времён [Текст] / Гарольд Блум; Пер. с англ. Д. Харитонов. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 672 с.
28. Бобковский, А. Наброски пером (Франция 1940-1944) [Текст] / А. Бобковский. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 740 с.
29. Веселовский, А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха [Текст] / А.Н. Веселовский. – СПб.: Тип. Им., – Вып. 5. № XI-XII. АН, 1889. – 462 с.
30. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – Ленинград: Гослитиздат, 1940. – 648 с.
31. Владимирова, А.И. Андре Сюарес о Достоевском [Текст] / А.И. Владимирова // Взаимосвязи и взаимовлияния русской и европейской литератур: Материалы международной научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 1999. С. 81-87.
32. Владимирова, А.И. Достоевский во французской литературе XX в. [Текст] / А.В. Владимирова // Владимирова А.И. Достоевский в зарубежных литературах. – Ленинград: «Наука» Ленинградское отделение, 1978. – С. 37-61.
33. Владимирова, А.И. Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков (1890-1914) [Текст] / А.В. Владимирова. – Ленинград: Издательство ленинградского университета, 1976. – 96 с.
34. Волошин, М. Французская литература [Текст] / М. Волошин // Аполлон, 1909, №1. – С. 20-23.
35. Горький, М. Несобранные литературно-критические статьи [Текст] / М. Горький. – М.: Гослитиздат, 1941. – 550 с.
36. Два взгляда из-за рубежа: Переводы [Текст]. – М.: Политиздат, 1990. – 272 с.

37. Деррида, Ж. "Back from Moscow, in the USSR" [Текст] / Ж. Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. – М.: РИК «Культура», 1993. – 208 с.
38. Дубинская, М.В. Полифонический роман Ф.М. Достоевского и творчество французских писателей-модернистов Андре Жида и Алена-Фурнье: Автореф: дис. ... к. филол. н. [Текст] / М.В. Дубинская. – Тверь: 2015. – 26 с.
39. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика [Текст] / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 406 с.
40. Зарубежные писатели. Библиографический словарь: в 2-х ч. / Под. ред. Н.П. Михальской [Текст]. – М.: Просвещение, 1997. – 448 с.
41. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. Сост. Г.К. Косиков [Текст]. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – 512 с.
42. Зализняк, А.А. Дневник: к определению жанра [Текст] / А.А. Зализняк // НЛО. – 2010. – №106. – С. 162-180.
43. Зенкин, С. Андре Жид: Начало [Текст] / С. Зенкин // Андре Жид. Яства Земные, избранная проза.. – М.: Вагриус, 2000. – 640 с.
44. Зенкин, С. Жития великих еретиков (фигуры иного в литературной биографии). [Текст] / С. Зенкин // Ин. Лит. 2000. №4 – С. 123-139.
45. Зиновьева-Аннибал, Л.Д. В раю отчаяния. Андре Жид. Литературный портрет. [Электронный ресурс] / Л.Д. Зиновьева-Аннибал. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000100914?page=37&rotate=0&theme=white (дата обращения 23.03.2022).
46. История французской литературы: В 4 Т. [Текст]. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1946-1963.
47. Калинина, О.В. Образ России в романах В. Макина («Французское завещание», «Реквием по Востоку», «Земля и небо Жака Дорма»): дисс.... к. филол. н. [Текст] / О.В. Калинина. – М.: МПГУ, 2016. – 194 с.

48. Кашина, Т.А. Поль Клодель и Андре Жид: проблема культуры и творчества в переписке, автобиографической и дневниковой прозе (1899-1926): дис.... к. филол. н. [Текст] / Т.А. Кашина. – М.: МГУ, 2016. – 180 с.
49. Кирнозе, З.И. Последний среди классиков, первый среди модернистов (об Андре Жиде и его романе «Фальшивомонетчики») [Текст] / З.И. Кирнозе // Кирнозе З.И. Французский роман XX века (Годы 20-30-е. проблемы жанра). Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1977. – С. 110-126.
50. Кирнозе, З.И. Андре Жид – трансформация прозы XX века [Текст] / З.И. Кирнозе // Россия и Франция: диалог культур. Статьи разных лет: сборник научных трудов / Сост. В.Г. Зусман, К.Ю. Кашлявик, С.М. Фомин. – Нижний Новгород: изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. – С. 50-58.
51. Краткая литературная энциклопедия: В 9 Т. [Текст]. – М.: Советская энциклопедия, 1964.
52. Королева, С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов): монография [Текст] / С.Б. Королева. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2012. – 258 с.
53. Красавченко, Т.Н. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). [Электронный ресурс] / Т.Н. Красавченко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhid-gide-andre-1869-1951/viewer> (дата обращения 23.03.2022).
54. Кулябин, А.М. Литературно-критическая публицистика И.Г. Эренбурга в период Великой Отечественной войны: проблема жанровой типологии. [Электронный ресурс] / А.М. Кулябин. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturno-kriticheskaya-publitsistika-i-g-erenburga-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-problema-zhanrovoy-tipologii/viewer> (дата обращения 23.03.2022).
55. Левые в Европе в XX веке. Люди и идеи [Текст]. М., 2002.
56. Лимонов, Э. Другая Россия [Текст] / Э. Лимонов. – М.: Ультра Культура, 2003. – 270 с.

57. Литературная газета [Текст]. 23 октября 1933.
58. Литературная газета [Текст]. 23 июля, 1932. №33. С.1.
59. Литературная газета [Текст]. 5 августа, 1932.
60. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
61. Луков, Вл. А. Загадочная русская душа [Текст] / Вл. А. Луков. – М.: Знание. Понимание. Умение – № 4, 2008. – С. 124–131.
62. Маритен, Ж. Искусство и схоластика [Текст] / Ж. Маритен // Маритен Ж. Избранное. Величие и нищета метафизики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 445–549.
63. Михальская, Н.П. Андре Жид [Текст] / Н.П. Михальская // Михальская Н.П., Пронин В.А. и др. Зарубежная литература. XX век: Учебник для студентов педагогических вузов. – М.: Дрофа, 2003. – С. 36-41.
64. Михальская, Н.П., Пронин, В.А. и др. Зарубежная литература. XX век: Учебник для студентов педагогических вузов [Текст] / Н.П. Михальская, В.А. Пронин. – М.: Дрофа, 2003. – 464 с.
65. Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. [Текст] / Н.П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995. – 152 с.
66. Михеев, М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) [Текст] / М.Ю. Михеев. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 262 с.
67. Миллер, Г. Тропик рака; Чёрная весна: романы [Текст] / Г. Миллер. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. – 576 с.
68. Монделло, Э. Россия в путевых заметках Итало Кальвино и Альберто Моравиа [Текст] / Э. Монделло // Имагология и компаративистика. – 2018. – № 10. – С. 172-182.
69. На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX–начало XXI вв.) / Отв. ред. В.Б. Земсков [Текст] – М.: Новый хронограф, 2011. – 696 с.
70. Никитин, В. Андре Жид: Вехи творческого пути [Текст] / В. Никитин // Жид Андре Собрание сочинений: В 7т. Т. 1. – М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2002. – С. 5-25.

71. Никола, М.И. Имагология как новая область исследований в российском литературоведении [Текст] / М.И. Никола // Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В.П. Трыков. – М.: МПГУ, 2017. – С. 5–16.
72. Ницше, Ф. К генеалогии морали [Текст] / Ф. Ницше // Ницше Ф. Собрание сочинений: Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм; Человеческое, слишком человеческое; Весёлая наука; Злая мудрость; Так говорил Заратустра; По ту сторону добра и зла; К генеалогии морали; Сумерки идолов, или Как философствуют молотом; Есso homo. Как становятся самими собой. – М.: Престиж Бук, 2012. – С. 851-940.
73. Нойманн, И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей [Текст] / И. Нойманн. – М.: НЛО, 2004. – 336 с.
74. Ощепков, А.Р. Имагология. [Текст] / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.
75. Олливье, С. Полемика между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] / С. Олливье. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polemika-mezhdu-polem-klodelem-i-andre-zhidom-po-povodu-obraza-iisusa-hrista-v-tvorchestve-dostoevskogo/viewer> (дата обращения 23.03.2022).
76. Памук, О. Публичный дневник Андре Жида: личное прочтение [Текст] / О. Памук // Памук О. Другие цвета. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 239-253.
77. Пигров, К.С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации [Текст] / К.С. Пигров // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. – СПб.: 1998. – С. 200-219.
78. Поляков, О.Ю., Полякова, О.А. Имагология: теоретико-методологические основы [Текст] / О.Ю. Поляков, О.А. Полякова. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 162 с.
79. Последние новости [Текст]. 23 сентября, 1932.
80. Пронин, В.А. Поэзия Генриха Гейне: генезис и рецепция: дисс. ... д. филол. н. [Текст] / В.А. Пронин. – М.: МПГУ, 1994. – 258 с.

81. Пруст, М. По направлению к Свану [Текст] / М. Пруст. – СПб.: Амфора, 1999. – 540 с.
82. Пруст, М. Против Сент-Бёва [Текст] / М. Пруст. – М.: ЧеРо, 1999. – 222 с.
83. Ржевская, Н.Ф. А. Жид [Текст] / Н.Ф. Ржевская // История всемирной литературы: В 9 т. – М.: Издательство «Наука», 1994 – Т. 8. – С. 229–231.
84. Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В.П. Трыков. [Текст] – М.: МПГУ, 2017. – 252 с.
85. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. – М.: 1998. – 146 с.
86. Савельева, Е.Б. Дейксис и анафора как элементы актуализации авторской позиции: на материале автобиографической прозы Андре Жида: автореф. дис.... к. филол. н. [Текст] / Е.Б. Савельева. – М., 2014. – 18 с.
87. Стайн, Г. Войны, которые я видела [Текст] / Г. Стайн. – Тверь: Kolonna Publications. – 458 с.
88. Селин, Л.-Ф. Школа трупов [Текст] / Л.-Ф. Селин. – М.: Опустошитель, 2022. – 268 с.
89. Таганов, А.Н. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920–50-е годы) [Текст] / А.Н. Таганов. – Иваново: Издательство «Ивановский государственный университет», 2013. – 208 с.
90. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] [Текст] / Арнольд Дж. Тойнби. – М.: АСТ: Астрель; Владимир, ВК, 2011. – 312 с.
91. Токарев, Л.Н. Быть как можно более человечным... [Текст] / Л.Н. Токарев // Жид Андре Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР. – М.: Моск. рабочий, 1990. – С. 5-25.
92. Троицкий, Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка [Текст] / Ю.Л. Троицкий // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. – С. 14-32.
93. Трыков, В.П. Имагология и имагопоэтика [Текст] / В.П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 120–129.

94. Трыков, В.П. Россия в литературе Франции: учебное пособие [Текст] / В.П. Трыков. – М.: МПГУ, 2019. – 148 с.
95. Трыков, В.П. «Русская душа» в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» [Текст] / В.П. Трыков // Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В.П.Трыков. – М.: МПГУ, 2017. – С. 124-147.
96. Трыков, В.П. Французский литературный портрет XIX века. [Текст] / В.П. Трыков. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 360 с.
97. Трыков, В.П. «Эссе Жака Ривьера “Россия” как психологический портрет русских» [Электронный ресурс] / В.П. Трыков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esse-zhaka-riviera-rossiya-kak-psihologicheskii-portret-russkih/viewer> (дата обращения 23.03.2022).
98. Трыков, В.П., Ощепков, А.Р. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции: монография [Текст] / Трыков В.П., Ощепков А.Р. – М.; Б.: Директ-Медиа, 2021. – 528 с.
99. Усенок, Д.Д. «Возвращение из СССР» Андре Жида: до и после / Д.Д. Усенок // Литература в школе / Literature at school. – 2022. – № 1. – С. 54-65.
100. Усенок, Д.Д. «Дневник “фальшивомонетчиков”» А. Жида как продолжение романа / Д.Д. Усенок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 13 (842) – С. 193-205.
101. Усенок, Д.Д. Париж как текст (А. Жид, Э. Хемингуэй и Г. Миллер) / Д.Д. Усенок // Научные труды молодых учёных-филологов. – М.: МПГУ, 2021. – С. 233-239.
102. Усенок, Д.Д. Полемика А. Жида в книге «Достоевский» с французской консервативной мыслью начала века / Д.Д. Усенок // Наука и Школа. – 2021. – № 5. – С. 28-38.
103. Усенок, Д.Д. Традиция Эжена-Мельхиора де Вогюэ в книге Андре Жида «Достоевский» / Д.Д. Усенок, В.П. Трыков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. - № 5. – С. 122-128.

104. Усенок, Д.Д. Ф. М. Достоевский как архетип писателя в концепции А. Жида / Д.Д. Усенок // Швейцарские тетради № 11. Выпуск 11. – Н. Новгород.: НГЛУ, 2021. – С. 297-304.
105. Фенко, С.В. Французский литературный импрессионистический портрет: дис. ... к. филол. н. [Текст] / С.В. Фенко. – М.: МПГУ, 2021. – 157 с.
106. Фокин, С. Л. «Русская идея» во французской литературе XX века [Текст] / С.Л. Фокин. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 211 с.
107. Фокин, С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века [Текст] / С.Л. Фокин. – СПб.: РХГА, 2013. – 396 с.
108. Харитонова, Н.Ю. Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации [Электронный ресурс] / Н.Ю. Харитонова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andre-zhid-drug-sssr-rozhdenie-reputatsii/viewer>, (дата обращения 23.03.2022)
109. Харитонова, Н.Ю. К истории публикации «Возвращения из СССР» Андре Жида. Взгляд из Кремля [Электронный ресурс] / Н.Ю. Харитонова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-publikatsii-vozvrashcheniya-iz-sssr-andre-zhida-vzglyad-iz-kremlya/viewer> (дата обращения 23.03.2022).
110. Хабибуллина, Л.Ф. Миф о России в современной английской литературе [Текст] / Л.Ф. Хабибуллина. – Казань: Казанский ун-т, 2010. – 206 с.
111. Числа [Текст]. 1930, № 4.
112. Шайтанов, И. О. Компаративистика и/или поэтика: английские сюжеты глазами исторической поэтики [Текст] / И.О. Шайтанов. – М.: РГГУ, 2010. – 656 с.
113. Шапинская, Е.Н. Образ Другого в текстах культуры [Текст] / Е.Н. Шапинская. – М.: URSS, 2012. – 216 с.
114. Эренбург, И. Г. Письма / Т. 2. 1931-1967. «На цоколе историй...!»: [В 2 т.] [Текст] / И. Эренбург. – М.: Аграф, 2004. – 640 с.
115. Albas, A. Le Journal de Gide: le chemin qui mène à la Pléiade [Текст] / A. Albas. – Lyon: Centre d'Études Gidiennes, 1996. – 96 p.
116. Boisdeffre, P. De. Vie d'André Gide (1869–1951): essai de biographie critique [Текст] / P. De Boisdeffre. – P.: Hachette, 1970. – 569 p.

117. Brachfeld, Georges I. André Gide and the Communist temptation [Текст] / Gergeos I. Brachfeld. – Geneve, Paris: Librairie Minard, 1959. – 147 p.
118. Braud, M. La letter retenue, la lettre non envoyée dans les journaux de Bloy et de Gide [Текст] / M. Braud // *Épistolaire*. – 2007. – № 33. – P. 207-216.
119. Beigbeder, M. André Gide L'homme et l'oeuvre [Текст] / M.Beigbeder. – P.: Ed. Univ., 1961. – 128 p.
120. Bertalot, E.U. André Gide et l'attente de Dieu [Текст] / E.U. Bertalot. – P.: Minard, 1967. – 260 p.
121. Cahiers André Gide: en 14 vol. [Текст] / A. Gide. – P.: Gallimard, 1969-1989. – 108 p.
122. Claude, Jean Cahiers André Gide. André Gide et le théâtre. T.2 [Текст] / Jean Claude. — P.: Gallimard, 1992. — 539 p.
123. Claudel, P. Journal I, 1904–1932 / introd. par F.Varillon ; texte établi et annoté par F.Varillon et J. Petit [Текст] / P. Claudel. – P.: Gallimard, 1968. – 1499 p.
124. Celine, L.-F. Bagatelles pour un massacre [Текст] / L.-F. Celine. – P., 1937. – 368 p.
125. Corbet, Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe. 1799-1894 [Текст] / Ch. Corbet. – P.: Didier, 1967. – 491 p.
126. Deschodt, E. Gide: le contemporain capital [Текст] / E. Deschodt. P.: Perrin, 1991. – 334 p.
127. Friedmann, G. André Gide et l' U.R.S.S., Les editions rieder [Текст] / G. Friedmann. – P.: 1937. – 42 p.
128. Gibaut, F. Celine. 1932-1944. Delires et persecutions [Текст] / F. Gibaut. – P.: Mercure de France, 1985. – 378 p.
129. Ghèon, H., Gide, A. Correspondance [Текст] / H. Ghèon, A. Gide. – P.: Gallimard, 1976. – 1023 p.
130. Goulet, A. André Gide en question. Le contemporain capital [Текст] / A. Goulet. – P. 1987. – 266 p.

131. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters: A critical survey [Текст] / Ed. by M. Beller and J. Leerssen.. – Amsterdam; N. Y.: Rodopi, 2007. – 476 p.
132. Keypour, N. David. André Gide Écriture et réversibilité dans les faux-monnayeurs [Текст] / David N. Keypour. – Montréal, Les Presses de l'Université de Montréal, 1980. – 261 p.
133. Léautaud, P. Henri de Régner [Текст] – P.: «Mercure de France», 1905. – 695 p.
134. Lestringant, F. Le ciel sur la terre ou L'inquiétude partagée, 1869-1918 [Текст] / F. Lestringant // André Gide l'inquisiteur [v.1-2] – P.: Flammarion, 2011. – 1164 p.
135. Lestringant, F. Le sel de la terre ou L'inquiétude assumée, 1919-1951 [Текст] / F. Lestringant // André Gide l'inquisiteur [v.1-2] – P.: Flammarion, 2011. – 1521 p.
136. Lejeune, P. Exercices d'ambiguïté: lectures de «Si le grain ne meurt» d'André Gide [Текст] / P. Lejeune. – P.: Lettres modernes, 1974. – 107 p.
137. Mallet, R. Introduction à l'édition de Correspondance de Paul Claudel et André Gide R. Mallet [Текст] / R. Mallet // Claudel, P., Gide, A. Correspondance: 1899-1926 / – P.: Gallimard, 1949. – P. 9-42.
138. Masson, P. Claudel devant Gide. Une encombrante influence [Текст] / P. Masson // Bulletin de la Société Paul Claudel. – 2015. – №. 1 (215). – P. 45-56.
139. Masson, P. Lire Les Faux-Monnayeurs [Текст] / P. Masson. – Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 1990. – 167 p.
140. Maurer, Rudolf André Gide et l'URSS [Текст] / Rudolf Maurer. – Berne, Éditions Tillier, 1983. – 284 p.
141. Mauriac, F. La mort d'André Gide [Текст] / F. Mauriac. – P.: Éditions Estienne, 1952. – 46 p.
142. Maurois, André De Gide à Sartre [Текст] / André Maurois. – P.: Librairie académique Perrin, 1965. – 308 p.
143. Moutote, D. Index des idées, images et formules du Journal 1889-1939 d'André Gide [Текст] / D. Moutote. – Lyon: Centre d'Études Gidiennes, 1970. – 79 p.
144. Moutote, D. Le journal de Gide et les problèmes du moi: 1889-1925 [Текст] / D. Moutot. – P.: Presses universitaires de France, 1968. – 679 p.

145. Moutote, Daniel Réflexions sur les faux-monnayeurs [Текст] / Daniel Moutote. – P.: Champion, 1990. – 226 p.
146. Nersoyan, H.J. André Gide: The Theism of an atheist [Текст] / H.J. Nersoyan. – Syracuse: Syracuse University Press, 1969. – 210 p.
147. Pierre-Quint, L. André Gide. Sa vie, son œuvre [Текст] / L. Pierre-Quint. – P.: Stock (Delamain et Boutelleau), 1932. – 346 p.
148. Rivière, J. Études [Текст] / J. Rivière. – P.: Nouvelle Revue Française, 1936. – 254 p.
149. Savage Brosman, C. Gide et le demon [Текст] / C. Savage Brosman // Claudel studies. – 1986. – V. 13. – №2. – P. 45-46.
150. Savage, Catharine H. André Gide L'évolution de sa pensée religieuse [Текст] / Catharine H. Savage. – P.: Place de la Sorbonne, 1962. – 293 p.
151. Suarès A. Trois hommes. Pascal. Ibsen. Dostoïevski [Текст] / A. Suarès. – P.: Edition de la nouvelle revue française, 1913. – 372 p.